
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2022. Том 20, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Головкин Н. В., Эртель И. И. Фукидид и Л. Бонжур: ненамеренные убеждения и структура обоснования, ограниченного одним источником данных 5
- Черезова Е. Б. Аргумент исключения ментальной причинности и уровни организации живых объектов 21

Социальная философия

- Немкова Е. Ю. Фотографии и симуляции в городском пространстве 37
- Широкова М. А. Развитие представлений о человеке и государстве в философии политического образования 46
- Разумов В. И. Законы: историческая трансформация, современное понимание, классификация 56
- Савельев Д. Б. Становление коллегиально разделенной власти и революции в Западной Европе XIX века 67

История философии

- Мархинин В. В. На пути в Бенсалем: источники утопии «Новая Атлантида» в ранних текстах Фрэнсиса Бэкона 86

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

- Мархинин В. В. Трактат Фрэнсиса Бэкона «Валериус Терминус» 103
- Омолоева А. С., Симбирцева А. Е. У. Хьюэлл: индукция и дедукция в Novum Organon Renovatum 113

<i>Головкин Н. В. Естественная историческая установка: объективность вместо истинности</i> Рецензия на книгу: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.	127
Информация для авторов	141

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2023. Volume 21, issue 1

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Golovko N. V., Ertel I. I.* Thucydides and L. Bonjour: spontaneous beliefs and the structure of justification restricted to a single source of evidence 5
- Cherezova E. B.* The Mental Causality Exclusion Argument and the Levels of Organization of Living Objects 21

Social Philosophy

- Nemkova E. Y.* Photos and simulations in urban space 37
- Shirokova M. A.* Development of Ideas about a Person and the State in the Philosophy of Political Education 46
- Razumov V. I.* Laws: historical transformation, modern understanding, classification 56
- Savelyev D. B.* Establishing of Collegially Shared Power and Revolutions in Western Europe of XIX century 67

History of Philosophy

- Markhinin V. V.* On the way to Bensalem: origins of “New Atlantis” in Francis Bacon’s early texts 86

Scientific Life, Polemic and Discussions

- Markhinin V. V.* Valerius Terminus. Treatise by Francis Bacon 103
- Omoloeva A. S., Simbirthseva A. E. W.* Whewell: Induction and Deduction in Novum Organon Renovatum 113
- Golovko N. V.* Natural Historical Attitude: Objectivity Before Truth. Book Review: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 127
- Instructions for Contributors 141

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-5-20

Фукидид и Л. Бонжура: ненамеренные убеждения и структура обоснования, ограниченного одним источником данных

Никита Владимирович Головкин^{1,2}

Илья Игоревич Эртель²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

¹golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

²ilyaehrtel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0891-0709>

Аннотация

Цель работы – показать, как на практике могут соотноситься требование сохранения когерентности системы убеждений и соответствующее поведение «ненамеренных убеждений» в концепции эмпирического знания Л. Бонжура. В качестве примера рассматриваются рассуждения П. Коссо о достоверности «Истории» Фукидида с точки зрения представления возможности обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных. В качестве эвристики рассматривается проблема того, как зафиксировать контекстную зависимость вывода и в целом структуры обоснования знания в рассматриваемой ситуации. Во-первых, ничто не мешает дополнить концепцию Л. Бонжура представлением о немонотонном характере обоснования и когерентности в исходной системе убеждений. Такой шаг, в частности, позволит отказаться от необходимости аргумента «от метаобоснования». Во-вторых, интерпретация «ненамеренных убеждений», их обоснования и фактов, фиксирующих то, нарушают ли эти убеждения когерентность исходной системы или нет, как паттернов (в смысле фундаментальной концепции существования Д. Росса) дает возможность (например, за счет фиксации «интерпретирующей перспективы» и «функциональной роли» проекции) содержательно проинтерпретировать «контекстную зависимость» в каждом конкретном случае.

Ключевые слова

знание о прошлом, обоснование, когерентизм, метаобоснование, немонотонный вывод, контекстная зависимость, паттерн, философия археологии, П. Коссо, Л. Бонжура

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

© Головкин Н. В., Эртель И. И., 2022

Для цитирования

Головко Н. В., Эртель И. И. Фукидид и Л. Бонжур: ненамеренные убеждения и структура обоснования, ограниченного одним источником данных // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 5–20. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-5-20

Thucydides and L. Bonjour: spontaneous beliefs and the structure of justification restricted to a single source of evidence

Nikita V. Golovko^{1,2}

Илья И. Эртель²

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

¹golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

²ilyaertel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0891-0709>

Abstract

The paper aims to show how in practice the requirement to maintain the coherence of the system of beliefs and the corresponding behavior of «spontaneous beliefs» within the concept of empirical knowledge by L. Bonjour can be correlated. The main example considered is P. Kosso's arguments about the reliability of Thucydides' «History» connected with the idea of possibility of justification restricted to a single source of evidence. As a heuristics we deal with the problem of how to establish the contextual dependence of inference and, in general, of the structure of the justification of knowledge within the given situation. First, it is possible to extend L. Bonjour's concept with the idea of the nonmonotonic nature of justification and coherence of the original system of beliefs. Such a step, in particular, will make it possible to abandon the need for the argument «from meta-justification». Second, the interpretation of «spontaneous beliefs», their justification and facts fixing whether these beliefs violate the coherence of the original system or not, as patterns (in the sense of the fundamental concept of existence by D. Ross) makes it possible (for example, due to the exact understanding of «interpretative perspective» and «functional role» of the projection) to meaningfully interpret the «context dependence» in each particular case.

Keywords

knowledge of the past, justification, coherenetism, meta-justification, nonmonotonic inference, context dependence, pattern, philosophy of archeology, P. Kosso, L. Bonjour

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Golovko N.V., Ertel I.I. Thucydides and L. Bonjour: Spontaneous Beliefs and the Structure of Justification Restricted to a Single Source of Evidence. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 5–20. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-5-20

В плане иллюстрации проблем и возможностей когерентистской модели обоснования знания «История» Фукидида – это пример ситуации, в которой обоснование ограничено практически исключительно самим письменным источни-

ком. В общем случае обоснование знания о прошлом предполагает сопоставление данных разных типов – например, письменных и материальных источников, если мы говорим об истории, или результатов независимых вспомогательных теорий, интерпретирующих имеющиеся данные, если мы говорим о доисторическом периоде. В случае отсутствия адекватных археологических данных мы попадаем в ситуацию, в которой, условно, не будет сопоставления «теоретического» и «эмпирического» в том виде, как мы привыкли понимать обоснование знания в естественных науках. Конечно, говоря об истории, мы в целом находимся в парадигме, когда знание строится на основании данных, которые у нас есть именно *сейчас*¹. В этом смысле такой тип обоснования по определению можно назвать «внутренним», поскольку основания для придания определенного эпистемического статуса одной части «описания» мы ищем в той же самой системе убеждений, полагая одни «представления» по каким-то причинам «более обоснованными», чем другие. «История» Фукидида, по сути, – это единственный достаточно масштабный дошедший до нас источник информации о Пелопоннесской войне. Сама война велась между Афинами и Спартой в конце V века до нашей эры за господство в прилегающих районах Средиземного моря и закончилась поражением афинян². И вопрос, естественно, не о самой войне, а о том, в каком смысле мы можем обоснованно утверждать в эпистемическом плане, что описание войны, предложенное Фукидидом, достаточно достоверно?

Ниже мы отдельно приведем в пример одну из наиболее интересных, в нашем случае, трактовок «Истории» Фукидида – рассмотрим работу Питера Коссо «Исторические данные и эпистемическое обоснование: Фукидид как пример» [1993], а также кратко остановимся на основных, на наш взгляд, моментах концепции эмпирического знания Лоуренса Бонжура с целью составить общее представление о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных. Наша гипотеза заключается в том, что «неявную информацию, заключенную между строк», значимость которой для обоснования знания о прошлом подчеркивает П. Коссо, можно интерпретировать как «новые эмпирические (observational) данные», по отношению к которым в концепции Л. Бонжура должна сохраняться когерентность³. В этом смысле наличие достаточно обоснованных «ненамеренных убеждений», которые

¹ Не вдаваясь в детали дискуссии о доверии историков к тому, что было написано до них, приведем известную цитату К. Маккуллага: «В общем случае историки обосновывают свои выводы о прошлом на основании их собственных убеждений относительно данных (observable evidence), которые есть у них в настоящий момент. Этот факт может смутить тех, кто полагает, что достоверность исторического описания зависит от согласованности (coherence) с другими принятыми убеждениями о прошлом в том же самом смысле, как если бы они отвечали имеющимся данным. Подобное допущение *искажает* представление о важности данных для историков. Если историческое описание неоправданно несовместимо с тем, что мы наблюдаем, то в такой ситуации историки скорее усомнятся в описании, чем в том, что они наблюдают» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [McCullagh, 1984, p. 91–92].

² См.: «Пелопоннесская война» (ред. 16 ноября 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пелопоннесская_война (дата обращения: 08.12.2022)

³ Естественно (замечание рецензента), в общем случае, «неявная информация» – это сырые данные. И здесь речь идет об уже эксплицированной информации. Данные в собственном смысле (как то, что дано) возникают в результате «интерпретации» (концептуализации). В этом смысле «новые эмпирические данные» – это рефлексивная экспликация неявной информации, то есть ненамеренные убеждения, и именно последние соответствуют «спонтанным» убеждениям Л. Бонжура.

нарушают предполагаемую связность того, о чем говорится в «Истории», – это достаточный признак того, чтобы предположить, что альтернативные объяснения (как основания для выстраивания «новой когерентности») хорошо обоснованы и что, возможно, нам следует признать нарратив «Истории» недостоверным. Отдельно рассматривается вопрос о том, как в рамках приведенной интерпретации рассуждений П. Коссо в терминах концепции эмпирического знания Л. Бонжура следует отразить контекстную зависимость вывода и в целом структуры обоснования знания в рассматриваемой ситуации. Во-первых, ничто не мешает дополнить концепцию Л. Бонжура представлением о немонотонном характере обоснования и когерентности в исходной системе убеждений. Такой шаг, в частности, позволит отказаться от необходимости аргумента «от метаобоснования». Во-вторых, интерпретация «ненамеренных убеждений», их обоснования и фактов, фиксирующих то, нарушают ли эти убеждения когерентность исходной системы или нет, как паттернов (в смысле фундаментальной концепции существования Д. Росса) дает возможность (например, за счет фиксации «интерпретирующей перспективы» и «функциональной значимости» проекции) содержательно интерпретировать «контекстную зависимость» в каждом конкретном случае.

Фукидид в представлении П. Коссо

Сложно представить, что у нас нет достаточного количества эмпирических данных, на основании которых мы не можем достаточно хорошо интерпретировать такое знаковое событие для античной Греции, как Пелопоннесская война. Однако, погружаясь именно в эпистемическую (не собственно историческую) проблематику, мы можем заметить, что *вспомогательные теории, которые придают значение и достоверность данным, на которых проверяется исходная теория, должны быть от нее эпистемически независимы*. Например, обоснованием достоверности того, что описано в исторических летописях, должны быть археологические данные. Парадокс заключается в том, что кроме текста «Истории» у нас практически нет ничего, на основании чего мы могли бы заключить о достоверности того, о чем говорит Фукидид. Слова автора в каком-то смысле должны обосновывать сами себя. Естественно, это частный случай «внутреннего» обоснования, характерного для исторической науки в целом. И ключевой вопрос, который тут можно задать, – вопрос о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) исходных данных. Какого рода когерентистская модель обоснования знания здесь будет работать, какие ее элементы будут наиболее значимы в плане обоснования эпистемического статуса тех или иных убеждений о прошлом и почему?

Нельзя сказать, что «История» Фукидида обделена вниманием исследователей. И тем не менее, отправной точкой нашей реконструкции является не позиция историка, а позиция философа. На наш взгляд, П. Коссо удалось схватить весьма важный момент, связанный с появлением в когерентной системе новых убеждений, фиксирующих «неявную информацию, заключенную между строк», которые можно использовать и как основания для обоснования других убеждений, и как «потенциальные фальсификаторы» для обоснования всей системы в целом.

Таким образом, задается содержательный критерий неоднородности убеждений, входящих в когерентную систему, по их эпистемическому статусу. Последнее важно, так как этот факт открывает возможность соответствующим образом проинтерпретировать концепцию эмпирического знания Л. Бонжура на конкретно-научном материале и построить частное решение проблемы структуры обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) исходных данных. Начнем с того, как П. Коссо интерпретирует материальные источники, которые мы могли бы привлечь для оценки достоверности написанного Фукидидом. Количество материальных источников, которые могли бы подтвердить либо в той или иной степени могли бы считаться релевантными нарративу Фукидида, минимально: «Решения Народного собрания об организации Сицилийского похода, записи о выплатах афинским генералам – это независимые подтверждения того, о чем говорит Фукидид. Но таких данных мало, их недостаточно для системного и детального обоснования. Как отмечает Уильям Уоллес: “Результаты разочаровывают. Фукидид лучше подходит для восстановления картины принимаемых [политических] решений, чем [доступная информация о политических] решениях для понимания Фукидида”. Но даже эти несколько обнаруженных соответствий переводят текст из разряда художественная литература в разряд история и дают основания попытаться глубже обосновать написанное» [Kosso, 1993, р. 6–7]. Конечно, есть еще описания затмений и чумы, которые вместе с выбранным стилем повествования (разбивающим каждый год войны на лето и зиму, что в идеале позволяет с точностью до полугода определить, когда что-то произошло) могут считаться независимым подтверждением тех или иных событий⁴. Нельзя сказать, что нарратив Фукидида полностью лишен «эвиденциального подкрепления», но эти описания скорее о «физических», а не об «исторических» событиях. В этом смысле при наличии подходящих «вспомогательных теорий», связывающих «физические» и «исторические» события (например, хорошая математическая модель, рассчитывающая затмения Луны на широте Афин назад в прошлое), ничто не запрещает нам решать вопрос о достоверности «Истории» в традиционном ключе.

Говоря о письменных источниках, которые могли бы играть роль «независимых источников данных», П. Коссо вводит важное разделение между «письменными источниками, касающимися тех же вещей и событий» и «источниками, в которых другие авторы непосредственно пишут о Фукидиде, его стиле и методе подачи материала»⁵. В первом случае: «Геродот и Ксенофан описывают события, которые непосредственно предшествуют и идут сразу за теми событиями, которые описывает Фукидид. И в том самом смысле, в каком описания Фукидида согласуются с описаниями Геродота и Ксенофана, – в этом же самом смысле мы можем считать, что описания Фукидида внутренне согласованы. Диодор и Плутарх

⁴ См., например: «Затмения Фукидида» (ред. 22 марта 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Затмения_Фукидида (дата обращения: 08.12.2022) и «Афинская чума» (ред. 26 ноября 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Афинская_чума (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ В оригинальной работе П. Коссо приводит несколько (больше двух) направлений анализа текста, которые должны указать на те или иные характеристики, по которым мы можем судить о достоверности повествования.

описывают договор с Мегарами и осаду Сиракуз в полном соответствии с тем, что об этом пишет Фукидид. И есть основания предполагать, что они пользуются независимыми источниками. Они живут позже Фукидида и ссылаются на Эфора Кимского, и в этом смысле могут не просто повторять Фукидида» [Kosso, 1993, p. 7–8]. Как мы видим, с точки зрения апелляции к согласованности описаний «тех же вещей и событий», взятых из разных источников, скорее всего, мы могли бы считать эту согласованность признаком объективности. Во втором случае: «Понимание оснований позиции автора, где он был, с кем он был близок и т.д., помогает понять, почему он сосредоточен на том, чтобы осветить именно эти вещи, именно в такой перспективе, почему он именно так интерпретирует имеющуюся информацию. Фукидид был включенным наблюдателем, офицером афинской армии, и это важный факт для понимания достоверности того, о чем он говорит. Большая часть была написана после (on leave from) армии, но, скорее всего, он сохранил надлежащее представление о том, кто на самом деле “хорошие парни”. Его субъективность могла повлиять на точность. Понимание собственной позиции Фукидида помогает отделить факты от вымысла. В работе «Фукидид» Дионисий Галикарнасский (1 век до нашей эры) отмечает немногословность и темп изложения, акцент на стиле, а не на точности или методологии. Подобные оценки может сделать каждый из нас, поскольку они не предполагают никакой дополнительной информации об авторе, кроме знакомства с его текстом. С точки зрения данных (evidence), мы фиксируем конечное состояние, но никак не сам процесс, который привел к этому конечному состоянию» [Kosso, 1993, p. 8]. И вот здесь появляется то, что заставило нас обратить внимание на работу П. Коссо. Речь идет именно об «оценках, которые может сделать каждый из нас».

Как отмечает П. Коссо: «Более эффективная стратегия [по отношению к той, в которой мы выделяем позитивные признаки объективности повествования] будет заключаться в том, чтобы *апеллировать к непрямым характеристикам обоснования, к ненамеренной информации, заключенной между строк...* Это не то, о чем Фукидид говорит сам, но аспекты его метода, которые проявляются в характеристиках его текста и которые могут служить *ненамеренными данными в пользу достоверности*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Там же, p. 9]. В данном случае мы должны разделить, условно, «научный» и «философский» контексты. Первый касается того, о чем, собственно, говорит Фукидид, а второй – того, как мы могли бы представить «Историю» с точки зрения когерентистской модели обоснования знания в позитивном ключе – с точки зрения наличия в системе убеждений определенных именно *эпистемических* индикаторов, характеризующих достоверность убеждений. Мы уже согласились с тем, что согласованность различных точек зрения на событие, акцент на том, что мы должны учитывать разные точки зрения, – это индикатор достоверности. Но в общем случае это не так. Тот факт, что Фукидид включил в повествование точки зрения как афинян, так и спартанцев, может быть просто «правилом хорошего тона» в том, что касается демонстрации «объективности» освещения событий очевидцем. Однако с точки зрения «логики обоснования» само наличие в тексте точек зрения обеих сторон конфликта может и не быть значимым признаком достоверности. Такой прием может быть просто отрежиссированным *риторическим* приемом, цель которого –

не достоверность, а внимание читателя. Ведь «для того, чтобы дебаты были эффективны, мы должны находиться в ситуации, когда стороны слышат друг друга» [Kosso, 1993, p. 11]. Это и есть пример вычитываемой «ненамеренной информации, заключенной между строк» (ее нет в оригинальной системе, внутри которой мы обсуждаем обоснованность убеждений, для системы это новая информация, и она появляется только после того, как историк [читатель] по каким-то причинам задумается об этом), которая и помогает определиться с эпистемической состоятельностью описания. Если противопоставляемые в тексте точки зрения не осознавались таковыми противостоящими сторонами, самими «принимающими решения» субъектами, то они не могут считаться «данными», которые мы, например, можем использовать для того, чтобы, опираясь на них, обосновать достоверность описываемых событий. Такие характеристики текста как «согласованность», «разнообразие примеров», «внимание к деталям» и другие могут быть результатом того, что у автора хорошо развит навык «работы с текстом», но никак не признаками достоверности информации об описываемом событии. Другой пример «ненамеренного убеждения», которое приводит П. Коссо и которое может возникнуть у историка, анализирующего «Историю», – это указание на то, что Фукидид не всегда оправданно «вкладывает в уста и головы» говорящих их мотивы и представления: «Он легко сообщает о том, о чем думают другие люди, даже не заботясь о том, что написать “предположительно, х думал, что”. Часто приводят в пример то, как Фукидид описывает мотивы, ощущения и ход мыслей Клеона при планировании и осуществлении захвата Пилоса в 425 году: “Клеон знал, что становится непопулярным”. Нет оснований считать это описание чем-то кроме вымысла (invention), поскольку Фукидид, насколько позволяют судить данные, не был близок с Клеоном. У него не было основания в достаточной степени судить об оценке событий самим Клеоном» [Там же, p. 12]. По отношению к тексту «Истории», по отношению к выстраиваемой (и наверняка желанной с точки зрения Фукидида) согласованной, взаимно объясняющей картине описания исторических событий подобные наблюдения действительно имеют вид новых «ненамеренных» убеждений, которые, следуя П. Коссо, должны играть конструктивную роль в оценке достоверности повествования. В каком виде?

Одним из примеров, который приводит П. Коссо, интерпретируя конструктивную роль появляющихся «ненамеренных убеждений», является элиминативизм. В духе фальсификационизма К. Поппера отмечается, что «ненамеренные убеждения», скорее, должны будут играть «отрицательную», а не «положительную» роль, – они должны не подтверждать «истинность повествования», а указывать на факторы, которые эту «истинность повествования» должны разрушить (как, например, указание на то, что согласованность текста не является однозначным критерием его достоверности): «Достоверность данных не является результатом позитивной проверки [подтверждения] индикаторов достоверности. Обоснование [статус] является результатом выживания (survival) утверждения по результатам нескольких потенциально элиминирующих проверок. Процесс обоснования состоит не в том, чтобы обнаруживать признаки истинности, но признаки ложности. Искать признаки ложности и не находить их» [Kosso, 1993, p. 12]. Последнее наводит на мысль о том, что, говоря о когерентной мо-

дели обоснования, в данном случае важна не когерентность сама по себе, но сохранение когерентности при добавлении новых данных, в роли которых могут выступать отмеченные «ненамеренные убеждения». Предполагается, что единственным правдоподобным объяснением того, почему при изменении (не только по объему, но и с точки зрения того, что источником «ненамеренных убеждений» является читатель, а не автор) данных когерентность сохраняется, является тот факт, что когерентность изначально не является случайной. Как следствие, говоря о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены одним источником (типом) данных, мы можем рассмотреть аналог хорошо известного аргумента «Чудеса не принимаются», – прогресс науки был бы похож на чудо, если бы научное знание не отражало бы объективную реальность. В нашем случае *достоверность знания связывается с требованием «динамического сохранения когерентности» перед лицом новых данных*. Подчеркнем, важна не когерентность сама по себе (хорошо согласованная система не обязательно будет достоверной), а признаки, которые ее «фальсифицируют». Устойчивость когерентной системы по отношению к «новым» данным, в роли которых, например, могут выступать «ненамеренные убеждения», являющиеся следствием рефлексии историка о роли тех или иных характеристик текста (либо характеристик событий, вычитанных из текста) в эпистемическом анализе его достоверности, не может быть случайной. И это приводит нас к концепции эмпирического знания Л. Бонжура, который буквально говорит аналогичные вещи: «Только в том случае, если система убеждений, описывающая мир, *остается относительно стабильной достаточно долго*, у нас появится основание полагать, что [некоторые] убеждения с высокой вероятностью могут быть истинными. Эта стабильность с течением времени является одним из аспектов представления о динамической когерентности. Система убеждений будет получить новые (input) эмпирические данные, и именно *сохранение когерентности перед лицом новых данных* будет говорить о [приблизженной] истинности системы... Сложно представить, что система убеждений, которая непрерывно получает новые данные, будет оставаться когерентной в течение времени, *не пересматривая* то, что [какие-то факторы, новые убеждения] может разрушить ее стабильность. Одно из объяснений состоит в том, что такая система убеждений отвечает объективной реальности, которую она описывает *достаточно строго* (closely enough) для того, чтобы минимизировать потенциальный вред [который могут принести новые данные]. Наилучшим *объяснением* сохранению стабильности со временем является то, что (а) когнитивно спонтанные (spontaneous) [ненамеренные, новые] убеждения, которые являются достоверными внутри системы, систематически являются следствием определенного рода ситуаций, которые [они собственно] и отражают (depict), и (б) вся система убеждений соответствует в известной степени объективной реальности, которую она описывает» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, p. 170–171]. Ниже мы постараемся выделить и осветить основные характеристики концепции Л. Бонжура таким образом, чтобы подчеркнуть то, в каком смысле мы могли бы связать ее и идею П. Коссо о значимости «неявной информации, заключенной между строк» для понимания структуры обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных.

Когерентность и новые данные

На наш взгляд, основной элемент концепции Л. Бонжура, который может быть нам полезен в контексте ответа на вопрос о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены одним источником (типом) данных, – это его представление о «спонтанных (spontaneous) убеждениях», которые мы будем называть «ненамеренными», в системе «эмпирических (observational) убеждений»⁶. Допустим, мы задаемся вопросом: «Какого цвета то самое платье от Roman Originals?»⁷. В эпистемической перспективе это не вопрос о том, какого оно цвета (или какого цвета лист бумаги, на который падает свет, проходящий через розовые линзы очков). Это вопрос о том, как мы можем обосновать (в эпистемическом смысле, т.е. какие шаги аргумента должны быть пройдены, чтобы у нас появилась возможность приписать определенный эпистемический статус) убеждение о том, что цвет платья такой-то и такой-то. Примечательно то, что исходным пунктом рассуждения для Л. Бонжура выступает позиция У. Селларса, который говорит о том, что «достоверность (credibility) [эмпирических убеждений] является функцией того, как именно убеждение было произведено (came to exist) определенным образом и в определенных обстоятельствах»: «Данное эмпирическое убеждение [как единичный представитель определенного класса эмпирических убеждений] обладает (possess) достоверностью, которая зависит не только от его содержания, но и каким-то образом зависит от способа, каким оно принимается (comes to be accepted), который зависит от его зарождения (origin) в сознании субъекта» (курсив автора. – Н. Г., И. Э.) (Цит. по [Bonjour, 1985, p. 115]). Как отмечает Л. Бонжур: «Селларс характеризует этот процесс [который заканчивается принятием эмпирического убеждения] как ситуацию, в которой человек занимает определенную “позицию” в особой лингвистической или концептуальной “игре” в стиле стимул – реакция, при этом “позиция” определяется не стимулом, а реакцией. Нечто похожее на взгляд Селларса представляется мне основным ингредиентом, который требуется для того, чтобы когерентная теория была бы корректным представлением эмпирического знания. *Убеждения приходят извне системы, но обосновываются только внутри нее.* В этом смысле обоснование эмпирических убеждений всегда зависит от уже принятого знания о том, что *убеждения определенного вида являются номологически достоверными индикаторами актуального присутствия тех фактических ситуаций, чье существование они описывают.* И это не означает, что субъект должен *заранее знать все*, что относится к отме-

⁶ В данном случае мы намеренно выбираем по смыслу перевести «спонтанный (spontaneous)» как «ненамеренный», именно в смысле *unintended*, поскольку усматриваем близость того, как Л. Бонжур говорит о «спонтанных убеждениях», и того, как Х. Патнэм говорит о «ненамеренных интерпретациях». Следуя Х. Патнэму: «Совокупное использование языка (total use of language) [подразумевается удовлетворение всем теоретическим и операциональным ограничениям на интерпретацию терминов] не фиксирует единственность намеренной интерпретации в большей степени, чем аксиоматическая теория множеств... не может исключить ненамеренных интерпретаций» [Putnam, 1980, p. 466]. «Спонтанные убеждения» Л. Бонжура и «ненамеренные интерпретации» Х. Патнэма близки по характеру их «природы», так как язык у Х. Патнэма также является когерентной системой.

⁷ Здесь мы имеем в виду известный «дрессгейт» 2015 года, связанный с обсуждением оптической иллюзии, возникающей вследствие явления хроматической адаптации. См.: «Феномен синего или белого платья» (ред. 21 августа 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Феномен_синего_или_белого_платья (дата обращения: 08.12.2022)

ченному “принятому знанию”. Какие-то убеждения будут *приниматься* прежде, чем другие, но их статус как *обоснованных* зависит от того, как они согласуются (fit) с другими, формируя когерентную систему убеждений» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Там же, р. 116]. Более того, «эмпирические убеждения являются эпистемически обоснованными только в силу принятого (background) эмпирического знания, а значит ненамеренные (spontaneous) убеждения являются эпистемически достоверными в силу следующих условий. Во-первых, должен существовать класс или категория этих ненамеренных убеждений, который должен выделяться и быть распознаваемым субъектом, который ими [убеждениями] оперирует. Во-вторых, этот класс должен быть эпистемически достоверным по отношению к предмету убеждений: убеждения, когда они появляются, с высокой вероятностью являются истинными, либо они с высокой вероятностью появляются в ситуации, для которой определены специфические условия появления таких достоверных убеждений. В-третьих, субъект должен иметь когнитивный доступ к основаниям [посылкам] обоснования: он должен распознавать соответствующие убеждения, отличать их от других; должен принимать (believe), что эти убеждения в определенных условиях являются достоверными в нужной степени, и это его убеждение должно быть обоснованно; должен обоснованно принимать, что отмеченные условия достоверности действительно достигаются» [Там же, р. 122–123]⁸. Когда мы говорим о значимости «неявной информации, заключенной между строк», очевидно, что новые «ненамеренные убеждения» (представление в тексте точек зрения всех сторон конфликта на самом деле может не быть хорошим признаком достоверности получаемой информации) должны удовлетворять этим критериям. Примечательно то, что у Л. Бонжура есть еще одно условие, которому должны удовлетворять «ненамеренные убеждения».

Как отмечает Л. Бонжур, «важно четко понять, что требование: “любая адекватная модель эмпирического знания должна *требовать*, а не просто допускать возможность поступления (input) [новых] данных со стороны мира в когнитивную систему, поскольку без этого любая согласованность между системой и миром может быть только случайной”, является *априорным*. Это *априорная* истина,

⁸ Последнее условие, на наш взгляд, является одним из ключевых: «Когерентистское обоснование существенным образом зависит от способности субъекта *рефлексивно схватить* (grasp) *собственную систему убеждений*; много зависит от того, на что именно обращает внимание субъект, и от предварительных допущений, которые он считает корректными. Отдельные вопросы, касающиеся содержания системы убеждений, могут быть разрешены интроспективно. Например, если я задаюсь вопросом: есть ли у меня убеждение В, которое я думаю, что у меня есть, то я могу рефлексивно проанализировать этот вопрос и сформировать (или нет) подходящее ненамеренное убеждение. Естественно, обоснование этого нового ненамеренного убеждения (или негативного знания, что у меня не получилось его сформировать) будет зависеть от того, насколько я рефлексивно схватываю систему» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, р. 137]. Показательно то, как Л. Бонжур интерпретирует содержание памяти: «Обоснование событий в памяти субъекта будет зависеть от того факта, что определенные виды когнитивно ненамеренных убеждений могут (изнутри системы) считаться достоверными. При этом сами воспоминания также будут являться *поступившими* (новыми) для когнитивной системы убеждениями, т.е. убеждениями, принятыми с точки зрения системы, но чье когнитивное содержание не выводится из других убеждений системы. Когнитивная система, которая не может приписать достоверность уже согласованным в ней ненамеренным убеждениям, должна будет предложить альтернативное объяснение этой согласованности просто для того, чтобы сохранять надлежащую степень когерентности» [Там же, р. 155].

что эмпирическое знание об объективной реальности невозможно без поступления данных, что когнитивная система должна считать достоверными некоторые из ненамеренных убеждений, если она содержит [претендует на то, чтобы содержать] эмпирическое знание» (курсив автора. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, p. 142]. Возможно, это замечание не имеет особого значения для предмета нашей статьи. В конце концов, изначально нас интересовало только то, как можно представить (существует ли подходящая философская теория) «ненамеренные убеждения» в структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных. Однако (и совершенно неожиданно для нас), анализ понятия «метаобоснование», которое Л. Бонжур вводит для того, чтобы раскрыть ту разновидность рационализма, которая априорно обосновывает приближенную истинность всей системы, может привести к еще одному интересному следствию из гипотезы о том, что мы можем связать сохранение когерентности системы с соответствующим поведением «ненамеренных убеждений».

Л. Бонжур вводит понятие «метаобоснование» для того, чтобы подчеркнуть разницу в обосновании убеждений внутри системы и в обосновании того, что сама система является приближенно истинной (truth-conductive): «Основная задача теории эмпирического знания разбивается на две: дать представление о стандартах эпистемического обоснования, дать метаобоснование того, что предлагаемые стандарты являются адекватными. Предлагаемые стандарты эпистемического обоснования будут являться верными (correct), только если мы знаем, что они на самом деле ведут (conductive) по направлению к нашей когнитивной цели – к истине. И это единственный способ защитить нашу теорию от конкурентов и скептиков» [Bonjour, 1985, p. 9]. Естественно, вместе с обсуждением стандартов обоснования убеждений внутри системы мы должны поговорить и об обосновании этих стандартов. Подчеркивается, что эти два обоснования должны быть разными по своей природе: обоснование убеждений в рамках когерентной системы является апостериорным, а метаобоснование – априорным: «Как только априорная пропозиция становится понятной, ничего, *кроме самого этого понимания*, не требуется, – не нужно апеллировать к каким-то еще стандартам, чтобы “увидеть”, что пропозиция истинна, а значит, ничего больше не требуется, чтобы понять, что она обоснована. В то время как это не верно для эмпирических пропозиций, которые не являются необходимо истинными» (курсив автора. – Н. Г., И. Э.) [Там же, p. 211]. Подобный ход рассуждений по своей природе фаундалистский – априорные убеждения обоснованы непосредственно, без апелляции к другим убеждениям: «Когерентность [в концепции Л. Бонжура] не является сущностной (essential) характеристикой, она причастна только апостериорному обоснованию. Субъект не должен *показывать*, что интуитивное понимание ведет к истине. И этот момент тревожит. Эпистемическое обоснование должно быть унитарным. Должна быть характеристика (или их семейство) общая для всех обоснованных убеждений – это именно то, о чем должна быть (provide) теория эпистемического обоснования... Переход к априорному обоснованию только откладывает неизбежное: не должно ли быть *еще одно априорное метаобоснование, для каждого априорно обоснованного убеждения*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Goldman, 1989, p. 113]. И вот эти моменты, на которые указывает

А. Голдман, – наличие общей характеристики для всех обоснованных убеждений и необходимость где-то остановить «регресс метаобоснования», – важны.

На наш взгляд, все рассуждения до сих пор велись исключительно в рамках традиционной для философии науки определенного периода, «аналитической» перспективы. В то же время, говоря о соотношении «теории» и «данных» в исторических науках, достаточно сложно отделаться от ощущения, что мы обсуждаем обоснованность «нарратива», который может быть весьма далек от идеала, в роли которого выступает физическая теория. Одно дело, когда вы работаете с теориями, условно, «допускающими дедуктивную систематизацию данных», т.е. имеете возможность (при прочих равных и с учетом оговорок при определении «теоретического» и «эмпирического», а также понимании «реального» и «идеального» представления знания) апеллировать к законам, к гемпелевской модели (и производным от нее моделям) объяснения и, конечно, к гипотетико-дедуктивной модели обоснования знания, – как к основной и чуть ли не единственной методологической схеме, закрепляющей связь теории и данных. Здесь вы имеете полное право рассматривать, например, каноническую интерпретацию вывода к лучшему объяснению. Другое дело, когда мы говорим об истории и археологии (а также о биологии, геологии, археологии, медицине, криминалистике) и других областях знания, в которых всего этого, по-хорошему, нет. Здесь теории никогда не смогут быть такими же строгими, как в физике и химии, но от этого они и не являются менее обоснованными, менее «научными». Сам факт того, что в этих областях знания связь теории и данных не является следствием «априорно принятой логической схемы взаимосвязи теории и данных» (Л. Лаудан), – просто потому, например, что под «законом» здесь может пониматься любой достаточно устойчивый паттерн аргументации, в лучшем случае, хорошее (по Дж. Миллю) индуктивное обобщение, – не означает, например, что у нас не может быть своего, адаптированного именно под данное «нарративное объяснение» вывода к лучшему объяснению. Это значит, что для того чтобы более адекватно говорить о возможностях интерпретации рассуждений П. Коссо в терминах концепции эмпирического знания Л. Бонжура, в наши рассуждения необходимо внести элемент контекстуальности, отражающий особенность структуры обоснования убеждений именно в рассматриваемой ситуации.

В двух словах, проблема заключается в том, что у нас есть субъект, который схватывает содержание определенной когерентной системы убеждений и обладает способностью формулировать новые «ненамеренные убеждения», которые он стремится обосновать внутри системы и тем самым устраивает проверку системы на когерентность. Если когерентность сохраняется, то всегда есть шанс, что тем самым мы подтвердили тезис, что система (если она уже выдержала несколько таких проверок) является приближенно, в каком-то возможном смысле, истинной. Если первоначальная когерентность не сохраняется, то мы, при прочих равных, вынуждены задать (придумать) новые основания для восстановления с учетом новых данных когерентности внутри системы и, по идее, переходим к проверке уже новой системы убеждений. Чем дольше живет (противостоит про-

веркам) система, тем больше мы в ней уверены⁹. В этом смысле заключение, к которому приходит П. Коссо, во многом не в пользу Фукидида. Наличие достаточно обоснованных «ненамеренных убеждений», которые нарушают предполагаемую связность того, о чем говорится в «Истории», – это достаточный признак того, чтобы предположить, что альтернативные объяснения (как основания для выстраивания «новой когерентности») хорошо обоснованы и что, возможно, нам следует признать нарратив «Истории» недостоверным. И это заключение подтверждается как рассуждениями П. Коссо, так и логикой когерентистской концепции эмпирического знания Л. Бонжура. Однако остаются еще А. Голдман и предположение о необходимости порассуждать о контекстной зависимости вывода в конкретной ситуации, предполагающей, что обоснование знания ограничено исключительно одним источником (типом) данных.

Как можно включить соображения контекстной зависимости вывода в рассуждения о том, что обоснование «ненамеренных убеждений», т.е. включение их в когерентную систему, будет играть существенное значение с точки зрения «сохранения когерентности перед лицом новых данных»? Мы должны интерпретировать этот вывод как *немонотонный*. Почему Л. Бонжур вынужден разделять эмпирическое обоснование убеждений внутри системы и априорное метаобоснование? Потому что он хочет оставаться «аналитическим» философом. Несмотря на то что Л. Бонжур различает когерентную теорию истинности и когерентистскую концепцию обоснования (и допускает, что последняя может соотноситься с корреспондентной теорией истинности), он все равно говорит о «правилах, к которым мы обращаемся для того, чтобы решить, является ли нечто *истинным* или нет» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, p. 88]. Более того, говоря собственно о «когерентности», речь идет о том, что «логическая совместность (consistency) является необходимым условием когерентности» [Там же, p. 95] и что «ошибочно слишком близко ставить [отношения] когерентность и объяснение» [Там же, p. 100]. В конце концов, книга Л. Бонжура выходит в 1985 году и нацелена на «классический» для современной эпистемологии контекст, связанный с именами Р. Чизолма, Н. Решера, А. Голдмана, М. Уильямса и других. Между тем, уже давно существует (и никуда не исчезала) традиция, в которой вывод не обязан быть дедуктивным. Здесь можно вспомнить С. Тулмина о том, что в общем случае правила аргументации не обязаны следовать паттерну, заданному геометрией как дедуктивной системой: «Мы можем доказать, что сумма углов треугольника 180 градусов, посредством дедукции, не измеряя и не наблюдая актуальный треугольник. Указание на актуальные треугольники не необходимо, чтобы доказать теорему, оно *не является адекватным основанием для того, чтобы пересмотреть теоремы, которые выводятся из постулатов*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Toulmin, 1976, p. 77]. Любая (достаточно) формальная система вывода апеллирует правилами вывода и «теоремами», которые получены посредством этих правил. Естественно, когда мы говорим о логике, ключевое свойство формальной системы – совместность (consistency). Смысл в том, чтобы все «теоремы» были бы истинны одновременно, поскольку в полной (complete) и совместной системе

⁹ В каком смысле приведенные рассуждения отвечают тому, что можно найти у Т. Куна или И. Лакатоса, решать читателю.

правила вывода не позволят вам сделать ложный вывод. В *монотонной* системе любая новая «теорема» будет совместна с предыдущими. Однако в *немонотонной* системе множество «теорем» будет постоянно пересматриваться. Рискнем предположить, что, когда С. Тулмин говорит о «пересматриваемом» (*revisable / tentative*) выводе, он представляет его как часть формальной *немонотонной* системы¹⁰. Когда мы обсуждаем то, как «ненамеренные убеждения» способны изменить наше представление о достоверности когерентной системы убеждений о каком-то событии в прошлом, мы можем считать систему *немонотонной*. Во-первых, никто и никогда не скажет, что подтверждение гипотезы в исторических науках сродни доказательству теоремы в математике. Во-вторых, понимание того, что мы работаем в *немонотонной* системе, избавит нас от необходимости жестко различать «эмпирический» и «нормативный» контексты. В такой системе «метаобоснование» не нужно. Л. Бонжур разделяет обоснование и метаобоснование потому, что его представление о «законченности» (*conclusiveness*) вывода апеллирует к условной «логической» парадигме, в которой именно «опровергаемость» (*defeasibility*) отражает представление о том, как может измениться обоснование вместе с изменением объема данных¹¹. Поэтому он и настаивает на априорном характере метаобоснования ввиду его «неопровергаемости» данными. Если мы изначально зафиксируем то, что обоснование в когерентной системе *немонотонно*, то никакая «унитарность» (по А. Голдману) эпистемического обоснования, как общая характеристика для всех обоснованных убеждений, нарушена не будет. Точно так же, как не будет проблемы «регресса метаобоснования».

В заключение кратко отменим еще один момент, который может быть полезен в плане понимания структуры обоснования знания в ситуации, когда мы ограни-

¹⁰ Тем интереснее типология *немонотонных* выводов, которую приводит В. Лукасевич (см.: [Lukasiewicz, 1990, p. 84–87]). Все отмеченные им типы выводов: «прототипический» (характеристика верна для вида (*type*), но может нарушаться в конкретном случае), «предположительный» (в практической деятельности предположение всегда опирается на опыт, а не на категориальные различия), «вероятностный» (акцент на субъективной вероятности), «лучшая догадка» (в ситуации с неполной информацией ни одно действие нельзя считать непоследовательным), – можно легко проинтерпретировать и для концепции Л. Бонжура, и в рамках реконструкции П. Коссо.

¹¹ Здесь можно вспомнить традиционный уже спор о том, как Б. Рассел и А. Уайтхед испортили философию, буквально навязав всем «математическую» интерпретацию логики. В «классической» парадигме, у Аристотеля, «убедительность» (*persuasiveness*) вывода предполагала, кроме прочего, также «достоверность» (*soundness*,сылки должны быть истинными), «релевантность» (сылки и заключение должны быть связаны, т.е. должна быть возможность их содержательно соотнести друг с другом) и «полезность» (в смысле расширять имеющееся знание). В «современной» парадигме все эти характеристики потерялись и заменены одним требованием «правильности» (*validity*). Да, Б. Рассел и А. Уайтхед сделали большой шаг вперед в том, что касается понимания того, почему мы можем доверять выводу в формальных системах. Однако, когда мы говорим о науках, в которых нет и не может быть «дедуктивной систематизации данных», мы не должны смотреть в них на вывод исключительно с формальных позиций. Более того, предполагая, что обоснование в системе убеждений в концепции Л. Бонжура *немонотонно*, у нас, например, появляется возможность содержательно различать «вероятностный» (по В. Лукасевичу) и «логически опровергаемый» выводы, что может иметь значение, когда мы выступаем в роли П. Коссо.

Отдельно, говоря о различии «эмпирического» и «нормативного» контекстов, здесь также можно вспомнить о проекте натурализации (У. Куайн, М. Девитт и др.), где также подчеркивается, что различение этих контекстов не будет иметь значения, если мы сведем все многообразие философского дискурса к одной практической перспективе. В этом смысле всю «аналитическую философию» можно считать «натурализованной на материале математической логики».

чены исключительно одним источником (типом) данных. И сами «ненамеренные убеждения», и их содержание, и понимание их обоснованности внутри системы, и понимание того, нарушают ли они когерентность или нет, являются *паттернами*. На наш взгляд, не нарушая общности рассуждений Д. Деннета, мы можем считать «ненамеренные убеждения» и все сопутствующие «заключения», которые их касаются в рамках рассматриваемой ситуации, паттернами, т.е. «устойчивыми элементами, которые мы выделяем из некоторого набора данных в рамках некоторой “интерпретирующей перспективы”, как функционально значимые описания» (см: [Dennett, 1991])¹². Более того, после того как Д. Росс проинтерпретировал концепцию Д. Деннета как фундаментальную концепцию существования: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (projectible) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте S. При этом эта информация является более продуктивной (efficient), чем тривиальное представление (bit-map encoding) S, в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект S, который невозможно было бы обнаружить (track), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» [Ross, 2000, p. 161], понятие «реальный паттерн» становится крайне привлекательным с точки зрения раскрытия содержания представления о контекстуальном контингентном выводе. Если мы хотим подчеркнуть в исторических науках контекстную зависимость вывода от конкретной ситуации, то вместо того чтобы просто говорить об «убеждениях» и «обосновании», которые в обыденном смысле полагаются объектами своей особой эйдетической природы, мы можем воспользоваться гораздо более инструментальным их представлением, которое, в частности, наглядно продемонстрирует саму контекстуальность (например, за счет фиксации «интерпретирующей перспективы» и «функциональной значимости» проекции) без необходимости переходить от «аналитической» перспективы к «феноменологической» с подчеркнутой демонстрацией преимуществ именно нарративного описания истории.

¹² В данном случае (мы благодарны Игорю Евгеньевичу Присю за высказанные замечания) важно подчеркнуть, что «паттерн» – это не только объект сам по себе (электрон), но и убеждение, фиксирующее «процессуальную характеристику» объекта, например, «обоснование убеждения, что за окном идет снег» – это паттерн, который именно «кем-то выделен как устойчивый элемент из некоторого набора данных в рамках некоторой “интерпретирующей перспективы”, потому что он по каким-то основаниям функционально значим». В этом смысле в утверждении «это яблоко красное» (мы стоим на рынке перед лотком с яблоками и указываем на одно из них) можно выделить как минимум три (на самом деле больше, в зависимости от принятой базовой онтологии) паттерна – «яблоко», «красный цвет этого яблока сейчас», а также убеждение, которое связывает «в заданной интерпретирующей перспективе» яблоко и соответствующую моду красного цвета яблока. То, что фиксирует в каждом конкретном случае убеждение о состоянии «обоснованности» или «когерентности» (при условии, что мы можем приписать этому убеждению какой-то эпистемический статус), также является паттерном.

Список литературы / References

- Bonjour L.** The Structure of Empirical Knowledge. Harvard University Press, 1985.
- Dennett D.** Real Patterns // Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. P. 27–51.
- Kosso P.** Historical Evidence and Epistemic Justification: Thucydides as a Case Study // History and Theory. 1993. Vol. 32. No. 1. P. 1–13.
- Lukaszewicz W.** Non-Monotonic Reasoning: Formalization of Commonsense Reasoning. New York: Ellis Horwood, 1990.
- McCullagh C.** Justifying Historical Descriptions. Cambridge University Press, 1984.
- Putnam H.** Models and Reality // Journal of Symbolic Logic. 1980. Vol. 45. P. 464–482.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence // A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 147–168.
- Toulmin S.** Knowing and Acting. New York: Macmillan, 1976.

Информация об авторах

- Головко Никита Владимирович**, доктор философских наук, доцент
¹Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
²Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН
- Эртель Илья Игоревич**, магистр философии
Младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Authors

- Nikita Golovko**, Doctor of Sciences (Philosophy)
¹Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
²Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS
- Ilya Ertel**, MA (Philosophy)
Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 17.12.2022;
одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 26.12.2022*
*The article was submitted 17.12.2022;
approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 26.12.2022*

Научная статья

УДК 165

DOI 110.25205/2541-7517-2022-20-4-21-36

Аргумент исключения ментальной причинности и уровни организации живых объектов

Елена Борисовна Черезова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

<https://orcid.org/0009-0005-9103-9721>

Аннотация

Цель работы – продемонстрировать возможность непротиворечиво принять существование эффективной ментальной причинности в фундаментально физическом мире. Мы полагаем, что понятие причинности в аргументе исключения Дж. Кима против ментальной причинности, подразумевающее генеративную концепцию каузальных отношений, может быть пересмотрено с учетом концепции специфичности многоуровневой организации живых объектов. Отказ от механистической модели причинности как линейного процесса позволяет сохранить приверженность принципу каузальной замкнутости физического мира и в то же время объяснить, как возможна нисходящая причинность макроуровня. Мы используем модель фрактального дерева причинных цепочек Дж. Лоу, в которой ментальная причинность играет роль косвенной причины факта. Содержательное различие причинности фактов и событий мы проводим, прибегая к многоуровневой модели Дж. Эллиса, в которой ментальную причинность можно рассматривать как факт макроуровня, оказывающий селективное влияние на физические события ниже лежащих уровней с учетом широкого средового контекста.

Ключевые слова

физикализм, эмерджентизм, дуализм, аргумент исключения, ментальная причинность, сверхдетерминация, уровни организации

Для цитирования

Черезова Е. Б. Аргумент исключения ментальной причинности и уровни организации живых объектов // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 22, № 4. С. 21–36. DOI 110.25205/2541-7517-2022-20-4-21-36

© Черезова Е. Б., 2022

The Mental Causality Exclusion Argument and the Levels of Organization of Living Objects

Elena B. Cherezova

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-9103-9721>

Abstract

The paper aims to demonstrate the possibility of consistently accepting the existence of effective mental causality in the fundamentally physical world. We suppose that the concept of causality in J. Kim's exclusion argument against mental causation, which implies a generative conception of causal relations, can be revised taking into account the specificity of the multilevel organization of living objects. Rejection of the mechanistic model of causality as a linear process, allows you to maintain commitment to the principle of causal closure of the physical world and at the same time explain how top-down causality at the macro level is possible. For this, we use the model of a fractal tree of causal chains by J. Lowe, in which mental causality plays the role of an indirect cause of a fact. We carry out a meaningful distinction between the causality of facts and events by resorting to the multilevel model of J. Ellis, in which mental causality can be considered as a macro-level fact that has a selective effect on physical events of lower levels, taking into account a wide environmental context.

Keywords

physicalism, emergentism, dualism, exclusion argument, mental causality, overdetermination, levels of organization

For citation

Cherezova E. B. The Mental Causality Exclusion Argument and the Levels of Organization of Living Objects. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 21–36. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-21-36

Физикализм охватывает широкий диапазон взглядов, для которых в целом характерно утверждение, что физическая область имеет определенное онтологическое превосходство над ментальной и другими нефизическими областями. В общих чертах это означает, что каждое нефизическое свойство для своей реализации нуждается в физических свойствах, но не наоборот [Kim, 1984]. Если исходить из редукционистской позиции тождества ментальных и физических событий, тогда утверждение, что ментальное оказывает влияние на события физического уровня, представляется проблематичным. Всякий раз, когда имеет место какое-либо ментальное свойство M , оно будет реализовано некоторым конкретным физическим (нейрофизиологическим) свойством P , которое будет порождать различные поведенческие акты. В таком случае не останется никакой причинной работы для ментальных свойств M , и они оказываются излишними, т.е. исключенными работой физических свойств P . Активные дискуссии на эту тему начались со статьи Н. Малкольма «Представимость механизма» [Malcolm, 1968], в которой автор утверждал, что при полном описании нейрофизиологического механизма поведения исключается как избыточное описание целенаправленного поведения в терминах мотивов, целей и т.п. Нейрофизиологическая теория, описывающая такой механизм, ещё не создана, конечно, но принципиально возмож-

на. Она должна быть достаточно сложной, чтобы дать систематические каузальные объяснения всех телесных движений, не вызванных внешними физическими причинами, и иметь возможность констатировать достаточные, а не только необходимые, условия движения на основе физиологических законов. Н. Малкольм подчеркивает, что такая теория не предусматривает рассмотрение в качестве причин желаний, целей, мотивов или намерений, что делает её «исключающей цели» системой объяснения (*nonpurposive system of explanation*) [Там же, с. 46].

Утверждение, что каждый физический эффект причинно обусловлен уже существовавшими ранее физическими детерминантами, и поэтому ментальные свойства не вносят никакого причинного вклада, является сердцевинной аргумента исключения. Существует несколько вариантов формулировки этого аргумента, иногда также называемого аргументом каузальной сверхдетерминации [Patterson, 2005; Gibb, 2014; Raatikainen, 2018]. В любом случае аргумент приводит к выводу, что ментальная причина всегда исключается физической причиной. С. Гибб, например, формулирует аргумент следующим образом.

- 1) Некоторые ментальные события имеют физические последствия (психопричинность).
- 2) Каждое физическое следствие имеет достаточную физическую причину (замкнутость).
- 3) Отсутствует систематическая каузальная сверхдетерминация (не сверхдетерминированность).
- 4) Таким образом, ментальные события, имеющие физические эффекты, тождественны физическим событиям (см.: [Gibb, 2014]).

Главным сторонником аргумента исключения был Дж. Ким, использовавший его для защиты сильной редукционистской формы физикализма [Kim, 1989; 2009]. В общем виде этот аргумент может быть сформулирован в виде вопроса: как возможна ментальная причинность без сверхдетерминированности в каузально замкнутом физическом мире? В своем анализе Дж. Ким исходит из общего метафизического ограничения, которое он называет принципом каузального исключения (1): если событие *e* имеет достаточную причину *c* в момент *t*, никакое событие в момент *t*, отличное от *c*, не может быть причиной события *e*, если только это не случай каузальной сверхдетерминации (см.: [Kim, 2005, p. 17]). Также физикалисту необходимо принять каузальную замкнутость физического мира (2) и супервентность (3) ментального на физическом (*mind-body supervenience*).

Каузальная замкнутость физического означает, что каждое физическое явление, имеющее причину, имеет именно *физическую* причину. Иными словами, рассматривая причинную историю любого физического события, никогда не возникает необходимости обращаться к чему-либо нефизическому (душам, богам, демонам, абсолютному духу и т.п.). Сам по себе этот принцип не является гарантом сильной физикалистской позиции. Понятие супервентность фиксирует такое положение дел, при котором система, обладающая определенными свойствами, состоит из сущностей более низкого уровня и ее свойства определяются свойствами или состояниями этих низкоуровневых сущностей. При этом никакие изменения на более высоком уровне не происходят без изменений на более низком уровне. Последний компонент проблемы ментальной причинности – это ду-

ализм свойств (4): ментальные свойства не тождественны физическим свойствам и не редуцируемы к ним. Дж. Ким показывает, что каузальная эффективность ментальных свойств несовместима с одновременным принятием всех этих четырех утверждений: (1) каузальное исключение, (2) каузальная замкнутость физического мира, (3) супервентность ментального и (4) дуализм свойств. Проблема исключения, по сути, это проблема объяснения того, как возможна ментальная каузальность в фундаментально физическом мире. Учитывая физические причины и дополнительное предположение о том, что физические эффекты, как правило, не являются систематически каузально сверхдетерминированными, Дж. Ким считает неизбежным вывод, что нет места неустранимым ментальным причинам. Если ментальные события не могут быть отождествлены с физическими событиями, они исключаются как эпифеномены. Эти соображения Дж. Ким обозначил как «мечь Декарта физикалистам» [Kim, 1998, p. 28]. После трех десятилетий дебатов становится очевидно, что «если мы хотим надежной ментальной каузальности, нам лучше быть готовыми серьезно относиться к редукционизму, нравится нам это или нет» [Kim, 2005, p. 22].

Вообще проблема исключения использовалась для двух разных целей. Иногда ее представляют как проблему физикализма, проблему, которая «бьет в самое сердце физикализма» [Kim, 1998, p. 30], а иногда как аргумент в пользу физикализма или даже как «стандартный каузальный аргумент в пользу физикализма» [Parineau, 2008, p. 142]. Как отмечает К. Беннетт [Bennett, 2008], Дж. Ким использует проблему исключения, чтобы защитить свою версию редуктивного физикализма против нередуктивного физикализма, в то время как Д. Папино использует проблему исключения, чтобы защитить физикализм как таковой от дуализма свойств. Нередуктивный физикализм и эмерджентизм имеют сходные затруднения в отношении проблемы исключения из-за их общей приверженности нисходящей ментальной причинности и физической каузальной замкнутости (см.: [Crane, 2001, p. 207]). Сама К. Беннетт считает, что эти две точки зрения находятся в разных позициях по отношению к проблеме исключения, и нередуктивный физикализм всё же лучше, чем эмерджентизм. Разница этих позиций связана, во-первых, с разным отношением к принципу причинной замкнутости физического: в отличие от нередуктивных физикалистов, эмерджентисты могут, по крайней мере, последовательно ее отрицать. И, во-вторых, супервентность ментального также приводит к угрозе причинного исключения для нередуктивного физикализма, в то время как она не является проблемой для эмерджентизма. Трудность заключается в том, что чем сильнее вертикальная детерминация, тем слабее будет угроза сверхдетерминации, но тем сложнее кажется проблема супервентности: «каузальному статусу зависимого события угрожает событие, от которого оно зависит» [Kim, 1998, p. 53]. И чем слабее вертикальная детерминация, тем слабее проблема супервентности, но тем сильнее оказывается угроза сверхдетерминации.

Аргумент исключения вызвал обширную реакцию, особенно со стороны сторонников нередуктивного физикализма и других форм дуализма свойств разума и тела [Putnam, 1967; Fodor, 1989]. Для большинства современных физикалистов проблема ментальной каузальности – это вопрос о том, *как* возможна ментальная причинность, а не вопрос о том, *существует* ли она (см.: [Kim, 1998, p. 61]). С точ-

ки зрения Кима антиредуктивный физикализм является весьма проблематичной позицией: аргумент исключения вынуждает признать ментальные свойства полностью эпифеноменальными и вынуждает отдать предпочтение редуктивному физикализму, то есть теории тождества в той или иной форме. В то же время элиминация ментальной причинности представляется крайне нежелательной, так как влечет негативные последствия для представлений о разуме, морали, агентности и практически для всех других аспектов человеческой деятельности. Таким образом, проблема ментальной каузальности бросает серьезный вызов физикализму [Kim, 2005].

Возможной альтернативой антиредуктивному физикализму может быть позиция некартезианского субстанционального дуализма Дж. Лоу [Lowe, 2006]. Ментальная причинность в подходе Дж. Лоу выполняет иную каузальную работу, нежели физическая причинность: ментальное ответственно за *факт* схождения ветвящегося дерева причин нейронных *событий* к реализации конкретного действия. Различение причинности фактов и причинности событий позволяет избежать эпифеноменализма относительно ментального, но оно нуждается в конкретизации. Мы предлагаем рассматривать причинность событий как горизонтальную каузальность, лежащую в рамках одного уровня сложности, а причинность факта как вертикальную нисходящую каузальность, обеспечивающую межуровневое взаимодействие. Такая ортогональная система причинных взаимодействий исключает свехдетерминацию как наличие двух независимых и достаточных причин одного следствия и эпифеноменализм как отсутствие каузальной эффективности ментального.

Ниже мы отдельно остановимся на понятии нисходящей каузальности, с помощью которого делается попытка преодолеть эпифеноменальность и каузальную индифферентность ментального в аргументе исключения. Это представляется возможным через применение концепции уровней организации и анализ особенностей биологической причинности. На наш взгляд, идея круговой причинности для биологических объектов как многоуровневых систем позволяет конкретизировать понятие косвенной причины Дж. Лоу и тем самым наметить принципиальную возможность ментальной причинности как нисходящей причинности в многоуровневых объектах высокого уровня сложности, что объясняет и отличность ментального от физического, и в то же время его каузальную эффективность.

Ментальная и физическая причины событий

Аргумент исключения имплицитно предполагает некий способ создания каузальной конкуренции между ментальными и физическими причинами событий. В конечном итоге должна быть только одна достаточная причина, и конкурентным преимуществом фундаментальности обладает физическая причина, превращающая тем самым любые нередуцируемые ментальные события в эпифеномены. Источником такого соперничества является принцип запрета систематической свехдетерминированности, который возникает при «продуктивном» взгляде на ментальную причинность. Если действие ментальной причинности понимать

буквально аналогично действию физической причины: ментальное должно «обвиваться вокруг аксонов, тряхи дендриты или проникать сквозь стенки клеток и атаковать клеточное ядро» [Searle, 2003, p. 15], то тогда возникает ситуация конкуренции с собственно физическими причинами за вакантную должность исполнителя каузальной работы. Такой взгляд на причинность является частью нежелательной метафизики, плохо совместимой с объяснительной практикой, у которой должен быть приоритет над метафизическими предположениями. Дж. Ким рассуждает о причинах в терминах совершающейся работы, способностей или сил, и поэтому при такой концептуализации автоматически получается, что идея более чем одной достаточной причины кажется избыточной. Ведь имплицитно в понятии причинной работы заложена идея о том, что если работа сделана, то больше уже нечего делать, и если выполняется какая-то ещё работа, то это уже приводит к иному результату. Поэтому в терминах работы представляется очевидным, что физические причины полностью выполняют каузальную работу, и тогда ментальным причинам достаётся роль каузальных бездельников, которым работы не осталось. Так, например, Б. Лойвер утверждает, что «Ким думает о причинности как об отношении, в котором причина порождает или производит следствие» [Loewer, 2002, p. 658], таким образом понятая причинность приводит к нежелательной сверхдетерминации. Он предлагает альтернативную, контрфактуальную теорию причинности, которая, по его мнению, делает сверхдетерминацию безвредной, однако здесь есть свои трудности с различением причин и необходимых условий. Для Дж. Кима важно утверждать ментальные причины как производящие или продуктивные, а для Б. Лойвера важно это отрицать, потому что никакие причины строго говоря не являются собственно производящими. Здесь следует отметить, что производящая причинность является важной частью многих механистических объяснений, распространенных в специальных науках, в частности в нейробиологии. Но этот подход к причинности не исчерпывает всех возможных причинных взаимодействий. По всей видимости, следует говорить о совокупности разнородных каузальных влияний, которые совместно приводят к конкретному результату. Как и Б. Лойвер, Т. Бердж считает, что принцип исключения зависит от имплицитной теории производящей причинности и от «осмысления ментальных причин на физической модели как дополнительной «выпуклости» на следствии» [Burge, 1993, p. 115]. Однако, в отличие от Б. Лойвера, он не возражает против производящей причинности как таковой, а только утверждает, что совершенно неясно, следует ли применять физический взгляд на причинность к ментальным причинам. Он также скептически относится к требованию указать механизм ментальной каузальности по той же самой причине, а именно потому, что это требование механизма равносильно требованию физической модели для понимания такой нефизической каузальности. Далеко не очевидно, что такая модель уместна и не ясно, зачем вообще нужна какая-либо модель (см.: [Burge, 1993, p. 114]). Таким образом, требование продуктивности ментальных причин и связанный с ним призыв к указанию механизма ментальной каузальности отвергаются на том основании, что их мотивация проистекает из практик, внешних по отношению к психологии. Т. Бердж при этом исходит из представления о психологии как независимой науке, автономной по отноше-

нию к нейробиологии. Соответственно каузальной конкуренции не существует, потому что психология и нейробиология объясняют один и тот же физический эффект, например движение руки, как результат двух совершенно разных моделей событий, отвечающих на два совершенно разных типа запросов. Ни один тип объяснения не делает и не должен делать конкретных предположений о другом (см.: [Burge, 1993, p. 116]). Однако, если обратиться к реальным нейробиологическим исследованиям, то можно убедиться в том, что интерес к механизмам, порождающим движение, сочетается с вниманием к роли, например, репрезентаций и мышления в контроле поведения. Интересуясь церебральными механизмами, нейробиология не отказывается от учета и психологической точки зрения. Стратегия Т. Берджа изолировать объяснительные цели психологии и нейронауки зависит от рассмотрения их целей как полностью независимых и автономных, а это плохо согласуется с природой современного научного поиска.

Таким образом, свёрхдетерминации можно избежать, если не требовать от ментальной причинности того же характера производящего действия, что и от физических причин. Однако ни стратегия Б. Лойвера, ни подход Т. Берджа не предлагают приемлемой альтернативы. Рассмотрение возможностей эффективности ментальной причинности требует более внимательного взгляда на ментальное как биологический феномен естественного мира.

Уровни сложности и редукционизм

При рассмотрении проблемы ментальной причинности важно серьезно отнестись к природе не только ментального, но и живого вообще, как и к природе физики. Выделение этих областей обычно имплицитно подразумевает их иерархическую упорядоченность в систему уровней сложности: от фундаментально физического через химический и биологический до ментального и социального [Kim, 2002; Oppenheim, Putnam, 1958]. В нейробиологии представления об уровнях широко распространены, и выделяются также когнитивный, системный, клеточный и молекулярный уровни (см. [Bear et al., 2001, p. 13]). Рассмотрение уровней в науке и философии может происходить как со всей онтологической серьезностью, так и как полезная эвристика, хотя и спорная. Например, концепция «слоёного пирога» П. Оппенгейма и Х. Патнэма [Oppenheim, Putnam, 1958] оказала значительное влияние на философские дискуссии вокруг эмерджентности, нисходящей причинности, редукционизма и антиредукционизма во второй половине двадцатого века [Nagel, 1961; Fodor, 1997; Churchland, Sejnowski, 1992; Hoffmann-Kolss, 2014]. П. Оппенгейм и Х. Патнэм выделяют шесть уровней: социальные группы, многоклеточные живые организмы, клетки, молекулы, атомы и элементарные частицы. Оптимистический тезис заключается в том, что все высокоуровневые явления в принципе могут быть объяснены через явления предыдущего уровня. Историческое развитие науки ведет её к унитарному состоянию, при котором все явления на любом уровне могут быть объяснены на базе законов природы фундаментального уровня. Такое понимание уровней сложности может оказаться более похожими на знаменитые уровни анализа зрительного восприятия Дэвида Марра [Kim, 2002], и тогда, возможно, это просто уровни

анализа или описания. По крайней мере, неясно, соответствуют ли они уровням существования или обладают разными онтологическими статусами. При таком подходе ментальная причинность может оказаться просто фигурой речи. В эпистемическом ключе, как удобная перспектива описания сложных форм поведения, ментальная причинность не вызывает особых вопросов и вполне допустима как еще одна форма описания единой реальности. Однако можно обострить ситуацию, поставив вопрос об онтологических основаниях ментальной причинности.

Картина мира, разделенного на разные уровни, предполагает вопрос о восходящем и нисходящем направлениях каузальных процессов. К идеям уровней и нисходящей каузальности обращались классические эмерджентисты, такие как Ч. Бруд, которых исторически можно рассматривать как предшественников сегодняшних антиредуктивных физикалистов (см.: [Kim, 1992]). Если принять представление о макроуровнях как находящихся «выше» микроуровней, то ментально-физическая причинность включает в себя события на макроуровне, вызывающие эффекты на микроуровне. Это могло бы иметь место благодаря особым фундаментальным силам, которые, например, Б. Маклафлин называет конфигурационными силами [McLaughlin, 1992]. Такие силы проявляются лишь объектами определенного уровня сложности и оказывают нисходящее причинное влияние на объекты на уровне его частей. Поэтому ментальную причинность можно рассматривать как «нисходящую причинность». Конечно же, проблемы нисходящей причинности, от ментального к физическому уровню, не новы для философов [Kim, 1998], однако идея «нисходящей» ментальной причинности, действующей в иерархии уровней, придает более конкретный смысл утверждению, что ментальное может быть отлично от физического и тем не менее причинно на него воздействовать.

С редукционистской позиции физический уровень необходим и достаточен для реализации сложных форм поведения, которые описываются как отдельный вышележащий уровень исключительно для удобства. Для фиксации такого положения дел Дж. Ким использует понятие супервентности, отмечая, что ментальное супервентно на физическом с метафизической необходимостью. Тем не менее, физикализм не обязательно сводится к редукционизму в отношении ментального. Если рассматривать ментальное с точки зрения свойств, то физикализм совместим, например, с человеческими существами как носителями нередуцируемых, но супервентных ментальных свойств в дополнение к их физическим свойствам. Такие нефизические свойства вполне могут изучаться специфическими методами специальных дисциплин. Обладание ментальным свойством означает наличие некоторых нефизических свойств, которые «реализуются», «детерминируются» или «конструируются» физическими свойствами. Дж. Ким констатирует, что именно такой антиредуктивный физикализм в отношении ментального стал господствующей посткартезианской точкой зрения (см.: [Kim, 1998, p. 2]). Приверженцы антиредуктивного физикализма обычно утверждают, что признание супервентности достаточно, чтобы считаться физикалистом, однако сам Дж. Ким считает, что проблемы нисходящей ментальной причинности толкают антиредуктивных физикалистов в сторону откровенного редукционизма [Kim, 1998; 2005].

Если принять позицию Дж. Кима, то замена субстанционального дуализма антиредуктивным физикализмом не спасет причинную эффективность ментального. Нередуцируемые ментальные события антиредукционистов будут обречены на ту же эпифеноменалистскую судьбу, что и мыслящая субстанция дуалистов. Эпифеноменализм представляется чрезвычайно непривлекательной позицией, особенно в связи с понятием свободы воли и связанной с ней моральной ответственностью. Поэтому и антиредукционисты, для которых ментальная причинность является нисходящей каузальностью, должны быть очень заинтересованы в защите возможности такого рода причинности. Для этого необходимо найти способ обойти аргумент исключения. И если антиредукционизм действительно ведет к эпифеноменализму, то это усиливает позиции редукционистов, хотя большинство из них, конечно, тоже стремятся спасти агентность и ментальную причинность, как, например, Дж. Ким (см.: [Kim, 2005, p. 9]). Перспективным представляется принять во внимание идеи Дж. Эллиса, отстаивающего идею сильной эмерджентности, основанной на специфической природе причинности в биологии [Ellis, 2021].

Причинность в биологии

Дж. Эллис исходит из того факта, что хотя живые системы подчиняются законам физики и химии, понятие функции или цели отличает биологию от других естественных наук. «Организмы существуют для размножения, тогда как вне религиозных верований камни и звезды не имеют никакой цели» [Ellis, 2021, p. 161]. Он приводит слова Франсуа Джейкоба: «На каждом уровне организации появляются новшества, как в свойствах, так и в логике. Воспроизведение не под силу ни одной отдельной молекуле самой по себе. Эта способность проявляется лишь в силе простейшего интегрона¹, заслуживающего называться живым организмом, т. е. клетки. Но после этого правила игры меняются. На более высоком уровне интегрона, клеточной популяции, естественный отбор накладывает новые ограничения и открывает новые возможности. Таким образом, не переставая подчиняться принципам, управляющим неодушевленными системами, живые системы становятся подчиненными явлениям, не имеющим смысла на низшем уровне. Биология не может быть ни сведена к физике, ни обойтись без нее» [Ellis, 2021, p. 161]. Живые организмы представляют собой многоуровневые открытые стохастические системы, в которых поведение на любом уровне зависит от высших и низших уровней и не может быть полностью понято изолированно. Дж. Эллис предполагает, что каждый из этих уровней существует онтологически и определяет направления объяснительного приоритета или уровня анализа. Именно потому, что конкретный уровень L существует онтологически, должна существовать и валидная эффективная теория (Effective Theory, ET), применимая на этом уровне (ET_L-теория). «Валидная» здесь означает, что она либо делает поддающиеся проверке прогнозы, которые были подтверждены, либо, по крайней мере, характеризует переменные, которые могут входить в прогностические гипотезы. Значимый уровень существования определяется наличием эффективной теории, описываю-

¹ Интегрон – это каждая из единиц в дискретной иерархии, образованная путем интеграции единиц нижележащего уровня.

щей надежную связь (точный или статистический закон) между начальными условиями, описываемыми переменными и исходами. Определение этой теории является эпистемической задачей, но то, на что она указывает, является лежащей в его основе онтологией. При этом ни один уровень *L* сам по себе не является каузально замкнутым. Поэтому эффективные теории репрезентируют поддающиеся проверке *паттерны причинности* (patterns of causation) на соответствующем уровне, а не причинную замкнутость уровня. Реальные каузальные процессы происходят на каждом из этих уровней, даже если они обеспечиваются нижележащими уровнями, в том числе физическими. В более фундаментальном плане эта равная каузальная валидность возникает из-за того, что более высокие уровни связаны с более низкими уровнями *комбинацией* восходящей и нисходящей причинности [Ellis, 2016]. В качестве примера Дж. Эллис приводит процессы распространения потенциала действия в нервной системе, которые поддерживаются на микроуровне путем распространения импульсов в соответствии с уравнениями Ходжкина – Хаксли. Это эмерджентное явление, которое нельзя вывести из лежащей в его основе физики как таковой, поскольку оно включает в себя константы, не являющиеся фундаментальными физическими константами. Объяснение, которое дают эти уравнения, является причинным в интервенционистском смысле (см.: [Ellis, 2021, p. 165]). Таким образом, каждый уровень имеет свои «фундаментальные» законы и свою онтологию, что Дж. Эллис выражает в виде *Принципа биологической относительности*: в биологии нет привилегированного уровня причинности, в терминах Аристотеля действующая причинность имеет место на каждом возникающем уровне *L* (см.: [Ellis, 2021]). Данный принцип работает благодаря *круговой причинности* (circular causality), которая, например, обязательно включает нисходящую причинность от всей клетки, влияющую на поведение молекул, в той же степени, что и восходящую причинность от молекулярного уровня к клеточному уровню. Таким образом, Эллис утверждает, что наряду с восходящей причинностью имеет место нисходящая причинность, а также что в реальном мире помимо производящей существуют и другие формы причинности. Нисходящие эффекты в биологической системе возникают из-за физиологических процессов, действующих через сети метаболических и генных регуляторов, управляемых физиологическими потребностями более высокого уровня. Набор *взаимодействий* между элементами на этом уровне однозначно характеризуется законами физики, но их конкретные *результаты* определяются биологическим контекстом, в котором они действуют. Примером может служить определение частоты сердечных сокращений (см.: [Ellis, 2021, p. 168]). Сократительная активность сердца осуществляется через клетки синоатриального узла, которые создают потенциал действия и, таким образом, изменяют результаты работы ионных каналов. Этот задающий ритм контур является интегративной характеристикой системы в целом, то есть представляет собой переменную существенно более высокого уровня, действующую вплоть до молекулярного уровня. В случае человека, находящегося в покое, ничего не меняется ни на макро-, ни на микроуровнях, и верно, что можно предсказать динамику нижнего уровня, а следовательно, и динамику верхнего уровня исключительно исходя из начального состояния нижнего уровня. Однако если, например, спортсмен начинает бежать, состояние более высокого уровня изменя-

ется, и это изменяет условия более низкого уровня. Ничего в исходном состоянии сердца на молекулярном уровне или лежащем в его основе физическом состоянии не может дать основания для предсказания этой динамики. Исходное знание микросостояний сердца и мозга спортсмена также не могло определить этот результат, потому что он зависел от внешнего события, выстрела из стартового пистолета, еще одного события макроуровня, которое не может быть определено исходным состоянием спортсмена. Применительно к отдельному спортсмену каузальная связь на макроуровне реальна: выстрел из стартового пистолета привел к тому, что он покинул стартовую позицию. Нисходящая причинность, которая изменяет движение молекул АТФ в его мышцах через метаболические сети, реальна: это хорошо установленный физиологический процесс. Результатом являются измененные потоки электронов в мышцах в соответствии с законами физики, но непредсказуемыми из исходного микрофизического состояния.

Реальность каузальных процессов каждого уровня и существование круговой причинности указывают на то, что макроуровень интегрирует компоненты микроуровней и может обеспечивать протекание нижележащих процессов в соответствии с биологическим контекстом макроуровня.

Ментальная причинность Дж. Лоу

Эти идеи биологической причинности разных уровней можно применить для конкретизации теории ментальной причинности Дж. Лоу. Он также исходит из убеждения, что приверженность картезианскому принципу, согласно которому ментальное может оказывать причинное влияние на тело, только приводя материю в движение, является ошибочной. Вместо этого необходимо применить новую модель причинности: причинно-следственные цепочки взаимодействий в нервно-мышечной системе человека, приводящие к осознанному целенаправленному действию, можно представить в виде фрактально структурированных деревьев, сходящихся в конкретном телесном движении. Не существует единой линейной причинно-следственной цепочки, которую можно было бы проследить: каузальная родословная любого телесного движения сливается с предшествующей каузальной историей всего мозга (см.: [Lowe, 1996]). Дж. Лоу предлагает модель ментальных событий как *косвенных*, а не прямых причин. Ментальные события не вызывают напрямую все (или некоторые) физические события во фрактальном дереве, сходящемся к конкретному результату, например совершению преднамеренного действия. Причинная эффективность ментального события заключается в том факте, что такое сходящееся фрактальное дерево вообще существует. Тем самым объясняется, почему происходит действие, которое в отсутствие ментальных явлений не могло бы быть целенаправленным и представлялось бы вызванным физическими явлениями как необъяснимая странность. Человеческие действия инициируются сложным взаимодействием цепочек нейронных событий, но эти явления *координируются* в направлении сходимости к конкретному действию, а не к какому-либо другому действию или, возможно, вообще к отсутствию действия, благодаря ментальной причине. С. Гибб [Gibb, 2015], интерпретируя Дж. Лоу, указывает, что физические явления являются достаточными

причинами *событий* для последующего действия, но что ментальное явление вызывает тот *факт*, что эти причины событий сходятся в этом конкретном действии, поэтому следует различать два вида причинности: причинность события и причинность факта. В случае преднамеренного действия физические явления вызывают событие реализации действия, а психические явления вызывают тот *факт*, что эти физические явления вызывают *событие* реализации действия. Сам Дж. Лоу никак не пояснял природу взаимоотношений причинности *событий* и причинности *фактов*, только констатировал их наличие. Мы полагаем, что различие между фактами и событиями можно проинтерпретировать с использованием многоуровневой модели Дж. Эллиса. Факт макроуровня – осознанное движение – оказывается возможным благодаря нисходящей ментальной причинности, оказывающей причинное воздействие на множество физиологических процессов посредством разнообразных механизмов, образуя воронку одновременного схождения этих событий к единственному результату. Так как мозг является открытой системой, то из постоянного потока информации может быть выделен отдельный фрагмент, которому будет приписано значение стимула на основе его символического прочтения. Например, звук выстрела стартового пистолета для спортсмена является сигналом к началу движения, а для зрителя это сигнал для сосредоточения внимания на бегуне, и физиологические процессы, запускаемые этим звуком в спортсмене и зрителе, будут разными, хотя внешняя причина внутренних событий – одна. Ментальная причинность как высокоуровневый процесс может наложить ограничения на то, какие ниже лежащие процессы могли бы быть запущены в ответ на внешний стимул или выбрать подходящую реализацию из возможных и готовых к реализации паттернов реагирования. Анализ же очагов возбуждения в коре головного мозга, концентрация ионов на мембранах аксонов или кровенаполнение капилляров височной доли не позволят выделить тот минимальный набор характеристик состояния нервной системы, который можно было бы назвать причиной и исходя из которого можно было бы предсказать дальнейшее поведение. И проблема не только в том, что слишком много событий происходит в человеческом организме, чтобы однозначно выделить причинные факторы, но и в том, что факты, объясняемые через ментальные причины, являются процессом взаимодействия с внешней средой, т.е. протекают в широком контексте, выходящим за пределы показателей внутренней среды, который задает условия, ограничения и форму реализации. И то, какие именно физические события станут достаточными причинами для физического следствия, определяется нефизическими причинами макроуровня, которые окажут либо селективное нисходящее воздействие, формирующее воронку сходимости множества каузальных цепочек к единому результату, либо предотвращающее воздействие, тормозящее реализацию схождения каузальных цепочек. Сверхдетерминация не возникает потому, что для появления физического следствия в виде целенаправленного движения недостаточно только одной физической или одной ментальной причины, должен произойти каскад разноуровневых событий для реализации факта целенаправленного действия. При этом причинная цепочка физического уровня нигде не будет «прерываться» вторжением нефизической причины. Конкретные механизмы, вероятно, связаны сигнальными системами разных уровней: от эпигенетических

до второй сигнальной системы И. П. Павлова, в любом случае их конкретизация – это дело науки, а не философии. Выделение же ментальной и физической причин, как двух механизмов, производящих действие в одном и том же смысле и потому вступающих в конкурентные каузальные отношения, является следствием сопоставления объяснения эффективных теорий разных уровней, а не метафизическим утверждением существования двух вариантов производящей причинности.

Рассмотрим в качестве примера случай преднамеренного и полностью добровольного поднятия руки, например, чтобы привлечь внимание. Собственно телесные причины этого движения при ретроспективном рассмотрении разветвляются в сложный лабиринт предшествующих событий в нервной системе, которые распространены по большим областям моторной коры и нигде не имеют единого фокуса, а причинные цепочки, к которым они принадлежат, кроме того, не имеют четких начал. И все же интуитивно мысленный акт решения переместить руку кажется с интроспективной точки зрения единичным и единым, не составным событием, которое каким-то образом инициировало действие по поднятию руки. Непосредственный вопрос, таким образом, заключается в том, можно ли вообще и как согласовать эти два очевидных факта? Не оказывается ли ментальная причина сверхдетерминирующей? Прежде всего, Дж. Лоу указывает на то, что акт выбора приписывается человеку, тогда как нейронные события приписываются частям тела человека: и человек, и его тело являются отдельными вещами, хотя и неразделимыми. Более того, акт выбора причинно объясняет движение тела иначе, чем то, как это объясняют нейронные события. Разница между двумя видами причинно-следственных объяснений ясно проявляется, когда мы рассматриваем их соответствующие контрфактические последствия. Непохуже, что можно выделить какое-либо нейронное событие или какой-либо набор нейронных событий, наступление которых имело бы точно такие же последствия, как и не наступление решения агента. Скорее, самое большее, что можно сказать, это то, что если бы то или иное нервное событие или набор нервных событий не произошли, движение руки могло бы протекать несколько по-другому – возможно, более резко или быстрее, – а не то, что рука оставалась бы в покое или вместо этого он, агент, двигался бы совершенно по-другому. Но если бы агент не решил поднять свою руку, тогда вообще не было бы движения руки такого рода – рука либо оставалась бы в покое, либо двигалась бы иначе, если бы агент решил вместо этого сделать другое движение. В этом ключе интересно вспомнить небезызвестные эксперименты Б. Либета, а именно тот факт, что в его экспериментах реализация движения могла быть остановлена произвольным сознательным «вето», хотя в этом случае точно так же определялся предшествующий потенциал готовности. Вот почему ментальные и нейрофизиологические причины произвольных движений тела должны быть различны при последовательном допущении, что такие движения имеют как ментальные, так и нейрофизиологические причины. Нейронное объяснение относится к конкретным событиям в нервной и мышечной системе и объясняет, почему рука двигалась определенным образом – с такой-то скоростью и в таком-то направлении в определенное точное время. Напротив, акт выбора объясняет факт, почему движение произошло – потому что незадолго до этого агент решил поднять эту руку. Это решение, конечно, не определяло

точные скорость, направление и время движения руки, только то, что движение такого общего рода должно было произойти примерно в это время.

При этом ментальная причинность явно отличается от телесной или физической причинности. Самое главное, ментальная причинность интенциональна, это причинность предполагаемого эффекта определенного рода. Вся физическая причинность «слепа» в том смысле, что физические причины не «направлены» на свои следствия так, как это делают ментальные причины (см.: [Lowe, 2006]). Интенциональная причинность – это причинно-следственная связь фактов, в то время как телесная причинность – это причинно-следственная связь событий. Дж. Лоу полагает, что необходимо использовать оба вида причинно-следственных связей, чтобы дать полное объяснение человеческим действиям, и автономная концепция разума, по-видимому, лучше всего подходит для учета этого факта. Но теперь может возникнуть вопрос: как возможно, чтобы ментальные акты принятия решений объясняли что-либо в физической области, если эта область причинно закрыта? Интенциональная причинность, в соответствии с автономной моделью разума, не нарушает тезис о каузальной замкнутости физического мира, поскольку ментальные акты принятия решений или выбора не являются событиями, посредничающими между телесными событиями в цепочках причинно-следственных связей, ведущих к чисто физическим эффектам. Дж. Лоу подчеркивает, что в цепочках физической причинно-следственной связи не существует «пробелов», которые «заполняются» ментальными событиями [Там же]. При таком подходе интенциональная причинность будет принципиально невидимой с точки зрения когнитивной науки. Физикалисту эта невидимость покажется причиной отвергнуть концепцию преднамеренной причинности как ненаучную и поэтому ложную. Но более непредубежденным философам это покажется скорее причиной не усматривать подлинного конфликта между объяснением в физических и биологических науках и другим, более гуманистическим способом объяснения преднамеренных действий, ссылающимся на наш выбор или решения и причины, по которым мы их принимаем.

Таким образом, представление о ментальной причинности как регуляторе каскада разноуровневых процессов, образующих фрактальное дерево каузальных цепочек и сходящихся к результирующему действию в сложных многоуровневых системах, позволяет непротиворечиво принять существование эффективной ментальной причинности в фундаментально физическом мире. Аргумент исключения, подразумевающий конкурирующие траектории действия физической и ментальной причин, может быть отклонен, так как он сталкивает конкурирующие описания разноуровневых процессов, а не два типа производящей причины с пересекающимися траекториями действия. Биологический объект, являясь сложной многоуровневой системой, в своем функционировании не может быть рассмотрен просто как набор физических событий. Соответственно, применение механистической теории производящей причинности, имплицитно содержащейся в аргументе исключения Дж. Кима, неправомерно.

Список литературы / References

- Bear M.F., Connors B., Paradiso M.** Neuroscience: Exploring the brain. Baltimore: Lippincott Williams & Wilkins, 2001.
- Bennett K.** Exclusion again // Being reduced / Eds. J. Hohwy & J. Kallestrup. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 280–305.
- Burge T.** Mind-body causation and explanatory practice // Mental Causation / Eds. J. Heil & A. Mele. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 96–120.
- Churchland P., Sejnowski T.** The Computational Brain. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
- Crane T.** The significance of emergence // Physicalism and its discontents / Eds. C. Gillett, B. Loewer. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 207–224.
- Ellis G. F. R.** How can physics underlie the mind? Top-down causation in the human context. Heidelberg: Springer, 2016.
- Ellis G.F.R.** Physics, Determinism, and the Brain // Top-Down Causation and Emergence / Eds. J. Voosholz, M. Gabriel. Springer, 2021. P. 157–217.
- Fodor J. A.** Making Mind Matter More // Philosophical Topics. 1989. Vol. 17. № 1. P. 59–79.
- Fodor J. A.** Special Sciences: Still Autonomous After All These Years / Noûs, Supplement: Philosophical Perspectives, Mind, Causation, and World. Vol. (31)11. 1997. P. 149–163.
- Gibb S.** Mental Causation // Analysis. 2014. Vol. 74(2). P. 327–338.
- Gibb S.** The causal closure principle // Philosophical Quarterly. Vol. 65(261). 2015. P. 626–647.
- Hoffmann-Kolss V.** Interventionism and Higher-level Causation // International Studies in the Philosophy of Science. 2014. Vol. 28. № 1. P. 49–64.
- Kim J.** Concepts of supervenience // Philosophy and Phenomenological Research. Vol. 45. 1984. P. 153–176.
- Kim J.** The Myth of Nonreductive Materialism // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1989. Vol. 63 (3). P. 31–47.
- Kim J.** Downward causation in emergentism and nonreductive physicalism. Emergence or reduction? // Essays on the prospects of nonreductive physicalism / Eds. A. Beckermann, J. Kim, H. Flohr. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. P. 119–138.
- Kim J.** Mind in a physical world: An essay on the mind-body problem and mental causation. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Kim J.** The layered model: Metaphysical considerations / Philosophical Explorations. 2002. Vol. 5. P. 2–20.
- Kim J.** Physicalism, or something near enough. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005.
- Kim J.** Mental Causation // The Oxford Handbook of Philosophy of Mind. / Eds. B. McLaughlin, A. Beckermann, S. Walter. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 29–52.
- Loewer B.** Comments on Jaegwon Kim's mind in a physical world // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 65. P. 655–662.
- Lowe E. J.** Subjects of Experience. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.
- Lowe E. J.** Non-cartesian substance dualism and the problem of mental causation // Erkenntnis. 2006. Vol. 65(1). P. 5–23.

- Malcolm N.** The Conceivability of Mechanism // The Philosophical Review. 1968. Vol. 77. № 1. P. 45–72.
- McLaughlin B.** The rise and fall of British emergentism. Emergence or reduction? // Essays on the prospects of nonreductive physicalism / Eds. A. Beckermann, J. Kim & H. Flohr. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1992. P. 49–93.
- Nagel E.** The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation. N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1961.
- Oppenheim P., Putnam H.** The unity of science as a working hypothesis // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1958. Vol. 2. P. 3–36.
- Papineau D.** Must a physicalist be a microphysicalist? // Being reduced / Eds. J. Hohwy, J. Kallestrup. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 126–148.
- Patterson S.** Epiphenomenalism and Occasionalism: Problems of Mental Causation, Old and New / History of Philosophy Quarterly. 2005. Vol. 22. № 3. P. 239–257.
- Putnam H.** Psychological Predicates // Art, Mind, and Religion / Eds. W.H. Capitan, D.D. Merrill. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1967. P. 37–48.
- Raatikainen P.** Kim on Causation and Mental Causation // E-Logos. 2018. Vol. 25(2). P. 22–47.
- Searle J.** Minds, Brains and Science. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 2003.

Информация об авторе

Черезова Елена Борисовна, аспирант
Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Cherezova Elena Borisovna, post-graduate student
Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 26.01.2023*

*The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 26.01.2023*

Научная статья

УДК 130.2+ 316.334.56+ 394.014

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-37-45

Фотографии и симуляции в городском пространстве

Евгения Юрьевна Немкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Абакан, Россия

eva1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-7029>

Аннотация

В работе проводится анализ феномена визуального, а именно анализ возможности и средств выражения окружающего мира через понятия фотографии и симуляции, которые широко используются в современных исследованиях визуальной культуры. Через выражения подлинности, аутентичности и ауры Вальтера Бенямина, симулякра и симуляции Жана Бодрийяра, возникает образ города и понимание его действительности в целом и отдельных частей в частности. Интерпретации отдельного пространства отдельными человеческими единицами города со своими смыслами и пониманием подлинности являются следствием визуализации субъектом – носителем конкретного образа городского пространства.

Ключевые слова

визуальное, подлинность, аура, фотография, репродукция, симулякр, симуляция

Для цитирования

Немкова Е. Ю. Фотографии и симуляции в городском пространстве // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 37–45. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-37-45

Photos and simulations in urban space

Evgenija Y. Nemkova

Khakass State University

Abakan, Russian Federation

eva1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-7029>

Abstract

The paper analyzes the phenomenon of the visual, namely, the analysis of the possibility and means of expressing the surrounding world through the concepts of photography and simulation, which are widely used in modern studies of visual culture. Through the expressions of authenticity, the authenticity and aura of Walter Benjamin, the simulacrum and simulation of Jean Baudrillard, an image of the city and an understanding of its reality in general and individual parts in particular arise. The interpretations of a separate space by individual human units of the city with their own meanings and understanding of authenticity are the result of the visualization by the subject-bearer of a specific image of the urban space.

© Немкова Е. Ю., 2022

Keywords

visual, authenticity, aura, photography, reproduction, simulacrum, simulation

For citation

Nemkova E.Yu. Photos and simulations in urban space // Siberian Journal of Philosophy. 2022. Vol. 20, no. 4. P. 37–45. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-37-45

Вопросы существования, бытия, понимания окружающего мира, передачи информации и другие вопросы первоосновы волновали философов еще с древних времен. Мы мыслим, значит мы существуем. Мы мыслим, а значит воображаем и представляем. Мы мыслим и пытаемся выразить наши мысли через языковой или графический каналы передачи. Но то, как мы выражаем наши мысли, в нашем восприятии может не совпадать с восприятием нашего выражения другими. Возникает множество вопросов, в том числе и как можно выразить понимание окружающего мною так, чтобы другие смогли это правильно воспринять? Или, может и вовсе не стоит выражаться понятно для других?

Именно поэтому многие исследователи визуального зачастую свои работы начинают с цитаты Аристотеля о том, что больше всего ценятся «зрительные восприятия, ибо видение... мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать. И причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий в вещах»¹. Это касается не только выражения собственного восприятия, но и восприятия окружающих объектов. Антропоцентрическая система выстроена таким образом, что человека окружают не только социальная, духовная и информационная системы, но также производственная и природная. Последняя, в свою очередь, определяется ландшафтом и связанной с ним непосредственной средой обитания (село, город и т.д.).

К философам-мыслителям, изучающим проблематику визуального, относят Т. Адорно, Ж. Дерриду, Ж. Ф. Лиотара, М. Мерло-Понти, Ж. П. Сартра, М. Фуко, М. Хайдеггера и множество других. Каждый анализирует визуальное и связанные с ним феномены в рамках своей методологии.

В настоящее время во всех социогуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к сфере визуального. Сформирована междисциплинарная область научного анализа. Выход визуального на передний план различных исследований связывают с произошедшим во второй половине XX века «визуальным поворотом», предложенного Р. Рорти. Поворотом как в культуре, так и в способе презентации научных знаний.

Цель данной статьи не анализ визуального поворота, которому посвящено достаточное количество диссертаций, статей, монографий, но анализ возможности и средств выражения окружающего мира через понятия фотографии и симуляции, которые широко используются в современных исследованиях визуальной культуры.

¹ Аристотель. Метафизика. Кн. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_aristotle_metaphysics_book-01.htm (дата обращения 16.02.2021)

В этом ключе нас интересуют городские пространства и их структуры, наполняемость объектами и их узнаваемость, ожидания и реальность.

Под городским пространством мы будем понимать совокупность городских объектов (зданий и сооружений) и их социальных функций. Причем последние могут конструироваться в процессе взаимодействия как между жителями, так и между жителями и гостями города. Далеко не всегда изначально заложенный смысл и назначение объекта отражают его восприятие. Например, мемориальный комплекс или «вечный огонь», расположенные в Парке Победы, для отдельных категорий граждан являются просто местом для встреч по интересам или просто условным символом во время коммуникации без придания им нужных символизма и патриотизма.

Классическую модель города возможно изобразить следующим образом:

- центр города представлен административными зданиями, бизнес-центрами, ресторанами, высшими учебными заведениями, всем, что можно отнести к общественному общедоступному пространству;
- второй уровень, расположенный вокруг центра, представляет собой частное пространство, или «спальные районы», с собственными объектами инфраструктуры – школами, медицинскими организациями, супермаркетами;
- третий, или внешний по отношению к центру, уровень сосредоточивает в себе промышленный сектор.

Но данная схема понятна только жителю конкретного города – он ежедневно следует определенными маршрутами и, как правило, не обращает внимание на окружающие его объекты. Вопрос в том, возможно ли путешественнику или гостю города по внешним признакам визуализировать ту или иную часть городской структуры, описанных выше? Что именно может стать средствами такой идентификации и интерпретации?

Говоря о феномене визуального в городском пространстве, мы будем придерживаться подхода, в котором акцент ставится на функционирование визуальных образов в городском и социальном пространстве. Такой подход позволяет анализировать социальную реальность и ее составляющие через конкретные выражения. Данный подход отличен от анализа семиотической составляющей визуального, где образная реальность воспроизводит сама себя через систему знаков.

Петр Штомпка, современный социолог, внесший значительный вклад в развитие науки именно посредством анализа визуальной социологии, описывая визуальный мир, говорит о нем как о виртуальной реальности, которая основана на силе воображения [Штомпка, 2007]. Важную роль в этой реальности он отдает фотографии, посредством которой каждый человек пытается стать её (реальности) частью, присвоить её себе. Турист, фотографирующий город, размещает снимки в интернете, создает свою цифровую реальность и приглашает друзей погрузиться именно в созданную им картину, которая, как правило, вырвана из целого и может передавать отличный от истинного смысл. Таким образом может произойти как минимум двойное искажение реальности: первое произведено самим фотографом, вторые и последующие – теми, кто просматривает снимки.

Роли фотографии и виртуальной реальности в срезе визуального являются предметом анализа не только социологии, но и философии, культурологии, антропологии и других социальных дисциплин.

Вальтер Беньямин, будучи немецким философом, является основоположником современной теории фотографии. В работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Беньямин рассуждает о репродукциях и оригиналах. Он говорит о наличии в каждом произведении искусства – в его оригинале – некой ауры, которая привязывает к ситуации «здесь и сейчас». Репродукция же не обладает такой аурой. «Здесь и сейчас» для произведения искусства – это его уникальное бытие. Бытие в том месте, где оно находится.

Помимо понятия «аура» Беньямин рассуждал о «подлинности» и «аутентичности». В принципе все эти понятия сконцентрированы около подлинников произведений искусства. Казалось бы, какое отношение имеют произведения искусства к инфраструктуре города? Но суть здесь заключается не в конкретных картинах или работах, а в их восприятии.

Впервые понятие «аура», заимствованное из практики эзотерики, где оно понимается как некое свечение, Беньямин вводит и определяет в своей работе «Краткая история фотографии». Технологические особенности первых фотографий связаны с ситуацией длительного позирования модели перед объективом, что обуславливает точное прочтение фотографии зрителем. Понимая ауру как длительность, Беньямин определил ее как «странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» [Беньямин, 1996. С. 84].

Одной из базовых потребностей современного общества Беньямин считал «стремление приблизить вещи к себе». Способом реализации этой потребности он называл репродуцирование: «Желание владеть предметом в репродукции, у которой нет своего собственного времени, а уникальность заменена повторяемостью. Приближая к себе ценности культуры, современное массовое сознание с помощью репродукции добивается однотипности даже от уникальных явлений» [Беньямин, 1996. С. 85]. В современном мире тенденция культуры модерности определяет сущность ее отношения с художественным наследием.

Средствам технического репродуцирования Беньямин уделял особое внимание. Репродукции «не только начали превращать в свой объект всю совокупность имеющихся произведений искусства и серьезнейшим образом изменять их воздействие на публику, но и заняли самостоятельное место среди видов художественной деятельности» [Беньямин, 1996. С. 85]. Беньямин в этом отношении сравнивает и «самостоятельные» репродукции с оригиналом. В работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» выделяется понятие «подлинность», а по отношению к нему определяется и культурный статус любых художественных систем. Беньямин понимал подлинность как уникальное присутствие произведения перед зрителем «здесь и сейчас». «Подлинность какой-либо вещи – это совокупность всего, что она способна нести в себе с момента возникновения, от своего материального возраста до исторической ценности» [Беньямин, 1996. С. 85]. Таким образом, конструирование подлинности Беньямином обладает некоторым противоречием – с одной стороны, все ее аспекты

представлены зрителю, вступающему в визуальный контакт с произведением, с другой стороны, они наделяют само произведение длительностью, уникальной историей.

Если сравнить город в целом и отдельно городские пространства с произведениями искусства, мы можем обнаружить ряд тождественных и взаимосвязанных характеристик. Во-первых, и произведение искусства, и городское пространство создаются не природой, а человеком. Во-вторых, мы можем утверждать, что оба явления являются продуктами культуры – тенденции городской застройки и направления в искусстве напрямую связаны с культурой, в которой они находятся и порождаются. В-третьих, они являются продуктами художественного творчества – орнаменты, мемориалы, статуи, графика – все это является элементами городской архитектуры. Отождествляя городское пространство с произведением искусства, мы переносим на него и свойства последнего, это значит, что оно должно обладать и аурой, и подлинностью. Значит, и уровни городского пространства, описанные выше, также возможно отличить друг от друга. Но аура – это только лишь эффект, порожденный объектом. Причем объект всегда ограничен определенной рамкой. В случае с произведением искусства это либо искусство, либо нет. Город как самостоятельная единица на карте имеет четкие границы, внутригородское деление также четко разграничено на жилые районы. Но это нужно лишь для использования в градостроительной политике. Городские пространства являются фрагментами города, которые не имеют четких ограничений, они, скорее, являются производным опытом горожан, особым восприятием последних. Это ставит под сомнение наличие ауры городского пространства, но оно абсолютно точно является подлинным.

Однако мы также можем утверждать, что уровни городского пространства отличны друг от друга: если спросить у горожанина, где находится, например, городская администрация, центральная почта или узнаваемый театр, он не задумываясь укажет на центр города. Если же задать вопрос о местоположении цеха по производству продуктов питания или пошива одежды, в ответ услышим адреса городских окраин. С одной стороны, это связано с логистической схемой города, с другой – с особым фреймом восприятия горожанами городских пространств, в которых они находятся. Для горожан, проживающих в городе долгие годы, такая характеристика, как «подлинность» исчезает. При переезде в новый город мы изучаем его внимательно, ставя акцент на достопримечательности и расположения зданий, но со временем мы перестаем акцентировать на это внимание, для проживания и передвижения по городу нам не нужны эти акценты. Тогда рождается особая форма восприятия, особые фреймы восприятия индивидуального городского пространства.

Продолжая говорить об особом восприятии и понимании городского пространства, возвращаясь к рассуждениям о виртуальной реальности, нельзя не учесть теоретические концепты симуляции и симулякров Жана Бодрийяра.

Сегодня человек имеет дело с виртуальной средой. Это предопределяет возникновение качественно новых отношений с окружающей действительностью. Сейчас она заявляет о себе как о средстве преобразования объективной, окружающей реальности [Закирова, Кашин, 2012. С. 28]. В результате возможны кар-

динальные изменения в сознании человека как в личностном плане, так и в социальном.

Здесь вводятся и анализируются понятия гиперреальности, знаковой системы и симулякров Бодрийяра. При описании распространения рекламной культуры, что важно при анализе городского пространства, где образы и знаки заменяют или вытесняют реальность и появляется понятие «гиперреальности». Неспособность сознания отличить реальность от фантазии является характерной чертой виртуальной реальности. По мысли Бодрийяра, «гиперреальность для стороннего наблюдателя более правдива, чем истина, более очаровательна, чем само очарование. Иными словами, гиперреальность субъектам социального взаимодействия кажется более реальной, чем сама реальность, так как она идеальна и удовлетворяет всем потребностям человека» [Новиков, Ковалева, 2019. С. 41].

Таким образом, социальная система = знаковая система или гиперреальность, единицей которой и выступает некий симулякр, центральное понятие дискурса Бодрийяра.

На бытовом уровне симулякр определяют как копию, у которой нет оригинала. На уровне же научного анализа все гораздо шире. «Симулякр не вымысел, а реально существующий субъект, который закрепляется в сознании человека за конкретной вещью, явлением, процессом и т. п. В силу этого симулякр открывается в своем образе от носителя и становится более реальным, чем реально обозначаемый исходный объект. Можно утверждать, что сущность симуляции, по мысли Бодрийяра, заключается в том, что она не обманывает, но занимается тем, что ставит под сомнение отличия реального от вымышленного. Симулировать, в соответствии с рассматриваемым подходом, – это не делать вид, что у тебя есть что-то, чего у тебя на самом деле нет, а делать вид, что у тебя есть то, чего вообще нет на самом деле» [Новиков, Ковалева, 2019. С. 41].

Симулякры стали частью нашей действительности. Они существуют и вполне реальны, например Диснейленд. Бодрийяр приводит эту социальную реальность в качестве симуляции – погруженные в абсолютную симуляцию посетители окружены копиями реальности – симулякрами.

Почему нам при интерпретации образов городского пространства так важно понимание симуляции и симулякров? Потому что от того, насколько грамотно будет представлена симуляция, зависит образ и понимание действительности города и его отдельной части. Симулякры сопровождают человека повсюду. Кроме того, по мнению ученых, они оказывают серьезное воздействие на психическое состояние. «Сфера визуального восприятия превращается в основной канал связи с виртуальной реальностью [Штомпка, 2007. С. 13]. Изображения наружной рекламы, архитектурный дизайн, вывески и прочее, в том числе и бытовые предметы, «и есть проникновение виртуальной визуальности в мир человека наших дней» [Там же].

Таким образом, мы можем утвердительно ответить на вопрос, поставленный нами в начале статьи, – да, путешественнику или гостю города возможно по внешним признакам визуализировать ту или иную часть городской структуры, но зависит это понимание напрямую от субъекта, предоставляющего данную визуализацию. В данном ключе субъект-предоставитель будет являться одним

из средств будущей интерпретации отдельного пространства отдельными человеческими единицами города со своими смыслами и пониманием подлинности.

Это можно связать с определением самого визуального образа. Визуальное – это не всё, что является видимым, но представлено перед нами в том виде, в котором представлено. Каждого из нас окружают определенно одинаковые вещи, другое дело то, что находятся смыслы, которые мы вкладываем в это окружение. С этой точки зрения фотография, уличный баннер либо рисунок одного и того же объекта будут являться по-разному выраженными визуально.

Схему восприятия городского пространства возможно изобразить следующим образом: человеческое тело (человек), находящееся в центре городского пространства, будучи одновременно и видимым, и видящим, определяет по внешним признакам пространство, в котором он находится. В свою очередь пространство, являющееся, без сомнения, подлинным, воздействует на человека своей аурой, а также дает возможность воспринять себя таким образом, каким будет угодно данному конкретному человеку. Имеется в виду, что спортсмен, находящийся в любой точке города, будет видеть в нем наличие или отсутствие беговых или велосипедных дорожек, пенсионер – наличие лавочек, мама с ребенком – сквер для прогулки или детский уголок. Любое пространство воспринимается человеком с точки зрения его самореализации и применения. В этом и заключается особый фрейм восприятия, о котором было упомянуто выше.

Также мы можем сказать, что всякое городское пространство есть симуляции – парки отдыха, которые городские власти стараются разместить в каждом районе города, массовая реклама, которая приглашает горожан приобрести товары по выгодным ценам, позволяют человеку выйти из существующей реальности и погрузиться в иную. Находясь в центре города, чистом и благоустроенном, мы представляем, что все его остальные уровни выглядят абсолютно так же. Как правило, это является симуляцией. Гостиницы, расположенные в центре города, тоже представляют собой симуляции, ведь их назначение – создать благоприятный образ о городе у приезжих.

Ответом на еще один вопрос, который мы ставили в начале статьи, – что есть средства идентификации и интерпретации городской структуры – являются фотоизображения и симуляции, а точнее отражение их функционирования в нашем особенном восприятии. Интересно то, что в срезе городского пространства любая репродукция (например, украшенный фасад здания знаменитой фреской) является подлинной и обладает своей аурой, ведь эту репродукцию можно назвать оригиналом. Оригиналом в том смысле, что исполнители планов архитектора добавляют в него собственное видение и техническое исполнение.

Сравнивая городское пространство с произведением искусства, мы определенным образом пытались наделить его (пространство) аурой. Ведь Беньямин говорил, что: «Скользить взглядом во время летнего полуденного отдыха по линии горной гряды на горизонте или ветви, в тени которой расположился отдыхающий, пока мгновение или час со-причастны их явлению, — значит вдыхать ауру этих гор, этой ветви» [Беньямин, 1996. С. 24]. То есть не только произведение искусства может обладать аурой, но также предметы и даже события, всё, что наполнено энергией. Однако человеческое желание «приблизить вещи к себе» привело

к появлению репродукций и фотографий. Можно сказать, что фотография – это репродукция городского пространства. Беньямин считает, что фотография лишена ауры, лишена настроения: «Город на этих снимках очищен, словно квартира, в которую ещё не въехали новые жильцы» [Беньямин, 1996. С. 83]. Получается, что во время непосредственного присутствия человека в определенном пространстве он может посредством ауры данного места понять его и идентифицировать верным образом, чувственно определить назначение. Просматривая же фотографии того самого места, уже не обладающие аурой, мы можем вполне точно ошибиться и некорректно их интерпретировать. Вот тут рождаются симуляции.

Несмотря на то что феномены ауры и симуляции являются полярными по отношению друг к другу, через фотографии мы можем провести между ними связующий мост, который позволяет охарактеризовать определенное городское пространство в настоящее время и в будущих периодах. Перелистывая собственные или чужие снимки, обращаясь к их подписям, мы вновь и вновь наделяем изображенные места смыслами. Возможно, со временем эти смыслы трансформируются, но в пределах, установленных симулякрами. Таким образом, обращаясь к понятиям ауры, фотографии и симуляции, которые могут являться средствами интерпретации городских пространств, можно сказать, что одно и то же пространство одним и тем же актором может быть интерпретировано разным образом, но каждая из интерпретаций будет по-своему верно или неверно соответствовать сущности места.

Список литературы

- Беньямин В.** Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: МЕДИУМ, 1996. 240 с.
- Закирова Т. В., Кашин В. В.** Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. № 7 (143) июль. С. 28–36.
- Новиков В. Г., Ковалева С. В.** Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «антисоциальной» теории Жана Бодрийяра // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 39–45.
- Штомпка П.** Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с пол. Н. В. Морозовой, вступ. ст. Н. Е. Покровского. М.: Логос, 2007. 168 с., 32 с. цв. ил.

References

- Benjamin V.** A work of art in the era of its technical reproducibility / V. Benjamin – Moscow: MEDIUM, 1996. – 240 p. Gurko E. N. Deconstruction: texts and interpretation / E.N. Gurko — Minsk: Ekonompress, 2001. — 320 p.
- Zakirova T. V., Kashin V. V.** The concept of virtual reality by Jean Baudrillard / T. V. Zakirova, V. V., Kashin // Bulletin of OSU – 2012. - No. 7 (143) July. – pp. 28-36
- Novikov V. G., Kovaleva S. V.** Hyperreality, simulacra and simulations in virtual space as a phenomenon of Jean Baudrillard's "antisocial" theory / V. G. Novikov, S. V. Kovaleva // Digital Sociology – 2019. – Vol. 2 No. 1. – pp. 39-45

Sztompka P. Visual Sociology. Photography as a research method: textbook / lane. from Polish. N.V. Morozova, auth. intro. Art. NOT. Pokrovsky. — M.: Logos, 2007. — 168 p. + 32 s. color silt

Информация об авторе

Немкова Евгения Юрьевна

Аспирант кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (ул. Ленина, 92, Абакан, 655017, Республика Хакасия, Россия)

Information about the Author

Evgeniya Y. Nemkova

Postgraduate student of the Department of Philosophy and Cultural Studies of N.F. Katanov Khakass State University (92, Lenin Street, Abakan, 655017, Republic of Khakassia, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 11.07.2022;
одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 03.11.2022.*

*The article was submitted 11.07.2022;
approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 03.11.2022.*

Научная статья

УДК 37.01

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-46-55

Развитие представлений о человеке и государстве в философии политического образования

Марина Алексеевна Широкова

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

mshirokova1@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8915-4326>

Аннотация

В статье рассматриваются отмеченные в современной философии образования российские и мировые тенденции, препятствующие выполнению государственными институтами функции формирования политического самосознания граждан через образовательную систему. Выявляются также особенности роли человека и государства в политическом образовании с точки зрения политических мыслителей и философов XVIII–XIX вв., представляющих как консервативную, так и либеральную концепции. Автор отмечает, что консерваторы всегда подчеркивали позитивную роль государства в формировании человека по причине несовершенства человеческой природы. Либералы же, напротив, приходили к мысли о несовершенстве государства и о необходимости сделать его, как и человека, объектом политического образования.

Ключевые слова

философия образования, философия культуры, человек, государство, политика, аксиология, антропология

Для цитирования

Широкова М. А. Развитие представлений о человеке и государстве в философии политического образования // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 46–55. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-46-55

© Широкова М. А., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 4

Development of Ideas about a Person and the State in the Philosophy of Political Education

Marina A. Shirokova

Altay State University
Barnaul, Russian Federation
mshirokova1@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8915-4326>

Abstract

The article deals with the Russian and world trends noted in the modern philosophy of education, which prevent the state institutions from fulfilling the function of forming the political self-consciousness of citizens through the educational system. The features of the role of a person and the state in political education are also revealed from the point of view of political thinkers and philosophers of the 18th-19th centuries, representing both conservative and liberal concepts. The author notes that conservatives have always emphasized the positive role of the state in shaping a person, due to the imperfection of human nature. Liberals, on the contrary, came to the idea of the imperfection of the state and the need to make it, like a person, an object of political education.

Keywords

Philosophy of education, philosophy of culture, person, state, politics, axiology, anthropology

For citation

Shirokova M. A. Development of Ideas about a Person and the State in the Philosophy of Political Education. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 46–55. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-46-55

Проблема взаимоотношений человека и государства в системе гражданского и политического образования сохраняла свою актуальность практически на всех этапах развития человеческой цивилизации. Дискуссии по данной тематике привели к оформлению нескольких значимых философско-политических концепций, среди которых следует выделить консервативную и либеральную, а также условно «национальную» и «глобалистскую». Все упомянутые концепции необходимо рассматривать как исторические феномены, трансформирующиеся с течением времени, в изменяющихся общественных условиях. Современная эпоха предъявляет к системе образования новые требования и формирует новые вызовы по отношению к ее субъектам.

На наш взгляд, заслуживают отдельного рассмотрения два ключевых вопроса, сформулированные в сравнительно недавнее время В. А. Гуторовым в рамках круглого стола «Гражданское и политическое образование в современном международном научном дискурсе», организованного на факультете политологии СПбГУ. Прежде всего, «Насколько принципы политического и гражданского образования, возникшие в эпоху античной классики и внедренные в общественную ткань американскими и французскими просветителями и революционерами, определяют современное сознание и поведение индивидов, образуя то, что их последовательные противники – французские и немецкие консервативные романтики – называли “народным духом”?». И второй вопрос: «Способны ли политические институты, а также система образования в школах и университетах

современных государств стимулировать политическое сознание граждан, поддерживая свой «воспитательный потенциал» на уровне, хотя бы отдаленно напоминающем самосознание граждан античных полисов, готовых и способных защищать государственное устройство, одобренное народным собранием?» [Гуторов, 2015. С. 26–27]. Иными словами, какие концепции политического образования и содержащиеся в них принципы адекватны реалиям современного информационного общества, и насколько они совместимы с современными демократическими институтами? Задача формирования политического самосознания граждан была и остается одной из важнейших для государства. Еще Аристотель отмечал в знаменитом трактате «Политика»: «Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно соответствовать каждому государственному строю...» [Аристотель, 1983. С. 628].

Если говорить о состоянии дел в сфере политического образования современной России, то в научном и преподавательском сообществе нередко выражается обеспокоенность проблемами, не позволяющими государственной образовательной системе реализовать поставленные задачи. Так, специалисты из Белгородского государственного национального исследовательского университета в своей недавней статье усматривают определенное противоречие в том, что «понимание необходимости политического образования не оспаривается, и в то же время, в образовании идут обратные процессы» [Гукова, Бойко, Половнева, 2021. С. 244]. В российских условиях к числу таких процессов относят сокращение количества часов, отводимых на преподавание политологических дисциплин в высших учебных заведениях, а также изменение содержания образовательных программ в направлении маргинализации, вплоть до полного исчезновения его политической составляющей. «Поэтому состояние современного политического образования в России как инструмента политической социализации молодежи, призванного формировать ее политическую субъектность, напряженное, сложное и не в полной мере реализует свой потенциал» [Гукова, Бойко, Половнева, 2021. С. 244]. Автор первой в России систематизированной работы по политической дидактике, – докторской диссертации и учебного пособия, – А. И. Щербинин, в своих последующих публикациях высказывал схожую мысль о том, что «вымывание» предмета политики из образовательных программ приводит «к стихийным и нередко неуправляемым процессам формирования политической картины мира у молодежи и шире – картины будущего» [Щербинин, 2019. С. 205].

Помимо специфически российских проблем, рассмотрение которых составляет предмет отдельного исследования, в упомянутых процессах играют важную роль и общемировые тенденции, препятствующие выполнению современными государствами функции реализации потенциала политического образования как инструмента трансформации личности, общества и государства. На эти тенденции указывает, в частности, В. А. Гуторов [Гуторов, 2015]. Во-первых, как политика, так и образование всё более перемещаются с национального уровня на уровень глобальный. Во-вторых, дальнейшая дифференциация общества и сегментация образования противоречат принципам равенства и социальной

справедливости в образовании. И, в-третьих, кризисы легитимности политической власти негативно отражаются на взаимоотношениях субъектов образовательного процесса.

Учитывая перечисленные факторы, необходимо прояснить специфику места и роли человека и государства в системе политического образования с позиций классических и современных философско-политических и педагогических концепций. В статье мы опираемся на работы политических мыслителей, философов и педагогов эпохи Просвещения и XIX в., представляющих как либеральную, так и консервативную парадигмы в образовании. Источниками служат также работы российских и зарубежных исследователей по данной проблематике.

В рамках либерального дискурса о политическом образовании в последние десятилетия возникла явная тенденция смещения акцентов в сторону глобальной повестки. Процессы глобализации, хотя и несколько скорректированные кризисными явлениями в экономике после 2008 года, а также очередным обострением межэтнических конфликтов, неуклонно ведут к переосмыслению самих концептов политики, гражданина и гражданственности. Глобальный метасоциум «нивелирует массу различий, с ними вместе упраздняет патриотизм и гражданственность», – пишет Е. Л. Дубко [Дубко, 2005. С. 377]. В новых условиях актуализируются многие принципы классического либерализма. «Либеральный» индивид изначально – это человек «открытый и толерантный», беспристрастный, не подверженный гневу, выслушивающий любое мнение. Для него отношение к близким ему в чём-либо людям (родственникам, друзьям, представителям своей нации, религии, социальной страты и т. д.) не должно представлять большую ценность, чем отношение к врагам или просто к незнакомцам. На основе данного положения либеральной идеологии в начале XXI в. возникает соответствующий запрос к политическому и гражданскому образованию. Современный «гражданин мира» побуждается «думать глобально и действовать локально» [Demaine, 2004. С. 200], а система образования должна формировать у него компетенции, включающие практическое приложение гражданства на разных уровнях: местном, национальном и глобальном.

В западной социологии фиксируется новое, «постгражданское» поколение, для которого гражданство той или иной страны является лишь формальностью, а ориентация на индивидуальное потребление мешает воспринимать общественные ценности [Дубко, 2005]. С другой стороны, многие молодые люди, не утратившие чувства общности, становятся носителями «постнациональной концепции гражданства, основанной скорее на справедливости, чем на национальности или даже государственности» [Bellamy, 2004. С. 1]. Но, обращаясь к идее социальной справедливости, мы сталкиваемся с еще одной, упомянутой выше, проблемой политического образования.

Дело в том, что несомненным достижением либеральных образовательных концепций эпохи Модерна является выдвинутый еще просветителями постулат о доступном и равном для максимального числа людей образовании как критерии общественного прогресса. Приобщение наибольшего количества граждан через образование к ценностям «гражданской добродетели» – равенству, свободе и справедливости – провозглашалось также условием существования и развития

национального государства. «Родина не может существовать без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан. У вас будет всё, если вы воспитаете граждан; без этого у вас все, начиная с правителей государства, будут лишь жалкими рабами», – писал Жан-Жак Руссо в статье «Политическая экономия» для «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера [Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера, 1994. С. 458]. Просветители стоят у истоков формирования концепции классической гражданской нации, основанной на равноправии граждан. Для самого же Руссо ценность гражданского равенства являлась центральной и включала идею социального равенства, т. е. равного доступа к социальным благам, важнейшим из которых является образование. Именно в парадигме просветителей мыслил А. И. Щербинин, вслед за В. Айхлером заявлявший, что и в начале XXI века проблему политического образования актуализирует следующее обстоятельство: «Демократия не может функционировать без демократов – а их не будет без политического образования». Отсюда, как утверждал исследователь, «практика демократического транзита упирается в дефицит людей с политическими знаниями и гражданскими навыками» [Щербинин, 2005. С. 7–8].

Однако сегодня принцип эгалитаризма в образовании не вполне реализуется на практике даже в тех странах, где он зародился, – в странах либеральной демократии. Так, британское «Общество философии образования» несколько лет назад инициировало дискуссию по теме «Равенство в образовании». Участники дискуссии пришли к выводу, что даже в экономически относительно благополучных странах, в частности, в Великобритании и США, где население, казалось бы, способно толерантно воспринимать социальное и экономическое неравенство, в образовательной сфере необходимо последовательно придерживаться принципа равенства и декларировать его в публичной политике [см.: Гуторов, 2015]. Нарушение данного принципа вызывает в обществе крайне негативную реакцию, поскольку сфера образования – одна из тех, в которых социальный запрос на равенство и справедливость особенно велик: «Исключительная сегментация образования и здравоохранения ставит бок о бок наилучшее и наихудшее в мире индустриальных демократий и обрекает миллионы если не на болезни и смерть, то на невежество, несостоятельность и тревогу» [Unger, West, 1998. С. 35]. Если для граждан экономически развитых государств вопрос о сегментации образования стоит настолько остро, то он тем более актуален для населения стран «третьего мира».

Перейдем к третьему фактору, во многом определяющему в современных условиях кризисные проявления в системе политического образования. Это проблема легитимности власти. Рост социального неравенства и несправедливости в обществе порождает кризис легитимности. Последний, в свою очередь, – кризис доверия к работникам системы образования, которые, даже если они демонстрируют некую независимость суждений, всё же в значительной мере воспринимаются учащимися как представители государства. В целом формируется недоверие молодежи ко всем официальным источникам информации, что, впрочем, нередко делает молодых людей объектами манипуляционного воздействия со стороны так называемых «независимых источников».

Но если говорить о недоверии, например, студентов к преподавателю, то оно неизбежно приводит к несовпадению их интересов, а, следовательно, исключает

возможность достижения вообще каких-либо образовательных целей, тем более воспитания в молодых людях тех или иных гражданских качеств. Не случайно в научно-педагогическом сообществе издавна обсуждался вопрос о государстве как субъекте образовательного процесса: до какой степени оно имеет право прибегать в воспитании граждан к так называемому «благородному вымыслу» и мифологии, о которых говорил еще Платон, или к «лицемерию» и «необходимой лжи», о чем писал Н. Макиавелли. Абсолютная открытость в политике, действительно, недостижима, но каким образом государство при этом может сохранить баланс необходимого доверия граждан к институтам, в том числе к образованию?

Обратимся к идеям представителей основных концепций политического образования. При всех различиях во взглядах на человека и государство, как просветители-основоположники либерализма, так и консерваторы XVIII в. утверждали, что гражданин должен быть добродетельным и законопослушным, на этом основан государственный и общественный строй. В то же время консерваторы с самого начала склонны были подчеркивать «проблемность» человеческой природы, а теоретики либерализма – «амбивалентность» природы государства.

Для консерватизма характерна трактовка государства как инструмента защиты человека от зла, заключенного в самой человеческой природе, как средства сдерживания иррациональных импульсов, страстей и желаний. На этом базируется постоянный интерес консервативных философов к воспитанию и образованию как к своеобразной «социально-политической педагогике». Л. де Бональд писал: «Поэтому я изучал политическое устройство, общественное образование, государственное управление; то есть самую обширную и важную тему из всего, что человек может охватить своим разумом. Что такое все науки по сравнению с наукой об обществе? И что такое сама Вселенная, если мы сравним ее с человеком?» [Bonald, 1965. С. 3]. Бональд высказал также знаковый для консерваторов тезис о том, что переустройство общества «не во власти человека – самого человека творит общество... оно творит его при помощи общественного образования» [Bonald, 1965. С. 2]. При этом система образования, как и система государственного управления, не могут быть универсальными. Именно консерваторы настаивают на культурно-исторической самобытности каждой нации и, как следствие, определяющем воздействии «национального характера» на политические институты и политическое образование.

Наиболее показателен в данной связи пример воззрений Ж. де Местра, католического философа, политика и интеллектуала, одного из основоположников европейского консерватизма. Общеизвестны связи де Местра с Россией, в том числе его стремление повлиять на российское образование, отразившееся в письмах 1810 г., адресованных министру народного просвещения А. К. Разумовскому. Письма де Местра были полемически заострены против образовательных проектов М. М. Сперанского, проникнутых идеями западноевропейских просветителей о равенстве прав на образование, об энциклопедизме с уклоном в изучение философии, о преобладании научного образования над религиозно-нравственным. Решительно возражая против перечисленных просветительских установок, де Местр писал: «На человека смотрели как на абстрактное существо, одинаковое во все времена и во всех странах, и для этого фантастического существа состав-

ляли столь же фантастические планы государственного устройства, в то время как опыт доказывает самым очевидным образом, что у всякой нации – то правительство, которого она заслуживает, и любой план государственного устройства – только мрачная фантазия, если он не находится в полном согласии с характером нации». То, что справедливо для государства в целом, продолжал философ, справедливо и для «государственного воспитания»: «Прежде чем составлять план на сей предмет, нужно задаться вопросом об обычаях, склонностях и степени зрелости нации. Кто знает, например, созданы ли Русские для наук?» [Местр, 1810]. Далее следовала критика абстрактной науки, которая, будучи оторванной от морали, по мнению французского традиционалиста, может быть использована для разрушения государства и исторически сложившихся общественных устоев.

В либеральной же философии образования на протяжении XIX–XX вв. формируется идея о том, что объектом политического воспитания может быть не только человек, но и государство, и гражданин имеет право предъявлять к государству определенные требования. Всякое государство несовершенно, ему не следует полностью доверять. Очень характерны в этом отношении слова Р. У. Эмерсона: «Любое фактически существующее государство продажно. Добродетельные люди не должны повиноваться законам слишком хорошо. Какая сатира на правительство может сравниться с суровостью порицания, выраженного в слове *политичный*, которое теперь навеки будет означать *хитроумный*, подразумевающая, что государство является обманом?» [Emerson, 1883. С. 141].

Дискутируя по вопросу о допустимости лицемерия и обмана в государственном управлении, в том числе в системе образования, либеральные авторы приходят к выводу, что лицемерие и притворство в действиях государства не следует безоговорочно осуждать, так как оно может быть первым шагом к государственному самосовершенствованию. В частности, по мнению Б. Констана, лицемерие может способствовать воспитанию или наставлению государства. Поскольку государство улучшается не сразу, а постепенно, в этом процессе возможна промежуточная стадия, на которой государство просто притворяется, будто оно совершенствуется. Ф. Анкерсмит, комментируя взгляды Констана в своей работе «Эстетическая политика», утверждает, что французский мыслитель позволяет государству «при определенных обстоятельствах уступать соблазну лицемерия» [Анкерсмит, 2014. С. 324]. Здесь важна оговорка «при определенных обстоятельствах», поскольку Констан не безусловно признавал допустимость нечестных, манипулятивных приемов со стороны государства. В духе идей Н. Макиавелли философ был убежден: то, что допустимо и полезно в исключительных случаях для конкретных правительств и государственных деятелей, становится порочным и разрушительным, когда переходит во всеобщее умонастроение. Если бы такое произошло, воцарился бы хаос: «Род человеческий вернулся бы к тем временам разорения, которые кажутся нам истинным позором истории. Единственное отличие состояло бы в лицемерии; и оно бы разлагало еще в большей мере, потому что никто бы в него уже не верил. Ведь ложь со стороны власти наносит вред не только тогда, когда она запутывает и обманывает людей; не менее опасна она и тогда, когда не может их обмануть» [Constant, 1814]. И всё же своеобразным маркером для либеральной политической философии и философии образования

является стремление использовать ранее морально осуждаемые, считающиеся порочными человеческие качества и институциональные практики в утилитарных целях.

С мнением классиков либерализма перекликается позиция современного российского политического философа Б. Г. Капустина. Было время, напоминает он, когда ценность свободы отрицалась государством публично, когда практики господства и агрессии со стороны государственных институтов не нуждались в каком-либо идеологическом прикрытии. Мы должны быть благодарны Просвещению за его влияние на современные идеологии, по крайней мере, потому, что сегодня почти все политики вынуждены провозглашать себя «борцами за свободу»: «Известно, что лицемерие – это дань, которую порок платит добродетели. Пусть будет хотя бы эта дань, если с порока не удастся взыскать что-либо более существенное. Но эта дань – тоже ресурс для тех, кто всё же стремится противодействовать господству и агрессии под флагом свободы» [Капустин, 2005. С. 123].

Итак, современные концепции политического и гражданского образования исходят из того, что государство в процессе реализации функции формирования политического самосознания граждан действительно сталкивается с рядом проблем. Эти проблемы заключаются в противоречии между национальным и глобальным уровнями самосознания, в углублении социального неравенства в образовательной сфере, а также в кризисе доверия граждан к государственным структурам и органам политической власти.

Значение человека и государства как субъектов политического образования осмысливалось еще в период становления классических политических идеологий. Теоретики консерватизма абсолютизировали роль общества и государства в воспитании человека, подчеркивая, что при всех возможных недостатках государства само его наличие позволяет человеку быть «нравственным» и «политическим» существом. Либеральные же мыслители, стремясь ограничить вмешательство политических институтов в сферу личной свободы, приходят к идее недоверия к государству и в то же время считают возможным использование государством в образовательной политике манипулятивных приемов и лицемерия в том случае, если это приведет к улучшению самого государства.

Список литературы

- Анкерсмит Ф.** Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014.
- Аристотель.** Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 3.
- Гукова И. Н., Бойко Ж. В., Половнева Л. С.** Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения // *Via in tempore*. История. Политология. 2021. № 48 (1). С. 238–248.
- Гуторов В. А.** Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 1. С. 9–31.
- Дубко Е. Л.** Политическая этика. М.: Трикта; Академический проект, 2005.
- Капустин Б. Г.** Либерализм и Просвещение // *Логос*. 2005. № 3(48). С. 74–123.

- Местр Ж. де.** Пять писем графа Жозефа де Местра графу Разумовскому о государственном воспитании в России, 1810. URL: <https://refdb.ru/look/1609338.html>. Дата обращения: 10.01.2023.
- Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994.
- Щербинин А. И.** Особенности политической социализации молодежи в университетском городе // Вестн. Том. гос. ун-та «Философия. Социология. Политология». 2019. № 51. С. 205–214.
- Щербинин А. И.** Политическое образование. М.: Весь мир, 2005.
- Bellamy R.** Introduction: The Making of Modern Citizenship // Bellamy R., Castiglione D., Santoro E. Lineages of European Citizenship. Rights, Belonging and Participation in Eleven Nation-States. N. Y.: Palgrave Macmillan Ltd., 2004. P. 1–21.
- Bonald L. A. de.** Theorie du pouvoir politique et religieux dans la societe civile, démontrée par le raisonnement et par l'Histoire. Paris: Union générale d'éditions, 1965.
- Complete Prose Works of Ralph Waldo Emerson.** N. Y.; Melbourne: Ward, Lock & Co., Ltd. S.A., 1883.
- Constant B.** De l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation européenne. Hanovre, 1814. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10545720/f17.item.texteImage>. Дата обращения: 10.01.2023.
- Demaine J.** Citizenship Education and Globalization // Demaine J. Citizenship and Political Education Today. N. Y.: Palgrave Macmillan Ltd., 2004. P. 200–211.
- Unger R. M., West C.** The Future of American Progressivism. An Initiative for Political and Economic Reform. Boston: Beacon Press, 1998.

References

- Ankersmit F.** Jesteticheskaja politika. Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: The High School of Economics Publishers, 2014. (In Russ.)
- Aristotel'.** Sochineniya. T. 3. [Works. V. 3]. Moscow: Mysl', 1983. (In Russ.)
- Gukova I. N., Bojko Z. V., Polovneva L. S.** Sostoyanie politicheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii: problemy i puti ih resheniya [State of political education in modern Russia: problems and ways of their solution] In: Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History and political science]. 2021. no 48 (1), p. 238–248. (In Russ.)
- Gutorov V. A.** Politika i obrazovanie: istoricheskaya tradiciya i sovremennyye transformacii [Politics and Education: Historical Tradition and Modern Transformations]. In: Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]. 2015, no 1, p. 9–31. (In Russ.)
- Dubko E. L.** Politicheskaya etika. [Political Ethics]. Moscow: Trikssta; Akademicheskij proekt, 2005. (In Russ.)
- Kapustin B. G.** Liberalizm i Prosveshchenie [Liberalism and the Enlightenment] In: Logos [Logos]. 2005, no 3(48), p. 74–123. (In Russ.)
- Mestr J. de.** Pyat' pisem grafa Jozefa de Mestra grafu Razumovskomu o gosudarstvennom vospitanii v Rossii [Five letters from Count Joseph de Maistre to Count Razumovsky

- about public education in Russia], 1810. URL: <https://refdb.ru/look/1609338.html> (In Russ.)
- Filosofiya v Enciklopedii Didro i Dalamberta [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka, 1994. (In Russ.)
- Shcherbinin A. I.** Osobennosti politicheskoy socializatsii molodezhi v universitetskom gorode [Features of Political Socialization of Youth in a University City] In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2019. no 51, p. 205–214. (In Russ.)
- Shcherbinin A. I.** Politicheskoe obrazovanie [Political Education]. Moscow: Ves' mir, 2005. (In Russ.)
- Bellamy R.** Introduction: The Making of Modern Citizenship. In: R. Bellamy, D. Castiglione, E. Santoro. Lineages of European Citizenship. Rights, Belonging and Participation in Eleven Nation-States. New York: Palgrave Macmillan Ltd., 2004, p. 1–21.
- Bonald L. A. de.** Theorie du pouvoir politique et religieux dans la societe civile, démontrée par le raisonnement et par l'Histoire. Paris: Union générale d'éditions, 1965.
- Complete Prose Works of Ralph Waldo Emerson.** New York, Melbourne: Ward, Lock & Co., Ltd. S.A., 1883.
- Constant B.** De l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation européenne. Hanovre, 1814. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10545720/f17.item.texteImage>
- Demaine J.** Citizenship Education and Globalization. In: J. Demaine Citizenship and Political Education Today. New York: Palgrave Macmillan Ltd., 2004, p. 200–211.

Информация об авторе

Марина Алексеевна Широкова

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет

Information about the Author

Marina A. Shirokova

Doctor of Sciences (Philosophy), Docent
Department of Philosophy and Political Science, Altay State University

*Статья поступила в редколлегию 10.10.2022;
одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 10.10.2022;
approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 27.10.2022*

Научная статья

УДК 130.1

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66

Законы: историческая трансформация, современное понимание, классификация

Владимир Ильич Разумов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

RazumovVI@omsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>

Аннотация

Рассматриваются исторические трансформации закона и обосновывается предположение о его напрасном игнорировании со стороны многих современных ученых. Подвергнут критике подход к статусу законов, который определяется только степенью их соответствия критериям объективности и рациональности. Вместо этого построена классификация, включающая законы: логики и математики, естествознания, техники, социальные, юридические. При рассмотрении процессов развертывания законов в эволюции реальности используется понятие номогенеза. Объединение законов достигнуто за счет того, что все они определяются балансом характеризующих их тенденций: объективное/субъективное, рациональное/внерациональное, детерминация/воля. Особое внимание уделено социальным и юридическим законам. Приведен опыт определения трех социальных законов.

Ключевые слова

внерациональное, воля, детерминизм, закон, классификация законов, номогенез, объективное, рациональное, субъективное.

Для цитирования

Разумов В. И. Законы: историческая трансформация, современное понимание, классификация // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 56–66. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66

© Разумов В. И., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 4

Laws: historical transformation, modern understanding, classification

Vladimir I. Razumov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

Omsk, Russian Federation

RazumovVI@omsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>

Abstract

The article considers the historical transformations of the law, and argues that many contemporary scientists are wrong to ignore it. The paper criticizes the approach to the status of laws, which is determined by the degree of their compliance with the criteria of objectivity and rationality. Instead, a classification is constructed that includes the laws of logic and mathematics, natural sciences, technology, as well as social and legal. To consider the processes of unfolding laws in the evolution of reality, the concept of nomogenesis is used. The unification of laws is achieved due to the fact that they are all determined by the balance of their characteristic tendencies: objective / subjective, rational / extra-rational, determination / will. Special attention is paid to social and legal laws. The case of defining three social laws is offered.

Keywords:

extra-rational, will, determinism, law, classification of laws, nomogenesis, objective, rational, subjective.

For citation

Razumov V. I. Laws: historical transformation, modern understanding, classification. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 56–66. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66

Ведь из всех наук более всего
совершенствует человека, ими за-
нимающегося, наука о законах.

Платон. Законы

Введение. На интуитивном уровне большинство людей с уважением относят-ся к различным законам: логики и математики, природы, техники, социальным, юридическим. Однако можно уверенно утверждать, что современные интеллектуалы незначительно продвинулись в понимании закона в сравнении со своими античными предшественниками. Следует заметить, что «закон» имеет не только сциентистское, но и общекультурное значение, объединяя людей как один из духовных символов, соединяющих «паломников в страну Востока», умельцев «игры в бисер» Г. Гессе [Гессе, 1984]. Закон есть дескрипция, а в ряде случаев и прескрипция мер, организующих хаос в порядок, препятствующих деградации порядка в хаос. В этом ключе чрезвычайно удачной оказалась метафора «порядок из хаоса» И. Пригожина и И. Стенгерс, демонстрирующая понимание места и роли законов в Мироздании [Пригожин, Стенгерс, 1986]. В XXI в. стоит отметить начало глубоких изменений не только в науке, но и в интеллектуальной культуре в целом. Предположим, успехи реформ будут зависеть от состояния наработанных к их

запуску понятийного и категориального аппаратов¹. Обратимся к обсуждению темы закона. В начале формирования классической науки в форме законов фиксировались основоположения науки. Достаточно упомянуть о том, что механика И. Ньютона строилась на трех законах для описания движения и взаимодействия тел и законе гравитации. Однако к концу XX – началу XXI в. отношение к закону существенно поменялось. Представители точного естествознания, технических наук фактически отказались от понятия закона; общенаучное знание в лице системного подхода и кибернетики этой темой также практически не занимаются. В социальных науках законами общества занимаются позитивисты, марксисты, макросоциологи. К сожалению, формулировки законов не удовлетворяют представителей фундаментальных наук, поскольку они не имеют строгой моносемичной формулировки, численного выражения. Остается философия [Сидоренко, 2010. С. 34–36]. Но предложенная в статье формулировка стремится предельно широко очертить круг объектов, называемых законами. Поскольку не указан принцип объединения объектов, их определения страдают или громоздкостью конструкций, или содержательно-смысловой неполнотой.

Опыт универсального подхода к закону, классификация законов. Если общность законов связать с различиями проявления в них объективного и субъективного начал, то все их можно распределить между двумя группами: законами логики и математики с максимальным проявлением объективного начала и законами юридическими, определяемыми действием субъективного начала. Теперь с учетом изменений баланса объективного и субъективного начал классифицируем каждую из выделенных групп законов.

Законы логики и математики. Они не только не зависят от воздействий субъекта, но и в материальном субстрате не нуждаются. К примеру, возьмем известную формулировку теоремы: существуют три числа такие, что сумма квадратов двух чисел равна квадрату третьего числа. Объективность математики заключается в строгой, однозначной формулировке задачи, способах ее решения, выводах. В то же время математика (в теории вероятности, статистике, комбинаторике, в поисках корней уравнений различных порядков, объектов и структур и мн. др.) предоставляет колоссальные возможности реализовать волю и интеллект субъекта.

Законы естествознания. Они утверждают идею Аристотеля о необходимости для материи (содержания) организующего начала (формы). Устойчивые и значимые для существования определенных предметов формы порождают определения законов. Затруднение в том, что состоятельность закона о физической природе зависит от наличия соответствующих компонентов: масс или зарядов для проявления, соответственно, закона гравитации – для тел, обладающих массой, и закона Кулона – для зарядов.

¹ Понятия и категории есть единицы организации знания. Понятия обеспечивают передачу смыслов и содержания, а категории, организуясь в категориальные схемы типов категориально-системной методологии (КСМ) [Разумов, 2004; Боуш, Разумов, 2020], теории динамических информационных систем (ТДИС, ДИС), управляют процедурами рассуждения. В терминах кибернетики: понятия составляют управляемую подсистему, а категории – управляющую подсистему познавательной системы субъекта. См.: Разумов В. И., Сизиков В. П. Информационные основы синтеза систем: В 3 ч. Омск: ОмГУ. Ч. I. Информационные основы системы знаний, 2007; Ч. II. Информационные основы синтеза, 2008; Ч. III. Информационные основы имитации, 2011.

Технические законы. Их специфичность в сравнении с законами естествознания определяется тем, насколько велики различия объектов естественной и искусственной природы. Технические законы сосредоточены в таких системах знания, как сопротивление материалов, теория механизмов машин, теория автоматического управления и регулирования. Связь технических законов с законами логики и математики осуществляется, в частности, через развитие уравнений математической физики. Попытка сформулировать универсальные законы для техники, знание которых послужит обоснованием для любой изобретательской деятельности, проявилась в опыте разработки теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) [Альтов, 1989].

Социальные законы. В настоящее время их существование для большинства ученых гипотетично. Можно выделить сторонников объективных социальных законов. Это марксисты, позитивисты, стремящиеся вслед за О. Контом представить науки об обществе социальной физикой. В социальных науках есть формулировки, которые можно назвать законами – тенденциями, регионально-стадиальными законами. Попытки конструирования социальных законов, приближающихся к законам точных наук, реализуются в социологизме, где главная стратегия «состоит в доказательстве связи рациональности, значения и объективности с нормативностью, при том что нормативность всегда основана на согласии в рамках какой-либо социальной общности» [Розов, 2016. С. 7].

Особенность социальных законов заключается в том, что в каждом из них в зависимости от условий отыскивается баланс объективного и субъективного начал. Логика и математика индифферентны к условиям применения. Важное отличие социальных законов заключается в необходимости выражать внерациональное начало в оценках событий, в принятии решений. Имеет смысл учитывать возраст общества. От возникновения общества в ходе неолитической революции прошло всего 6–8 тыс. лет, т. е. можно предположить, что общество как часть космоса проходит еще дономологическую стадию развития. Переход в номологическую стадию совершится, можно предположить, с момента стабилизации численности населения на Земле.

Негативную роль в раскрытии универсальной природы законов сыграли предложения неокантианцев В. Виндельбанда, Г. Риккерта, представителя философии жизни В. Дильтея о фатальной разграниченности наук о духе и наук о природе. Одним из источников проблем о природе, сущности, цели законов естествознания является аналитико-редукционистская традиция, заложенная картезианцами, – рассматривать объекты, в нашем случае это законы, вырывая их из потока изменений и останавливая. Социальные законы специфичны и тем, что они находятся под воздействием двух пар противоположно направленных факторов – объективного и субъективного, рационального и внерационального, баланс которых меняется в гораздо более широком диапазоне, чем в случае законов естествознания. Социальные законы находятся под сильным влиянием, с одной стороны, исходящего от логико-математических законов объективизма и рационализма, с другой стороны, от субъективности и внерационального, что свойственно и юридическим законам.

Юридические законы. Они, как ни одна группа законов, влияют на развитие человека и общества. Фактически они выражают деонтические модальности по совершению одних действий (оплата налогов от доходов физическими и юридическими лицами) и запрет совершения других действий (кража чужого имущества). В неявном виде юридические законы выражают в себе остальные группы законов, на действие которых они опираются как на данность. В дополнение к социальным законам юридические законы в явном виде выражают волю как важный номотетический фактор.

Законы в отношении к системе: человек, природа, общество. Уместен промежуточный вывод: все законы есть инструменты, обеспечивающие человеку возможность включаться в эволюцию Мироздания. Сформулированный тезис нуждается в соответствующем обосновании. Оно требуется в связи с тем, что аналитико-редукционная установка Р. Декарта и его последователей уже давно принесла свои плоды и нуждается в смене на системно-синтетический подход. Представление о сумме законов в общем напоминает устройство наук в пирамидальной форме, где вершину занимают законы логики и математики, а основание – законы юридические. Причины такого понимания вызваны еще и материалистической установкой на объективность как независимость от сознания. Здесь имеет смысл остановиться на обсуждении устройства реальности. Широкую известность получила концепция трех миров К. Поппера: материального, ментального и культурного (или физического, психического и мира знания) [Поппер, 1983. С. 439–495]. Н. С. Розов предлагает дополнить конструкцию Поппера еще одним миром – социосферой, переходя к четырехчастной онтологии, включающей биотехносферу, психосферу, культуросферу, социосферу [Розов, 2002. Гл. 3]. Нам представляется достаточным ограничиться конструкцией Поппера, принимая идею о включенности социосферы в материальный мир или предполагая, что социосфера образует среду, где существуют остальные три мира.

Источником напряжений в обсуждении темы законов на общенаучном и философском уровнях выступает распространенное требование объективного статуса закона и его рационального выражения. Это порождает своеобразный иммунитет законов от каких-либо субъективных, внерациональных влияний. Однако трудно обойти вниманием, к примеру, сильную и слабую формулировки антропного принципа в космологии, проблематику наблюдения в квантовой физике. Сложно не увидеть за этим процесс субстанциализации реальности. Существо нашего предложения в том, что все законы образуют единую связную систему, где часть законов ориентированы на объективность и рациональность, а другая часть на субъективность, учет внерационального и волевого факторов.

Объективное, рациональное и субъективное, внерациональное и воля в понимании закона. Следует пояснить, каким образом объективное, рациональное и субъективное, внерациональное начала, а также воля проявляют себя в реальности. Выделим и определим три позиции, характеризующие сущность и назначение закона. 1) Закон объективен, он существует в самой действительности. Субъект способен рационально, т. е., адекватно и достаточно полно познать реальность, выражаемую формулировкой закона. Человек – свидетель действия

не зависящих от него механизмов, но он способен использовать знание законов. 2) Законы есть внутренние установки психики человека, позволяющие ему ориентироваться в мире. В этой позиции мы отвергаем утверждение о существовании реальности вне индивидуальной психики. Законы здесь это конструкции, не всегда поддающиеся рациональному описанию. Человек получает возможность, обращаясь к закону, получать определенный ответ на конкретный вопрос. 3) Законы образуют для человека своеобразный интерфейс, где законы повторы есть управляющие воздействия, изменяющие или стабилизирующие психическую или (и) физическую реальности. В этом смысле понимание законов тесно связано с идеей диалога человека с природой [Пригожин, Стенгерс, 1986]. В таком случае совершенствование законов должно проводиться таким образом, чтобы диалог человека с природой прогрессивно развивался, усовершенствовался [Разумов, Сизиков, 2017. С. 103–109].

Закон есть значимое для объекта и субъекта повторяющееся взаимодействие его компонентов с определенными начальными условиями и механизмами их изменения, конкретным и ожидаемым результатом. Законы играют важную роль, обеспечивая диалог субъекта и объекта. Через законы объективное и рационально выражаемое начало Мироздания встраивает человека в область необходимости, а субъективное начало проявляет себя раскрытием волевого, выходящего за пределы рациональности начала. Таким образом, задачей любого закона оказывается балансирование детерминизма и воли. Естественно, у физического закона баланс повернут в направлении детерминизма, а у юридического закона в направлении воли. Станным кажется то, что, как правило, в законах фундаментальных наук во взаимодействиях не учитывается субъективное присутствие, а юристы и многие социальные ученые мало задумываются об объективном основании юридического или социального закона.

Для универсального понимания законов важно определить систему, в пределах которой конструируется осмысление законов. Такая система определяется категориями «человек», «природа», «общество», и относительно данной триады для каждого закона и группы законов определяются проявления в них балансов объективное / субъективное, рациональное / иррациональное и с учетом фактора воли.

Преобладающее в настоящее время отношение к законам в русле объективистско-рационалистического подхода предполагает такую позицию субъекта, когда он выступает в мифологической роли читателя тайнописи природы. В таком случае ценность закона определяется его независимостью от влияний какого-либо субъекта. Но если обратиться к концепции ноосферы В. И. Вернадского, то по мере освоения человечеством своей космогонической функции законы оказываются инструментами, регулирующими поведением индивидуумов и социосистем.

Еще одним важным отличием законов точных наук и юридических дисциплин является то, что первые идут по пути поиска генерализации отдельных явлений в класс элементов, обладающих определенным свойством; вторые, напротив, предусматривают уникальное, неповторяющееся действие (неожиданное событие).

Понятие номогенеза. В таком контексте внутри любого юридического закона противодействуют две тенденции: номотетическое (генерализация) и идиографическое (индивидуализация). Первое выражает всеобщее в любом законе, а идиографическое приближает общую формулировку закона к каждому отдельно взятому случаю его применения.

Поляризация объективных законов логики, математики, физики, с одной стороны, и законов юридических и социальных, с другой стороны, обусловлена рядом свойственных им особенностей. Во-первых, объективно ориентированные законы точных наук открывают, выявляют в предмете соответствующей науки то, что важно для лучшего понимания его устройства, а законы юридические и социальные формулируют в интересах управления предметом, для осуществления эффективного контроля за его поведением. Во-вторых, для всякого закона свойственно наличие определенных компонентов, механизма, условий их взаимодействия (к примеру, масса, гравитация, свойства пространства и времени). Вследствие принятия подавляющим числом интеллектуалов идеи о глобальной тенденции развития метагалактики от простого к сложному уместно говорить о номогенезе, причем его скорости различаются в зависимости от природы объектов: неживое, живое, социальное, техническое. Человек сам выступает фактором номогенеза в двух аспектах: как открыватель объективных законов и как автор законов юридических. Заметим еще одно важное отличие социальных и юридических законов от остальных в том, что их объекты отличаются наибольшими скоростями изменения в этой реальности.

Специфичность социальных и юридических законов. Перейдем к вопросу о социальных и юридических законах. Социальные законы, как и другие законы, имеют определенные компоненты, особые условия, при которых компоненты начинают взаимодействовать особым образом. Отличие социального от юридического закона в том, что в последнем это индивиды, для каждого из которых предусмотрена персональная ответственность, а в социальном законе выделяются социальные группы, их конкретные взаимодействия, общественные условия, необходимые для хода соответствующих процессов.

В силу колоссального различия скоростей изменений объектов социальные и юридические законы объединены следующим образом. Юристы осуществляют законотворческую деятельность на микросоциальном уровне, а социальные ученые – на макросоциальном. Социальные законы есть формулировки, выражающие особенности взаимодействия социосистем.

Для примера сформулируем три социальных закона.

1. Закон выбора стратегии социосистемой. Поведение всякой социосистемы в среде, а также ее взаимодействие с другими социосистемами и окружающей средой определяется уровнем рисков и доступностью ресурсов. При условии низких рисков и хорошим доступом к ресурсам в поведении между социосистемами, а также и индивидов внутри них, преобладают индивидуалистические, либерально-демократические установки. В ситуации дефицита ресурсов и высоких рисков индивиды, входящие в социосистемы, практикуют мобилизационную стратегию.

Следует отметить, что большинство социосистем существуют в условиях между двумя крайностями – комфортом и угнетением, и это состояние можно назвать нормой. Стратегией для социосистемы в состоянии нормы выступает налаживание баланса между любыми крайностями. Формулировка данного закона позволяет диагностировать состояние конкретной социосистемы вместе с установлением оптимальной для нее в такой ситуации стратегии.

2. Закон обратного отношения креативности/бюрократизации социосистем. В любой социосистеме действуют противоположные тенденции креативности и бюрократизации, причем усиление одной из них вызывает ослабление другой. К примеру, деятельность организации определяет преобладание в ней в конкретной ситуации креативного потенциала или бюрократических отношений. К сожалению, ситуация, когда падение креативности сопровождается бюрократической трансформацией, характерна для большинства организаций науки и образования в современной России [Ореховский, Разумов, 2020. С. 77–94; Донских, Разумов, 2020. С. 168–174].

3. Закон доминирования одной социосистемы за счет ослабления остальных социосистем. Более активная и обладающая большими ресурсами социосистема стремится ослабить и заблокировать развитие остальных социосистем. Это проявляется в имперских стратегиях, монополизации производств и рынков.

Распространение постмодернистского мировоззрения становится очередным вызовом к пересмотру понятия закона. Религиозно-мифологические конструкции древности, основанные на идеях космоцентризма, сменяющее их мировоззрение теоцентризма, и, наконец, антропоцентризм эпохи Возрождения указывают на поиск одного конкретного центра мироустройства, который должен быть описан в единой, органичной, внутренне непротиворечивой системе знания. Важно, если субъект, к примеру, является носителем механистического мировоззрения, то все другие взгляды, не совпадающие с его мировоззрением, объявляются ошибочными или ложными.

Итак, от начал интеллектуальной культуры и до 70-х гг. XX в. действовал принцип моноцентричности мировоззрений. Это означало, что наука, философия должны установить единую онтологию, гносеологию, методологию, аксиологию. В этом русле выстраивался и корпус законодательства. Постмодерн стремится разрушить саму моноцентрическую установку, а взамен предлагает полицентрический подход, где в пределе оказывается, что каждый человек творит свою вселенную. С учетом перечисленных перемен в мировоззрении трудно ожидать, что в настоящее время обращение к методологии К. Гемпеля, представленной в описании феномена «исторического закона», подойдет для выявления законов в социальной реальности XXI в. [Гемпель, 2000. С. 13–26].

Такой глубокий мировоззренческий поворот, вне сомнения, оказывает влияние на все группы законов, а особенно на законы социальные и юридические. В корпусе юридических наук уже есть интерес к пересмотру понятия закона, в частности, в части его нормативности и всеобщности применения. Например, юристами обсуждается тема ненормативного закона [Иванов, 2020. С. 46–52]. Можно прогнозировать рост числа работ, адаптирующих законодательство под колоссальную трансформацию сознания общества и мировоззрения индивидов.

Заключение. Место и роль философии в интеллектуальной культуре и новой социальной реальности будет определяться средствами и результатами действий философов в обсуждении важнейших вопросов в глубоко обновляющихся ее важнейших разделах: онтологии, эпистемологии, философской антропологии. В данном аспекте вызовом для философов становится то, способны ли они сделать перечисленные темы областями междисциплинарных рассуждений. Принципиально, чтобы философы самостоятельно поднимали проблемы, актуальные для множеств различных наук. Одной из важных тем в этом направлении выступает понятие закона. Результатом изучения законов выступает предложение пересмотреть отношение к закону, во-первых, учитывая замену требования к объективности закона на учет баланса объективного/субъективного, рационального/внерационального и воли в конкретном законе; во-вторых, принимая предположение, что законы есть особые когнитивные инструменты, владение которыми открывает возможности управления соответствующими им областями реальности. Идея общности законов предполагает, что за объективным и рациональным началом закона скрывается выражение им необходимости, а через субъективное и внерациональное начало закона проявляется воля.

Список литературы

- Альтов Г. С.** И тут появился изобретатель. М.: Дет. лит., 1989. 143 с.
- Боуш Г. Д., Разумов В. И.** Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: Инфра-М, 2020. 227 с.
- Гемпель К.** Функция общих законов в истории // *Время мира* / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2000. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. С. 13–26.
- Гессе Г.** Паломничество в страну Востока: повесть; Игра в бисер: роман. Рассказы / Пер. с нем.; [сост. и предисл. Н. Павловой]. М.: Радуга, 1984. 588 с.
- Донских О. А., Разумов В. И.** РПД-логия и совершенствование образования в XXI в. // *Профессиональное образование в современном мире*. 2022. Т. 12. № 1. С. 168–174.
- Иванов Р. Л.** Юридические обычаи и ненормативные законы как «нетипичные» средства правового регулирования // *Науч. вестн. Омской акад. МВД России* 2020. № 4 (79). С. 46–52.
- Ореховский П. А., Разумов В. И.** Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна // *Идеи и идеалы*. 2020. Т. 12. № 3. Ч. 1. С. 77–94.
- Платон.** Государство. Законы. Политик / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1998. 798 с.
- Поппер К.** Логика и рост научного знания: Избр. работы / Пер. с англ. Общ. ред., пер. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М., 1983. С. 439–495.
- Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Разумов В. И.** Категориально-системная методология в подготовке ученых: Учеб. пособие / Вступ. ст. А. Г. Теслинова. (Учеб.-теор. изд.). Омск: Омский гос. ун-т, 2004. 277 с.

- Разумов В. И., Сизиков В. П.** Объективный статус законов и общество // Вестн. Омского гос. ун-та. 2017. № 2 (84). С. 103–109.
- Розов Н. С.** Философия и теория истории. М.: Логос, 2002. Кн. 1. Прологомены. Гл. 3.
- Розов Н. С.** Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.
- Сидоренко Е. А.** Законы. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Степина и др. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 34–36.

References

- Al'tov G. S.** I tut pojavilsja izobretatel'. M.: Detskaja literatura. 1989. (In Russ.)
- Boush G. D.** Metodologija nauchnogo issledovanija (v kandidatskih i doktorskih disertacijah) : uchebnik / G. D. Boush, V. I. Razumov. Moskva : INFRA-M, 2020. (In Russ.)
- Gempel' K.** Funkcija obshchih zakonov v istorii / Rozov N.S. (red.) Vremja mira. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v XX veke. Novosibirsk: NGU, 2000. P. 13–26. (In Russ.)
- Hempel C.** Funtsciya obshchih zakonov v istorii [The Function of General Laws in History]. In: Rozov N.S. (Red.). Vremja mira. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v XX veke. [Rozov N. (ed.). Vremia Mira. Vol. 1. The Historical Macrosociology in XXth Century]. Novosibirsk: NSU, 2000. P. 13–26. (In Russ.)
- Gesse G.** Palomnichestvo v stranu Vostoka: povest'; Igra v biser: roman. Rasskazy : per. s nem. / G. Gesse ; [sost. i predisl. N. Pavlovoy]. Moskva : Raduga, 1984. (In Russ.)
- Donskih O. A., Razumov V. I.** RPD-logija i sovershenstvovanie obrazovanija v XXI v. // Professional Education in the Modern World. 2022. Tom 12, № 1. P. 168–174. (In Russ.)
- Ivanov R. L.** Juridicheskie obychai i nenormativnye zakony kak «netipichnye» sredstva pravovogo regulirovanija // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii № 4 (79), 2020. P. 46–52. (In Russ.)
- Orehovskij P. A., Razumov V. I.** Vremja karnavala: rossijskie vysshaja shkola i nauka v jepohu postmoderna // Idei i idealy. 2020. Tom 12, № 3 . P. 77–94.
- Platon.** Gosudarstvo. Zakony. Politik : per. s drevnegrech. / Platon. Moskva : Mysl', 1998. (In Russ.)
- Popper K.** Logika i rost nauchnogo znanija. Izbrannye raboty. Per. s angl. Obshhaja redakcija, perevod i vstupit. stat'ja V.N. Sadovskogo. M., 1983. P. 439–495. (In Russ.)
- Prigozhin I., Stengers I.** Porjadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoj: per s angl. M.: Progress, 1986. (In Russ.)
- Razumov V. I.** Kategorial'no-sistemnaja metodologija v podgotovke uchenyh: Uchebnoe posobie / Vst. st. A.G. Teslinova. (Uchebno-teoreticheskoe izdanie). Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004. (In Russ.)
- Razumov V. I., Sizikov V. P.** Obiektivnyi status zakonov i obschestvo // Vestnik Omskogo universiteta. 2017. № 2 (84). P. 103–109. (In Russ.)
- Rozov N. S.** Filosofija i teorija istorii. Kn. 1. Prolegomeny. M.: Logos, 2002. (In Russ.)

Rozov N. S. Idei i intelektualy v potoke istorii: makrosociologija filosofii, nauki i obrazovanja. Novosibirsk: manuskript, 2016. (In Russ.)

Sidorenko E. A. Zakony. Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. T. 2. / Pod red. V. S. Stepina i dr. M.: Mysl', 2010. P. 34–36. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир Ильич Разумов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Information about the Author

Razumov Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Theology, Philosophy and Culturology, Omsk State University

*Статья поступила в редколлегию 18.10.2022;
одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 27.10.2022*

*The article was submitted 18.10.2022;
approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 27.10.2022*

Научная статья

УДК 316.012; 321.015; 323.27; 94

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-67-85

Становление коллегиально разделенной власти и революции в Западной Европе XIX века

Дмитрий Борисович Савельев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

d.savelev@g.nsu.ru

Аннотация

В данной статье апробируется подход к изучению социально-политических кризисов, основанный на концепции коллегиально разделенной власти (КРВ). Результаты качественного сравнительного анализа позволяют выделить пять этапов становления высокого уровня КРВ: 1) переход власти к коалиционному правительству посредством революционного переворота; 2) общий отказ от практик подавления оппонентов из-за отсутствия доминирующего актора; 3) отсутствие у нового главы государства достаточных ресурсов чтобы стать самостоятельным актором; 4) наличие общей геополитической угрозы; 5) сохранение общего паритета сил.

Ключевые слова

коллективно разделенная власть; Западная Европа; революции; XIX век; разделение властей; политические режимы.

Для цитирования

Савельев Д. Б. Становление коллегиально разделенной власти и революции в Западной Европе XIX века // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 67–85. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-67-85

Establishing of Collegially Shared Power and Revolutions in Western Europe of XIX century

Dmitriy B. Savelyev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

d.savelev@g.nsu.ru

Abstract

The article explores the approach to the study of socio-political crises based on the concept of collegially shared power (CSP). The results of the qualitative comparative analysis allow to distinguish five stages in the establishing of a high level of CSP: 1) a transition of power to a coalition government through a

© Савельев Д. Б., 2022

revolutionary coup; 2) a common rejection of practices of suppression of opponents due to the absence of a dominant actor; 3) lack of a new head's of state sufficient resources to become an independent actor; 4) presence of a common geopolitical threat; 5) maintaining a general parity of power.

Key words

collegially shared power; Western Europe; revolutions; XIX century; separation of powers; political regimes.

For citation

Savelyev D. B. Establishing of Collegially Shared Power and Revolutions in Western Europe of XIX century. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 67–85. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-67-85

В более ранней статье [Савельев, 2021] мы указали несколько теоретических наработок в рамках концепции *коллегально разделенной власти* (КРВ), которую первым в конце 1990-х гг. предложил Р. Коллинз для рассмотрения демократизации как процесса с несколькими возможными измерениями [Коллинз, 2015. С. 196–258]. Данная статья является тематическим продолжением предыдущей и представляет собой апробацию некоторых ее выводов путем проведения макросоциологического анализа. Далее в статье будут исследоваться факторы становления высокого уровня КРВ в странах Западной Европы по результатам революций XIX в. с целью построения модели этого становления как политической трансформации.

Мы концентрируемся на *революциях* как самых ярких проявлениях социально-политических кризисов, поскольку именно в таких условиях наиболее отчетливо проявляются процессы кризисной динамики и происходят наиболее явные изменения в политических институтах и в связях между ними. Под (социальными) *революциями* понимается возможное следствие глубокого социально-политического кризиса, во время которого из-за массового протестного движения верховная власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуются отношения и институты политического взаимодействия [Розов, 2018. С. 80]. Выбор для анализа Западной Европы XIX в. связан с тем, что происходившие там и тогда революции наиболее подробно изучены и наиболее полно описаны в научной литературе, а также являлись референтными образцами для других революций из-за высокого престижа стран указанных времени и места. Согласно Статистическому отделу ООН¹ и Общероссийскому классификатору стран мира², к области «Западная Европа» относятся *современные* Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Монако, Швейцария, Лихтенштейн, Германия и Австрия. Далее мы под Западной Европой будем понимать совокупную территорию указанных стран. Однако включенными в выборку оказались включены только революции 1830, 1848 и 1870 гг. во Франции, 1830 г. в Бельгии, а также 1848 г. в Австрии и Пруссии, поскольку остальные случаи соци-

¹ UNSD – Methodology, Standard country or area codes for statistical use (M49) // URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/overview>. Дата обращения: 31.10.2022.

² Западная Европа / Постановление Госстандарта России от 14.12.2001 № 529-ст (ред. от 29.05.2019) «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора стран мира» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34516/2b1a56269548982ad5e11932af1922e05a50bc64/. Дата обращения: 31.10.2022.

ально-политических кризисов либо не соответствовали указанному определению революций, либо о них не удалось собрать достаточной для проведения анализа информации.

В работе мы используем метод *качественного сравнительного анализа*, который подразумевает построение таблиц сходства и различия, запись специальным способом их содержания булевой алгеброй, логический анализ полученных формул и теоретическую интерпретацию этих формул [Маркс, Риу, Рэйгин, 2015; Мелешкина, 2015. С. 87–89].

Предполагается два типа объясняемых явлений, соответствующих двум типам критериев КРВ:

- С формальными аспектами КРВ [Савельев, 2021] связаны:
 - 1) соблюдение писаного закона всеми ветвями власти и подчиненными им структурами;
 - 2) наличие права парламента участвовать в формировании правительства³;
 - 3) наличие у правительства ответственности перед парламентом⁴;
 - 4) отсутствие у главы государства полномочий назначать ставленников в законодательные учреждения.
- С неформальными аспектами⁵ КРВ связаны:
 - 1) наличие правительства с представителями различных политических сил;
 - 2) отсутствие в политической системе репрессивной⁶ борьбы между акторами.

Все переходы от одного состояния к другому рассматриваются как качественные скачки, четко разделяющие состояния «до» и «после». Такие скачки – *возникновение* и дальнейшие *исчезновение* или *сохранение* ответственности правительства перед парламентом и *исчезновение* и дальнейшие *возникновение* или *сохранение отсутствия* у главы государства формальных представителей в парламентах, *отказ от* и *возникновение* или *сохранение отказа от* репрессий в отношении политических оппонентов и *возникновение* и дальнейшие *дальнейшее исчезновение*

³ Этот и предыдущий критерии далее в статье не рассматриваются, поскольку для сравнительного анализа не нашлось достаточного объема соответствующего материала.

⁴ Ответственность правительства может варьироваться от редких отчетов до возможностей выражения вотума недоверия и снятия с постов министров. Ее роль в КРВ состоит в усилении власти парламента в ущерб власти главы государства. Впрочем, широкие полномочия главы государства совместимы с КРВ, если они ограничены каким-то иным способом (например, центральное правительство ограничено *федерализмом*). Поэтому данный критерий сознательно оставлен только в общей форме.

⁵ В нашей предыдущей статье о неформальных критериях КРВ речи не шло, поскольку, согласно Коллинзу, КРВ должна трактоваться прежде всего в терминах государственного устройства [Коллинз, 2015. С. 214]. Однако в периоды социально-политических кризисов роль акторов повышается, так как прежние формальные институты теряют свою дееспособность. Поэтому неформальные аспекты требуют рассмотрения, даже если они не являются необходимым условием существования политических режимов со стабильно высоким уровнем КРВ.

⁶ *Репрессия* – любое действие другой группы, которое повышает издержки коллективного действия для соперника [Тилли, 2019. С. 83]. В нашем случае, отталкиваясь от данного определения, мы ограничим критерий репрессии лишь теми случаями, которые непосредственно связаны с физическим принуждением или угрозой такого принуждения (целенаправленным ущербом личностям или организациям в форме лишения свободы, имущества, прав и т. п.) по политическим мотивам и в противоречии с общеправовыми принципами.

или *сохранение* в правительстве представленности различных политических сил – являются классами объясняемых явлений.

Далее мы формулируем гипотетические факторы динамики указанных объясняемых переменных:

- *образование коалиции (C)* – несколько паритетных по силам политических акторов еще до революции образуют оппозиционную *коалицию*⁷ против общего противника в лице правящего режима;
- *революционное свержение власти (R)* – в ходе революции происходит массовое восстание населения, по результатам которого правящая группировка терпит поражение и власть переходит к другим центрам (другому центру) власти;
- *объединяющая акторов политической системы общая геополитическая угроза (G)* – члены политической системы осознают общую для всех них угрозу со стороны соседних стран и объединяются для противодействия ей;
- *действия главы государства с целью реализовать свои политические проекты (P)* – центр власти, который контролирует государство, оказывается способен реализовывать свои политические проекты без необходимости консультаций с другими акторами, а потому реализует их исходя из своих собственных оценок и приоритетов;
- *национальное единство (N)* – в ходе революционных процессов не возникает внутренних геополитических трансформаций, при которых ставятся под вопрос существование или территориальная целостность страны;
- *ограничивающие исполнительную власть уступки со стороны власти имущих, чтобы успокоить недовольные массы (U)* – правящий центр (группа центров) власти полагает, что не имеет возможности совладать с недовольным населением исключительно репрессивными методами, поэтому идет навстречу и удовлетворяет (частично или полностью) их требования относительно ограничения исполнительной власти;
- *отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении*⁸ *большинства того центра власти, который также контролирует государственный аппарат (M)* – присутствует сильное оппозиционное большинство либо стабильное большинство вовсе отсутствует;
- *отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении стабильного большинства (B)* – в коллегиальном законодательном учреждении (парламенте или учредительном собрании) отсутствует как провластное, так и сильное оппозиционное большинство.

Далее мы приступаем непосредственно к анализу факторов динамики уровня КРВ. Для каждого критерия сперва перечисляются конкретные объясняемые явления, затем следуют блоки исторических описаний (по отдельным факторам),

⁷ Здесь под коалицией полагается временный союз нескольких политических акторов, в котором нет явного доминирования той или иной группы и который направлен на достижение общих для них целей путем координации действий и частичного объединения ресурсов.

⁸ Здесь и далее под «коллегиальными законодательными учреждениями» полагаются парламенты и учредительные собрания.

которые обосновывают заполнение конкретными значениями в бинарной форме расположенных после них таблиц. В конце каждой таблицы (кроме *таблицы 5*) представлена запись по методу Ч. Рэйгина⁹, посредством которой проводится логический анализ факторов. Интерпретация итоговых результатов размещена в конце статьи. Для удобства изложения материала анализ начнется с неформальных критериев.

Первый критерий – *наличие в правительстве представителей различных политических сил*.

Объясняемыми явлениями здесь являются: появление «июльского» министерства Лаффита во Франции в 1830 г., бельгийского временного правительства 26 сентября 1830 г., временного правительства Франции 24 февраля 1848 г., министерства Кампаузуена–Ганземана 29 марта 1848 г. в Пруссии, министерства Вессенберга–Добльгофа 18 июля 1848 г. в Австрии, кабинета Э. Оливье 2 января 1870 г.; сохранение коалиционных правительств после революций во Франции в 1830 г. и 1870 г., а также после революции в Бельгии в 1830 г.; появление бонапартистского министерства во Франции 31 октября 1849 г., министерства «бюрократов» 11 сентября 1848 г. в Пруссии и министерства Шварценберга 27 ноября 1848 г. в Австрии.

Коалиция нескольких центров власти (С) была оформлена заранее во время революций 1830 г. во Франции и Бельгии ($C = 1$). В первом случае в нижней палате парламента после выборов 1827 г. ни у кого большинства не было, но, когда Карл X попытался уменьшить влияние парламента, оппозиция (либералы и конституционалисты) объединилась против него, а после победы восстания они перешли на сторону революции; постреволюционные правительства оставались коалиционными до образования министерства Перье 13 марта 1831 г. [История XIX века, 1938а. С. 138, 264–275, 350–351, 356; История Франции, 1973. С. 218; Всемирная история, 2014. С. 331–332]. Во втором случае блок католиков и либералов против нидерландцев был образован до революции и держался до 1840 г., когда Нидерланды окончательно признали независимость Бельгии [Намазова, 1979. С. 54–57; История XIX века, 1938а. С. 332–333, 343–345]. Во время же революций 1848 г. во Франции, Австрии и Пруссии, а также во время французской революции 1870–1871 гг. подобных альянсов заключено не было ($C = 0$).

Революционное свержение власти (R) имело место ($R = 1$) в августе–сентябре 1830 г. в Бельгии [История XIX века, 1938а. С. 335–337], а также в конце июля – начале августа 1830 г., в феврале 1848 г., в сентябре 1870 г. во Франции (последнее – почти через 8 месяцев после назначения министерства Э. Оливье) [История Франции, 1973. С. 220–222, 263–273, 390–397]. Во время революций 1848 г. в Пруссии и Австрии власть свергнута не была ($R = 0$).

Действия главы государства с целью реализовать свои политические проекты (P). Луи-Наполеон, став президентом Франции, планомерно шел к установле-

⁹ В таблицах наличие или отсутствие фактора кодируется, соответственно, как «1» или «0», в записи же по Рэйгину «1» указывается как заглавная буква, обозначающая соответствующий фактор, а «0» – как строчная. Это позволяет задействовать методологический аппарат логического анализа: применение переместительного и сочетательного законов, выделение общих членов, элиминирование тавтологий.

нию своей абсолютной власти ($P = 1$), так что он утвердил правительство из своих ставленников после разрыва с «партией порядка» [История XIX века, 1938б. С. 32–33]. В Пруссии в сентябре 1848 г. из-за двусмысленного отношения предыдущего правительства к конфликту между Учредительным собранием и вооруженными силами король Пруссии назначил ($P = 1$) новое, состоящее «целиком из бюрократов» [Кан, 1948. С. 183–184]. В Австрии в 1848 г. открыто контрреволюционное министерство из людей «старой меттерниховской школы», было утверждено ($P = 1$) Фердинандом I в ноябре 1848 г., после разгрома восстания в Вене [Там же. С. 175]. Луи-Филипп же после Июльской революции не стремился устанавливать *непосредственную* власть «партии сопротивления», на стороне которой были «все его симпатии», вместо этого со временем благодаря Гизо была установлена «система подкупов», которая позволяла при формальном парламентаризме сохранять стабильное проправительственное большинство ($P = 1$), не допуская реальную оппозицию к принятию решений [История XIX века, 1938а. С. 351, 376–378]. В Бельгии же королем стал Леопольд Саксен-Кобургский, немец по происхождению, который прежде к Бельгии отношения не имел, так что он стремился поддерживать баланс между католической и либеральной партиями ($P = 0$) и тем самым выступал в их взаимоотношениях в роли третьей силы [Там же. С. 341–345]. А в сложившихся после потрясений 1870–1871 гг. условиях ни Тьер, ни Мак-Магон, будучи президентами Франции, не решились выступать на стороне того или иного центра силы ($P = 0$), в результате чего сложилась система, при которой президент назначает министров из ситуативно складывающегося большинства [История XIX века, 1938в. С. 14, 18–20].

Уступки власть имущих (U) имели место ($U = 1$) в 1848 г. во Франции (введение во временное правительство социалистов) [История Франции, 1973. С. 267–268], в Пруссии (создание либерального министерства Кампгаузена–Ганземана) [Кан, 1948. С. 79–80] и Австрии (формирование правительства Добльгофа с участием умеренных либералов) [Революции 1848–1849, 1952а. С. 571; История XIX века, 1938б. С. 120]. Также сознательной уступкой ($U = 1$) было формирование правительства Оливье, которое разработало проект либеральной конституции 1870 г. [История Франции, 1973. С. 368; Уварова, 2014. С. 197]. В остальных случаях влияния настроений масс на изменение состава правительства в отношении участия в нем нескольких центров власти замечено не было ($U = 0$).

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении большинства того центра власти, который контролирует государственный аппарат (M). Как уже было сказано, во время Июльской и Бельгийской революций относительно разрозненная оппозиция объединилась и после свержения власти установила коалиционное правительство (см. выше, всё время $M = 1$)¹⁰. В 1848 г. французские правые республиканцы численно преобладали в избранном после штурма парламента Временном правительстве ($M = 0$), однако к моменту разрыва Луи-Наполе-

¹⁰ Важное замечание: здесь и далее в некоторых случаях изучаемый критерий появляется в такие промежутки времени, когда коллегиальное учреждение не работает (еще не создано или его деятельность прервана), а потому вопрос о наличии или отсутствии в нем большинства является бессмысленным. Здесь нам остается предполагать наличие совещательных учреждений, поскольку «Коллегиальность исключительно совещательных [курсив автора. – Д. С.] корпораций существовала и будет существовать во все времена» [Вебер, 2016. С. 316].

она с коалиционной «партией порядка» у него еще не было парламентского большинства ($M = 1$) [История Франции, 1973. С. 266–268; История XIX века, 1938б. С. 31–33]. Прусское учредительное собрание и австрийский рейхстаг 1848 г. вовсе никогда не имели стабильного большинства – в первом было 150 правых депутатов, 100 центристов и 100 левых (было создано после утверждения министерства Кампгаузена–Ганземана – $M = 0$), а во втором «группировка партий не отличалась большой определенностью» и подкреплялась, к тому же, многообразием представляемых национальностей и демократичностью прошедших выборов в социальном плане (открылось вскоре после утверждения министерства Вессенберга–Добльгофа – $M = 0$) [Кан, 1948. С. 109–110; История XIX века, 1938б. С. 121; Европейские революции 1848 года..., 2001. С. 168]. Что касается революции 1870–1871 гг., то кабинет Оливье был назначен при избранном в 1869 г. парламенте, где бонапартисты получили относительное преобладание ($M = 0$), однако на выборах в Национальное собрание в феврале 1871 г. победил коалиционный монархический блок (всего было 200 республиканцев, 300 орлеанистов и 100 легитимистов), а главой государства стал Тьер, перешедший де-факто на сторону республиканцев ($M = 1$) [История XIX века, 1938б. С. 190; История XIX века, 1938в. С. 5–6].

Наконец, *отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении стабильного большинства (B)*. Как видно из предыдущего абзаца, $B = M$.

На основе изложенных данных составляются *таблицы 1.1, 1.2 и 1.3.*

Таблица 1.1

Появление в правительстве представителей различных политических сил (D)

Table 1.1

Appearance of representatives of different political forces in a government (D)

Случаи	Факторы					
	C	R	P	U	M	B
Франция 1830 г.	1	1	0	0	1	1
Бельгия 1830 г.	1	1	0	0	1	1
Франция 1848 г.	0	1	0	1	0	0
Пруссия 1848 г.	0	0	0	1	0	0
Австрия 1848 г.	0	0	0	1	0	0
Франция 1870 г.	0	0	0	1	0	0

$$D = CRpuMB + CRpuMB + cRpUmb + crpUmb + crpUmb + crpUmb = p(CRuMB + cRUmb + crUmb) = p(CRuMB + cUmb(R + r)) = p(CRuMB + cUmb)^{11}$$

¹¹ Здесь и далее в таких факторных формулах курсивом выделяются элиминируемые из записи тавтологии. В данном случае элемент “CRpuMB” записан дважды и вторую запись можно элиминировать.

Таблица 1.2

Долгосрочное сохранение в правительстве представителей
различных политических сил (D*)

Table 1.2

Long-term retention of representatives of different political forces
in a government (D*)

Случаи	Факторы					
	C	R	P	U	M	B
Франция 1830 г.	1	0	0	0	1	1
Бельгия 1830 г.	1	0	0	0	1	1
Франция 1870 г.	0	0	0	0	1	1

$$D^* = CrPuMB + CrPuMB + crPuMB = rPuMB(C + c) = rPuMB$$

Таблица 1.3

Исчезновение представителей различных политических сил
из правительства (d*)

Table 1.3

Disappearance of representatives of different political forces
from a government (d*)

Случаи	Факторы					
	C	R	P	U	M	B
Франция 1848 г.	0	0	1	0	1	1
Пруссия 1848 г.	0	0	1	0	1	1
Австрия 1848 г.	0	0	1	0	1	1

$$d^* = crPuMB + crPuMB + crPuMB = crPuMB$$

Далее следует второй неформальный критерий – *отсутствие в политической системе репрессивной борьбы между акторами*.

Объясняемыми явлениями здесь являются: отказ от внутренних репрессий во всех рассматриваемых случаях; переход к репрессиям 2 декабря 1851 г. во Франции, в ноябре 1848 г. в Пруссии и 7 марта 1848 г. в Австрии; сохранение отказа от репрессий после революций 1830 г. и 1870 г. во Франции и после революции 1830 г. в Бельгии.

Показатели фактора коалиции (C) см. выше.

Действия главы государства с целью реализовать свои политические проекты (P). Как уже было сказано (см. выше), во время и после революций 1830 г. в Бельгии и Франции, а также революции 1870–1871 гг. внутренних репрессий

ровать без утраты смысла. Также по закону исключённого третьего элиминируются элементы вроде “R + r”.

не совершалось ($P = 0$). Репрессивные действия имели место ($P = 1$) во время бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г., когда политические противники Луи-Наполеона были арестованы – президент пошел на это, чтобы не утратить власть по окончании своего срока; при роспуске прусского учредительного собрания в ноябре–декабре 1848 г., когда прусские вооруженные силы вынудили депутатов разойтись под угрозой физического насилия; и во время октябрьского восстания 1848 г. в Вене, когда левые депутаты примкнули к восстанию, а лояльные императору войска его подавили [Революции 1848–1849, 1952б. С. 161–166; Революции 1848–1849, 1952а. С. 634–652, 671–673].

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении большинства того центра власти, который контролирует государственный аппарат (М). Как уже было показано (см. выше), стабильного большинства на протяжении интересующих нас временных промежутков не было во французском парламенте 1830 г., в 1848 г. в прусском учредительном собрании и австрийском рейхстаге, а также в бельгийских коллегиальных законодательных учреждениях (везде всё время $M = 1$); французский парламент до 1871 г. имел бонапартистское большинство, однако в Национальном собрании стабильного большинства уже не было (сначала $M = 0$, затем $M = 1$). Учредительное собрание Франции 1848 г. состояло преимущественно из правых республиканцев, однако в январе 1851 г. парламент разделился примерно на три равные части – бонапартистов, оппозиционных монархистов и республиканцев (сначала $M = 0$, затем $M = 1$) [История XIX века, 1938б. С. 23, 35–36].

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении стабильного большинства (В). Здесь также $B = M$.

На основе изложенных данных составляются таблицы 2.1, 2.2 и 2.3.

Таблица 2.1

Отказ акторов от внутриэлитных репрессий
в начале революции (W)

Table 2.1

Actors' refusal of intra-elite repressions at the beginning of revolution (W)

Случаи	Факторы			
	C	P	M	B
Франция 1830 г.	1	0	1	1
Бельгия 1830 г.	1	0	1	1
Франция 1848 г.	0	0	0	0
Пруссия 1848 г.	0	0	1	1
Австрия 1848 г.	0	0	1	1
Франция 1870 г.	0	0	0	0

$$W = C_pMB + C_pMB + c_pmb + c_pMB + c_pmb = p(CMB + cmb + cMB) = \\ = p(CMB + cmb + cMB) = p(CMB + c(mb + MB))$$

Таблица 2.2

Долгосрочный отказ акторов от внутриэлитных репрессий (W^*)

Table 2.2

Actors' long-term refusal of intra-elite repressions (W^*)

Случаи	Факторы			
	C	P	M	B
Франция 1830 г.	1	0	1	1
Бельгия 1830 г.	1	0	1	1
Франция 1870 г.	0	0	1	1

$$W^* = C_pMB + C_pMB + c_pMB = pMB(C + c) = pMB$$

Таблица 2.3

Переход акторов ко внутриэлитным репрессиям (w^*)

Table 2.3

Actors' transition to intra-elite repressions (w^*)

Случаи	Факторы			
	C	P	M	B
Франция 1848 г.	0	1	1	1
Пруссия 1848 г.	0	1	1	1
Австрия 1848 г.	0	1	1	1

$$w^* = cPMB + cPMB + cPMB = cPMB$$

Первый формальный критерий – *установление ответственности правительства перед парламентом*.

Объясняемыми явлениями здесь являются: появление соответствующих положений в конституциях Бельгии 1831 г., Франции, Австрии и Пруссии 1848 г., а также в сенатус-консульте от 8 сентября 1869 г.; их дальнейшее сохранение в конституциях Бельгии и Франции; их исчезновение из конституций Франции 1852 г. и конституции Пруссии 1850 г., а также по указу императора Австрии от 20 августа 1851 г. Июльская революция 1830 г. во Франции ответственность правительства никак не изменила, поэтому здесь она не представлена.

Показатели фактора *коалиции* (C) см. выше.

Действия главы государства с целью реализовать свои политические проекты (P). Как уже было сказано (см. выше), французские «трёхцветные» республиканцы переоценивали свою популярность: при принятии конституции 1848 г. они посчитали возможным передать право формирования правительства в руки одного лишь президента, избираемого непосредственно всем населением страны, а правительство сделать ответственным как перед президентом, так и перед парламентом, в то время как парламент мог воздействовать на президента только силой морали и убеждения, требуя от него присяги конституции и угрожая в слу-

чае ее нарушения преследованием через верховный суд (поэтому $P = 1$) [История XIX века, 19386. С. 27]. Они полагали, что президентом станет Кавеньяк, а в парламенте сохранится их большинство, но они ошиблись. Луи-Наполеон, ставший президентом в 1848 г. и совершивший переворот в 1851 г., по конституции 1852 г. стал единственным лицом, перед которым ответственно правительство, хотя особой необходимости в упразднении ответственности не было, так как после выборов 1852 г. парламент состоял уже исключительно из бонапартистов (тоже $P = 1$) [там же. С. 40–41]. Аналогично, упразднение ответственности правительства перед парламентом в Пруссии в 1850 г. и в Австрии в 1851 г. уже после окончания революционных событий имело скорее символическое значение, так как после введения «трехклассного избирательного закона» прусский парламент стал вполне лояльным монархии, а австрийский рейхстаг был распущен 7 марта 1849 г. и больше не собирался ($P = 1$) [Кан, 1948. С. 187; История XIX века, 19386. С. 129–130, 133–134]. В остальных случаях влияния данного фактора не обнаружено ($P = 0$).

Установление ответственности правительства *в качестве уступки* (U) было характерно для утверждения конституций 1848 г. в Австрии и Пруссии (основанных на конституции Бельгии 1830 г.), а также французской конституции 1870 г. ($U = 1$). Король Пруссии утверждал, что одобрение конституции было «вырвано у него железными щипцами», в то время как обнародованная австрийская конституция лишь сильнее возмутила широкие слои населения из-за умеренности уступок [Кан, 1948. С. 110, 125; История XIX века, 19386. С. 117]. Во Франции ответственность министров перед парламентом была восстановлена в 1869 г. и закреплена в конституции 1870 г. через плебисцит как итог либеральных реформ (по сути – уступок) 1860-х гг. [Уварова, 2014. С. 22, 198; История XIX века, 19386. С. 192–193, 198]. Других связей между уступками населению и ответственностью правительства не обнаружено ($U = 0$).

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении большинства того центра власти, который контролирует государственный аппарат (M). Как уже было сказано (см. выше), конституцию Франции 1848 г. написали правые республиканцы, которые доминировали в Учредительном собрании ($M = 0$). Однако конституция Франции 1852 г. была принята в январе, после переворота 2 декабря 1851 г., когда парламент был распущен, позднее он состоял из бонапартистов [История XIX века, 19386. С. 40–41]. Во Франции в 1869 г. еще было бонапартистское большинство в парламенте, но с 1871 г. большинства уже ни у кого не было (см. выше). В Прусском Учредительном собрании 1848 г. большинства ни у кого не было [Кан, 1948. С. 110], а после принятия трехклассной избирательной системы в 1849 г. избранный парламент «оказался послушным орудием в руках министерства» [История XIX века, 19386. С. 85], затем в 1850 г. была принята новая конституция Пруссии. Проект австрийской конституции 1848 г. был создан в императорских кабинетах весной и обнародован еще до созыва Рейхстага летом (см. выше), а сам Рейхстаг распущен был в марте 1849 г., задолго до указа 1851 г. [там же. С. 129–130, 133–134]. В Бельгии конституция 1831 г. была принята тоже без стабильного большинства ($M = 1$, см. выше).

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении стабильного большинства (B). Здесь также во всех случаях $M = B$.

На основе изложенных данных составляются *таблицы 3.1, 3.2 и 3.3.*

Таблица 3.1

Установление ответственности правительства перед парламентом (O)

Table 3.1

Establishing of government responsibility to a parliament (O)

Случаи	Факторы				
	C	P	U	M	B
Бельгия 1830 г.	1	0	0	1	1
Франция 1848 г.	0	1	0	0	0
Пруссия 1848 г.	0	0	1	1	1
Австрия 1848 г.	0	0	1	0	0
Франция 1870 г.	0	0	1	0	0
$O = \text{CpuMB} + \text{cPumb} + \text{cpUMB} + \text{cpUmb} + \text{cpUmb} = \text{CpuMB} + \text{c(Pumb} + \text{pUMB} + \text{pUmb}) = \text{CpuMB} + \text{c(Pumb} + \text{pU(MB} + \text{mb)})$					

Таблица 3.2

Долгосрочное сохранение ответственности правительства перед парламентом (O*)

Table 3.2

Long-term preservation of government responsibility to a parliament (O*)

Случаи	Факторы				
	C	P	U	M	B
Бельгия 1830 г.	1	0	0	1	1
Франция 1870 г.	0	0	0	1	1
$O^* = \text{CpuMB} + \text{cpuMB} = \text{puMB}(C + c) = \text{puMB}$					

Таблица 3.3

Упразднение ответственности правительства перед парламентом (o*)

Table 3.3

Elimination of government responsibility to a parliament (o*)

Случаи	Факторы				
	C	P	U	M	B
Франция 1848 г.	0	1	0	0	0
Пруссия 1848 г.	0	1	0	0	0
Австрия 1848 г.	0	1	0	0	0
$o^* = \text{cPumb} + \text{cPumb} + \text{cPumb} = \text{cPumb}$					

Второй формальный критерий – *отсутствие у главы государства формальных представителей в законодательных учреждениях.*

Объясняемыми явлениями здесь являются: появление соответствующих положений в конституции Бельгии 1831 г., а также в конституциях Франции 1848 г. и 1875 г.; их дальнейшее сохранение в Бельгии и Франции; их исчезновение из конституции Франции 1852 г. Во время революций 1830 г. во Франции и 1848 г. в Австрии и Пруссии изменений в отношении рассматриваемого критерия не происходило, поэтому они здесь не представлены.

Показатели фактора *коалиции* (C) см. выше.

Действия главы государства с целью реализовать свои политические проекты (P). Как уже было указано, принятие конституций Франции 1848 и 1852 гг. связано с реализацией политических проектов правых республиканцев (в том числе президента Кавеньяка) и бонапартистов соответственно ($P = 1$), а принятие конституций Бельгии 1831 г. и Франции 1875 г. с такими проектами не связаны ($P = 0$).

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении большинства того центра власти, который контролирует государственный аппарат (M). Как уже было указано, в бельгийских законодательных учреждениях в интересующий нас период не было стабильного большинства ($M = 1$). Во Франции во время революции 1848 г. дела обстояли обратным образом ($M = 0$): конституция 1848 г. написана при право-республиканском парламентском большинстве, а конституция 1852 г. – после бонапартистского переворота (см. выше). Во Франции в 1875 г. и позднее тоже не было стабильного парламентского большинства ($M = 0$, см. выше).

Отсутствие в коллегиальном законодательном учреждении стабильного большинства (B). Здесь также во всех случаях $M = B$.

На основе изложенных данных составляются *таблицы 4.1, 4.2 и 4.3.*

Таблица 4.1

Упразднение права главы государства назначать представителей
в законодательные учреждения (F)

Table 4.1

Elimination of the right of the head of state to appoint representatives
to legislative institutions (F)

Случаи	Факторы			
	C	P	M	B
Бельгия 1830 г.	1	0	1	1
Франция 1848 г.	0	1	0	0
Франция 1870 г.	0	0	1	1
$F = C_pMB + cPmb + c_pMB = pMB(C + c) + cPmb = pMB + cPmb$				

Таблица 4.2

Долгосрочное отсутствие права главы государства назначать представителей
в законодательные учреждения (F*)

Table 4.2

Long-term absence of the right of the head of state to appoint representatives
to legislative institutions (F*)

Случаи	Факторы			
	C	P	M	B
Бельгия 1830 г.	1	0	1	1
Франция 1870 г.	0	0	1	1

$$F^* = cPMB + cPMB = pMB(C + c) = pMB$$

Таблица 4.3

Восстановление права главы государства назначать представителей
в законодательные учреждения (f*)

Table 4.3

Restoration of the right of the head of state to appoint representatives
to legislative institutions (f*)

Случаи	Факторы			
	C	P	M	B
Франция 1848 г.	0	1	0	0

$$f^* = cPmb$$

В отдельной таблице 5 укажем крупномасштабные геополитические факторы, которые не изменяли своих значений на протяжении интересующих нас промежутков времени.

Общей угрозой извне (G), толкавшей членов политической системы к солидарности, считались нидерландцы для Бельгии (до Лондонского договора 1839 г.), а для Франции с конца 1860-х до середины 1870-х гг. – немцы (оба случая – $G = 1$). Для случаев Пруссии и Австрии 1848 г. и Франции 1830 и 1848 гг. геополитических угроз, которые объединили бы членов политической системы, не обнаружено ($G = 0$).

Национальное единство (N). Во Франции XIX в. не возникало сколько-либо сильных сепаратистских или ирредентистских тенденций ($N = 1$). Бельгия к 1830 г. представляла собой консолидированную совокупность южных провинций Нидерландов, причем известное деление населения на франкофонов-валлонов и говорящих на нидерландском языке фламандцев не сыграло в революции никакой роли ($N = 1$) – солидаризация произошла во многом на основе католического вероисповедания валлонов и фламандцев в противоположность протестантской вере

нидерландцев [Намазова, 1979. С. 51]. Пруссия в 1848 г. оказалась в сложной ситуации ($N = 0$) из-за немецкого национализма, сторонники которого стремились к объединению Германии, хотя сама Пруссия обладала значительным польским населением, а до 1848 г. в ней существовало автономное польское Великое княжество Познанское [Европейские революции 1848 года..., 2001. С. 46–74, 191–223]. В еще более сложной ситуации ($N = 0$) оказалась Австрия, где происходили сложные социально-политические трансформации, сопровождавшиеся конфликтами на национальной почве [Там же. С. 135–189, 224–260, 305–392, 422–448].

Таблица 5

Крупномасштабные геополитические факторы

Table 5

Large-scale geopolitical factors

Случаи	Факторы	
	G	N
Франция 1830 г.	0	1
Бельгия 1830 г.	1	1
Франция 1848 г.	0	1
Пруссия 1848 г.	0	0
Австрия 1848 г.	0	0
Франция 1870 г.	1	1

Итак, по результатам обобщения данных таблиц и факторных формул является два основных фактора, связанных со становлением высокого уровня КРВ, – *отсутствие* в коллегиальных законодательных учреждениях стабильного парламентского большинства (В) и *отсутствие* реализации главой государства своих политических проектов (Р). Для успешного транзита важны факторы, блокирующие скатывание к единовластию. В нашем случае, как видно из выявленных основных факторов, речь идет о *возможностях главы государства* – о некоторых условиях, определяющих его поведение. А *отсутствие парламентского большинства* амбивалентно: с одной стороны, оно способствует становлению институтов КРВ, но, с другой стороны, оно присуще началу авторитарных откатов. Мы полагаем, что здесь важен фактор *геополитического давления извне политической системы* (G), который и способствует стабилизации сложившегося положения, блокируя возможность активных действий главы государства – он оказывается отделен от других центров власти в силу своего отказа от действий по монополизации власти одним из этих центров. Их наличие способствовало становлению коллегиально разделенной власти после окончания революции.

На этих основаниях успешными в отношении становления высокого уровня КРВ мы можем считать революции 1830 г. в Бельгии и 1870–1871 гг. во Франции, а к однозначно провалившимся мы относим революцию 1848–1849 гг. в Австрии. Революции 1848–1849 гг. во Франции и Пруссии, а также Июльскую революцию

1830 г. мы относим к промежуточным случаям с различными итоговыми уровнями КРВ.

На основании полученных результатов можно построить следующую обобщенную модель становления КРВ:

1. Принципиально важное значение имели ранние периоды революций, во время которых решался вопрос о принадлежности верховной власти и ее структуре. При *революционном свержении власти (R)* предыдущий глава государства терял свою должность, а верховная власть переходила к *коалиционному временному правительству (D)*, что можно характеризовать как радикальную трансформацию политической системы.

2. Политика новых органов власти зависела от диспозиции политических сил внутри них. В случае сложившегося паритета сил ни один политический актор не был способен навязать свою волю остальным, поэтому в политической системе *не наблюдалось внутренних репрессий (W)*, а получили распространение стратегии кооперации акторов друг с другом: политические акторы вступали в ситуативные блоки, но не объединялись целиком. Получаемое таким образом *нестабильное парламентское большинство (B)* назначало де-факто ответственные перед собой министерства и решало вопрос о главе государства.

3. Новый глава государства не обладал достаточными ресурсами, чтобы стать полноценным актором, поэтому он в целом *не преследовал собственных целей (P)*, а следовал за решениями парламентского большинства, от которого он зависел.

4. Поддержание паритета сил внутри парламента и ограниченности действий главы государства было связано со значительной *геополитической угрозой извне политической системы (G)*, которая способствовала стабилизации нового режима: она дополнительно ограничивала действия акторов по трансформации политической системы, поскольку возможное поражение в военном конфликте рисковало принести большие издержки, чем сохранение внутривнутриполитического *status quo*.

5. Сохранение паритета сил приводило к тому, что принимаемые законы, в том числе конституционные, учитывали интересы сразу многих сторон, а потому устанавливали «нейтральность» государственного аппарата и зачастую лишь фиксировали уже сложившиеся на деле порядки: форму правления, ответственность министров, полномочия главы государства, особенности работы парламента и т. п. Так стабилизировались формальные институты КРВ, которые были подкреплены уже существовавшими неформальными.

Наконец, подчеркнем, что отклонения от данной модели вели к более низкому уровню КРВ после революций.

В частности, *отсутствие геополитической угрозы* (Франция 1830 и 1848 гг.) вело к постепенной консолидации власти в руках главы государства, поскольку политические силы оказывались склонны к более конфликтным стратегиям, а глава государства в таких условиях имел больше возможностей для реализации своих планов и дальнейшего подрыва институтов КРВ.

А отсутствие *революционного свержения власти* (Пруссия и Австрия 1848 г.) вело только к *уступкам* со стороны главы государства и связанного с ним центра

сил, которые сохраняли за собой полноту власти над государственным аппаратом, что позволяло им относительно быстро консолидироваться и переходить к ликвидации институтов КРВ, за исключением тех, которые были впоследствии сохранены в силу своей полезности для власти имущих – итоговый уровень КРВ в таком случае был низким.

При этом во всех случаях, для которых не было характерно становление высокого уровня КРВ, узурпация власти осуществлялась главой государства и связанной с ним политической силой, а сам авторитарный откат начинался с неформальных критериев КРВ.

Итак, несмотря на ограниченность выборки, полученные результаты в целом согласуются с принципами «геополитической теории коллегиальной власти» Р. Коллинза, что указывает как на адекватность проведенного анализа, так и на перспективность в целом разрабатываемого подхода.

Список литературы

- Вебер М.** Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. Т. 1. Социология.
- Всемирная история: в 6 т.** / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации.
- Европейские революции 1848 г.** «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001.
- История XIX века: в 8 т.** / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М.: ОГИЗ, 1938а. Т. 3. Время реакции и конституционные монархии. 1815–1847.
- История XIX века: в 8 т.** / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М.: ОГИЗ, 1938б. Т. 5. Революции и национальные войны. 1848–1870.
- История XIX века: в 8 т.** / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М.: ОГИЗ, 1938в. Т. 7. Конец века. 1870–1900.
- История Франции** / Под редакцией ред. А. З. Манфреда, В. М. Далина, В. В. Загладина, С.Н. Павлова, С.Д. Сказкина и др. М.: Наука, 1973. Т. 2.
- Кан С. Б.** Революция 1848 года в Австрии и Германии. М.: Учпедгиз, 1948.
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Маркс А., Риу Б., Рэйгин Ч.** Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // МЕТОД; Моск. ежегодник трудов из обществ. дисциплин. 2015. Вып. 5. С. 319–350.
- Мелешкина Е. Ю.** Возможности качественного сравнительного анализа (QCA) для исследования посткоммунистических трансформаций // МЕТОД; Моск. ежегодник трудов из обществ. дисциплин. 2015. Вып. 5. С. 351–373.
- Намазова А. С.** Бельгийская революция 1830 года. М.: Наука, 1979.
- Революции 1848–1849:** В 2 т. / Под ред. В. Ф. Потемкина, А. И. Молока. М.: АН СССР. Институт Ин-т истории, 1952а. Т. I.
- Революции 1848–1849:** В 2 т. / Под ред. В. Ф. Потемкина, А. И. Молока. М.: АН СССР. Институт Ин-т истории, 1952б. Т. II.

- Розов Н. С.** Философия и теория истории. М.: КРАСАНД, 2018. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций.
- Савельев Д. Б.** Коллегиально разделенная власть: определение и критерии // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4, с. 87–98.
- Тилли Ч.** От мобилизации к революции. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019.
- Уварова М.** Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М.: Изд-во Института Ин-та Гайдара, 2014.

References

- Chubariyan A. O.** (ed.). *Vsemirnaia istoriia* [Modern history]. In 6 vols. Moscow: Nauka, 2014, vol. 5: *Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsivilizatsii* [The World in the Nineteenth Century: Toward an Industrial Civilization]. (in Russ.)
- Collins R.** *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS, 2015. (in Russ.)
- Evropeiskie revoliutsii 1848 g.** «Printsip natsional'nosti» v politike i ideologii. [The European Revolutions of 1848. "The Principle of Nationality" in Politics and Ideology] Moscow, Indrik, 2001. (in Russ.)
- Kan, S. B.** *Revoliutsiia 1848 goda v Avstrii i Germanii* [Revolution of 1848 in Austria and Germany]. Moscow, Uchpedgiz, 1948. (in Russ.)
- Lavisse E., Rambaud A.** (ed.). *Istoriia XIX veka* [History of the 19th Century]. In 8 vols. Moscow: OGIZ, 1938a, vol. 3. *Vremia reaktsii i konstitutsionnye monarkhii. 1815–1847.* [Time of reaction and constitutional monarchies. 1815–1847]. (in Russ.)
- Lavisse E., Rambaud A.** (ed.). *Istoriia XIX veka* [History of the 19th Century]. In 8 vols. Moscow: OGIZ, 1938b, vol. 5. *Revoliutsii i natsional'nye voiny. 1848–1870.* [Revolutions and National Wars. 1848–1870]. (in Russ.)
- Lavisse E., Rambaud A.** (ed.). *Istoriia XIX veka* [History of the 19th Century]. In 8 vols. Moscow: OGIZ, 1938c, vol. 7. *Konets veka. 1870–1900.* [End of the Century. 1870–1900]. (in Russ.)
- Manfred A. Z., Dalin V. M., Zagladin V. V., Pavlov S. N., Skazkin S. D.** (ed.). *Istoriia Frantsii* [History of France]. In 3 vols. Moscow, Nauka, 1973, vol. 2.
- Marx A., Rihoux B., Ragin Ch.** *Istoki, razvitie i primenenie kachestvennogo sravnitel'nogo analiza: opyt pervykh 25 let* [The origins, development, and application of Qualitative Comparative Analysis: the first 25 years] // *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvennykh distsiplin*, 2015, issue 5, p. 319–350. (in Russ.)
- Meleshkina E. Iu.** *Vozmozhnosti kachestvennogo sravnitel'nogo analiza (QCA) dlia issledovaniia postkommunisticheskikh transformatsii* [The Possibilities of Qualitative Comparative Analysis (QCA) for the Study of Post-Communist Transformations] // *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvennykh distsiplin*, 2015, issue 5, p. 351–373. (in Russ.)
- Namazova A. S.** *Bel'giiskaia revoliutsiia 1830 goda* [Belgian revolution of 1830]. Moscow, Nauka, 1979. (in Russ.)
- Potemkin V. F., Molok A. I.** (ed.) *Revoliutsii 1848–1849* [Revolutions of 1848–1849]. In 2 vols. Moscow: AN USSR. Institute of History, 1952a. Vol. I. (in Russ.)

- Potemkin V. F., Molok A. I.** (ed.) *Revoliutsii 1848-1849* [Revolutions of 1848-1849]. In 2 vols. Moscow: AN USSR. Institute of History, 1952b. Vol. II. (in Russ.)
- Rozov N. S.** *Filosofia i teoriia istorii* [Philosophy and theory of history]. Moscow, KRASAND, 2018. Vol. 2: *Prichiny, dinamika i smysl revoliutsii* [Causes, dynamics, and meaning of revolutions]. (in Russ.)
- Savelyev D. B.** *Kollegial'no razdelennaia vlast': opredelenie i kriterii* [Collegially Shared Power: Definition and Criteria] // *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2021, vol. 19, no. 4, p. 87–98. (in Russ.)
- Tilly Ch.** *Ot mobilizatsii k revoliutsii* [From Mobilisation to Revolution]. Moscow, High School of Economics publishing house, 2019. (in Russ.)
- Uvarova M.** *Koronovannaia demokratiia. Frantsiia i reformy Napoleona III v 1860-e gg.* [Crowned Democracy. France and the reforms of Napoleon III in the 1860s]. Moscow, Gaidar Institute publishing house, 2014. (in Russ.)
- Weber M.** *Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology]. Moscow, High School of Economics publishing house, 2016, vol. 1: *Sotsiologiya* [Sociology]. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Борисович Савельев, аспирант,
Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Dmitriy B. Savelyev, Postgraduate Student,
Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 24.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 27.10.2022*
*The article was submitted 24.08.2022;
approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 27.10.2022*

Научная статья

УДК 091

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-86-102

На пути в Бенсалем: источники утопии «Новая Атлантида» в ранних текстах Фрэнсиса Бэкона

Василий Васильевич Мархинин

Сургутский государственный университет

Сургут, Россия

marhinin.basilio@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-5024-2452

Аннотация

Работа посвящена выявлению источников, необходимых для реконструкции замысла «Новой Атлантиды» и возможного содержания ее ненаписанных разделов. Анализируются подходы Ф. Бэкона к работе с материалами собственных неопубликованных текстов, которые он использует при создании предназначенных для печати сочинений. Выявляется круг текстов, послуживших источником материала для работы над «Новой Атлантидой». Показано наличие в тексте повести значительного числа заимствований из ряда ранних, неопубликованных сочинений Бэкона. На основании сравнительного анализа делаются выводы о содержании проблем, которые могли стать предметом ненаписанных разделов повести.

Ключевые слова:

«Новая Атлантида», источниковедение, история творчества Ф. Бэкона, утопизм.

Для цитирования

Мархинин В. В. На пути в Бенсалем: источники утопии «Новая Атлантида» в ранних текстах Фрэнсиса Бэкона // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 86–102 DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-86-102

On the way to Bensalem: origins of “New Atlantis” in Francis Bacon’s early texts

Vasily V. Markhinin

Surgut State University

Surgut, Russian Federation

marhinin.basilio@yandex.ru, ORCID 0000-0001-5024-2452

Abstract

The paper aims to make sense of the means necessary for the reconstruction of the unfinished plot and theoretical content of Bacon’s “New Atlantis”. The research contains the analysis of the origins of Bacon’s

© Мархинин В. В., 2022

utopism in his early writings as well as of his use of the unpublished texts during his work for the projects of the "Great Instauration" and "New Atlantis". We argue that in his utopian novel Bacon made several considerable borrowings from his early unpublished tracts and speeches similar to borrowings in the "Great Instauration". These texts are the clue to the proper understanding and to the prevention of the misinterpretation of Bacon's utopian thought.

Key words

"New Atlantis", source study, history of F. Bacon's thought, utopism.

For citation

Markhinin V. V. On the way to Bensalem: origins of "New Atlantis" in Francis Bacon's early texts. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20. № 4. p. 86–102. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-86-102

Повесть Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» вызвала самый живой интерес уже в Раннее Новое время. Рассказ Бэкона о Доме Соломона вдохновлял не только других утопистов¹, но и учредителей академий наук в западноевропейских странах. Предвидение будущих изменений социальной реальности характерно для многих утопий, но в этом отношении «Новая Атлантида» выделяется на общем фоне: ни одно из прозрений утопической литературы не воплотилось с той же полнотой, как бэконовские мечты о союзе науки и материального производства и о покорении физического мира власти человека.

Необыкновенная проницательность бэконовского предвидения побуждает современных исследователей к реконструкции и интерпретации смыслов, содержащихся в «Новой Атлантиде». Современных исследователей интересуют подробности подходов Бэкона к организации науки, его видение взаимоотношений ученых с государственной властью, представления о взаимодействии науки и индустрии и о возможностях преодоления социальных противоречий посредством научного прогресса. Задача реконструкции взглядов Бэкона на соответствующий круг проблем особенно актуальна, поскольку прямых ответов на все эти вопросы повесть не дает: как известно, работа над ней так и не была доведена до конца.

Чаще всего реконструкция идей бэконовской утопии осуществляется при помощи соотнесения отдельных ее фрагментов с историческими реалиями Раннего Нового времени и последующих эпох. Особенно часто объектом такого анализа становится монолог одного из ученых Дома Соломона.

К несчастью, данные, которые можно извлечь из этого текста, сами по себе на удивление скудны. Из речи, которую произносит для рассказчика один из отцов ордена, мы узнаем лишь о самых общих принципах организации Дома Соломона, о некоторых из его практик, о материальной базе ученого братства. Извлечь из него сведения о мировоззрении бенсалемских ученых, об их взглядах на науку, о месте ученого ордена в общественной жизни страны можно лишь в самом ограниченном объеме. Такое положение дел закономерно: «Новая Атлантида» представляет собой совсем небольшой текст, фрагмент будущего труда, который

¹ Известно, что «Новая Атлантида» повлияла на «Макарию» С. Гартлиба и Г. Платтерса [Matei, 2011], «Христианополис» И. В. Андрес, возможно, испытал влияние со стороны более ранних текстов Бэкона [Ramiro, Davis, 2012]; предпринимались даже попытки написать продолжение повести [Эрлихсон, 2008].

должен был стать гораздо более обширным. Известное свидетельство У. Раули, душеприказчика и первого издателя Бэкона, сообщает, что тот планировал со временем дописать книгу и подготовить ее к изданию не только на английском, но и на латыни, «ради блага других наций» [Rawley, 1900. P. 45–46].

Такой масштаб замысла, вне всякого сомнения, подразумевал написание глав, которые дополнили бы известный нам текст. Увы, ни черновики, ни даже план этих глав не известны исследователям. Многообещающей является и еще одна известная деталь: Бэкон планировал лишь посмертное издание этой повести, она, таким образом, должна была стать своего рода подведением итогов его творчества.

Насколько полны сведения о Бенсалеми в «Новой Атлантиде»?

Как правило, «Новая Атлантида» воспринимается в первую очередь сквозь призму рассказа о Доме Соломона и трактуется как «сциентистская утопия» [Эрлихсон, 2008. С. 270], где «Академия руководит всеми ремеслами и всеми промыслами в стране, в ее ведении находятся не только тяжелая промышленность, машиностроение и станкостроение, но и легкая промышленность, сельское хозяйство, медицина, военное дело и т. д.». [Гайденко, 2013. С. 157]. Модель организации академии – а значит и общества, которым она руководит – характеризуется как «сциентократия» [Шибаршина, 2021. С. 406], то есть «иерархическая замкнутая структура, ядро которой образуют хорошо образованные “эпистемократы”, наделенные широкими правами и властными полномочиями» [Дмитриев, 2017. С. 89], или даже как «своеобразная идеализация английской абсолютной монархии... правда, с существенной поправкой на господство ученой аристократии в духе платоновского государства» [Субботин, 1974. С. 147].

В литературе высказываются догадки о возможном содержании ненаписанных глав книги. Например, И. С. Дмитриев утверждает, что в законченном виде повесть должна была включать в себя раздел о политическом устройстве Бенсалеми, причем «уже из имеющегося текста ясно, что... король там царствовал, но не правил, то есть был скорее номинальным главой государства» [Дмитриев, 2015. С. 27].

Высказываются догадки относительно неясных мест повести, например о том, какова была религия Бенсалеми до принятия христианства. Декок полагает, что вероисповеданием жителей Бенсалеми был, в основном, иудаизм [DeCook, 2013]. З. А. Сокулер считает, что «Дом Соломона, как указывает само его название, имеет ветхозаветные корни... вполне можно допустить, что Ветхий Завет в целом был им (жителям Бенсалеми. – В. М.) знаком [Сокулер, 2022. С. 97].

К сожалению, приходится констатировать, что большая часть приведенных выше интерпретаций опирается на весьма вольное прочтение «Новой Атлантиды». Например, тезис о том, что в Бенсалеми правят ученые-технократы, подкрепляется ссылкой на описанную Бэконом пышную церемонию въезда отца ордена в город, где якобы «наука и ее служители окружены почетом и благоговением, какое во времена Бэкона воздавалось только царствующим особам» [Гайденко, 2013. С. 158]. Такой аргумент является очень шатким: торжественность процес-

сии сама по себе ничего не говорит о властных полномочиях ее участников. Кроме того, «в богатой повозке без колес, наподобие носилок, с двумя лошадьми с каждой стороны, в роскошно расшитой сбруе синего бархата» [Бэкон, 1954. С. 32] в город мог бы въехать, не только король, но и, скажем, епископ англиканской церкви; если бы такая церемония состоялась не на страницах книги, а в жизни, никто из современников Бэкона не решил бы, что в Англии правит конгрегация епископов.

Некоторые из процитированных выше суждений являются попросту ложными. В повести, например, самым недвусмысленным образом говорится о том, что жители Бенсалема отличали себя от иудеев [Бэкон, 1954. С. 15]. Там же сообщается о том, что книги Ветхого завета (за исключением тех, что связаны с царем Соломоном) до принятия христианства на острове известны не были, и были посланы с небес в результате чуда [Там же]. Точно также и утверждение о том, что в идеальном обществе «Новой Атлантиды» монархия является сугубо номинальной, противоречит всему, что известно об отношении Бэкона к монархии. Произвольные толкования и ошибки, аналогичные тем, что были приведены выше, обусловлены подходом авторов к работе с источником: они опираются почти исключительно на сам текст повести, в котором нет особых зацепок, позволяющих выяснить содержание не раскрытого автором замысла.

Материалы 1590-х – 1600-х гг. в поздних сочинениях Бэкона

Представляется очевидным, что для реконструкции идей «Новой Атлантиды» и замыслов, не реализованных в повести в полной мере, необходимо привлекать какие-то дополнительные источники.

Основой корпуса этих источников, несомненно, являются сочинения самого Бэкона. С точки зрения задач настоящей работы, их можно условно поделить на две группы. Одна из них это тексты, предмет которых уникален для бэконовского творчества. В первую очередь это исторические сочинения. Исторические сюжеты, связанные с Генрихом VII, Елизаветой Тюдор или Юлием Цезарем не получают специальной разработки нигде, кроме этих сочинений, большая часть которых представляют собой совсем краткие наброски. К этому типу работ принадлежат также некоторые из его «Опытов». Среди них есть, в частности, эссе «О строениях» и «О садах», посвященные такой не типичной для Бэкона теме, как архитектура. В каких-то моментах сочинения этой группы могут пересекаться с другими текстами. (Например, в «Новой Атлантиде» есть краткие указания на особенности архитектуры Бенсалема) Однако в целом они обособлены по отношению к другим, в первую очередь наиболее крупным и значимым в теоретическом плане работам.

Другая группа текстов характеризуется большим числом связей с другими сочинениями. Бэкон постоянно возвращается к предметам таких трудов и постепенно апробирует в них те или иные новые идеи, которые появляются по мере работы над ними. Это часто можно наблюдать в его эссеистике: в каждом последующее издание «Опытов» не только появлялись новые разделы, но и заметно пе-

перерабатывались и расширялись написанные прежде. Особенно последовательно этот подход к работе Бэкон использует при создании своих наиболее крупных философских трактатов. В связи с этим можно указать хотя бы на историю создания Бэконом его учения об идолах человеческого разума. Первый его набросок появляется в ранних сочинениях – «Валериус Терминус»² (1603) и «Temporis partus masculus» (1605) [Serjeantson, 2017; Bacon, Farrington, 1964]. Следующий этап работы над ней происходит на страницах трактата «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» (The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human, 1605). Свой окончательный вариант она приобретает в «Новом Органоне»³. Таким же образом развиваются и другие темы. Например, развернутую критику Платона, Аристотеля и новейших натурфилософов Бэкон впервые представляет в «Redargutio Philosophiarum» (1608), а затем непрерывно возвращается к ней в последующих работах.

До завершения своей политической карьеры Бэкон написал значительное число сочинений, так и не вышедших в печать. Сделанные в них наброски он активно использовал при подготовке своих главных трудов, опубликованных уже после отставки. Так, в «Новый Органон» он включает фрагменты своих ранних текстов, которые подвергаются лишь минимальным стилистическим изменениям.

Например, следы обращения к материалам 1590-х гг. прослеживаются в одном из фрагментов «Нового Органона», где Бэкон отмечает революционную роль таких изобретений, как компас, порох и книгопечатание. Этот текст представляет собой почти что дословную цитату из его же «Похвалы знанию» (1592).

«Похвала знанию»	«Новый Органон»
<p>«Printing, a gross invention; artillery, a thing that lay not far out of the way; the needle, a thing partly known before; what a change have these three made in the world in these times; the one in state of learning, the other in state of the war, the third in the state of treasure, commodities, and navigation» [Bacon, 1862. P. 125].</p> <p><i>«Искусство печатания, великое изобретение, артиллерия, вещь, не усту-</i></p>	<p>«...printing, gunpowder, and the magnet. For these three have changed the whole face and state of things throughout the world; the first in literature, the second in warfare, the third in navigation; whence have followed innumerable changes; insomuch that no empire, no sect, no star seems to have exerted greater power and influence in human affairs than these mechanical discoveries» [Bacon, 1900. Vol. 8. P. 163].</p>

² Таково принятое в литературе краткое название трактата. В действительности Валериус Терминус – один из псевдонимов, под которым Бэкон планировал опубликовать этот незавершенный трактат. Второй псевдоним, Гермес Стелла – вымышленное имя автора примечаний к трактату (так и не написанных). Собственно название этого сочинения – «Об истолковании природы» или, в более раннем варианте «О деятельном знании» («Of Active Knowledge»).

³ В отечественной литературе наблюдения относительно связи между «Валериус Терминус» и проектом Великого восстановления наук в своих комментариях к двухтомнику Бэкона делал И. С. Нарский [Бэкон, 1972. С. 532–534].

«Похвала знанию»	«Новый Органон»
<p>нающая ей по значимости, мореходная игла, вещь, частично известная прежде, – какие изменения эти три изобретения произвели в мире в наше время, одна – в области науки, другая в области войны, третья в области приобретения богатств и мореплавания»</p>	<p>«Искусство печатания, применение пороха и мореходной иглы. Ведь эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира, во-первых, в деле просвещения, во-вторых, в делах военных, в-третьих, в мореплавании. Отсюда последовали бесчисленные изменения вещей, так что никакая власть, никакое учение, никакая звезда не смогли бы произвести большее действие и как бы влияние на человеческие дела, чем эти механические изобретения» [Бэкон, 1972. С. 81]</p>

В той и другой работе из этих наблюдений делаются одинаковые выводы:

«Похвала знанию»	«Новый Органон»
<p>«...the sovereignty of man lieth hid in knowledge... Now we govern nature in opinions, but we are thrall unto her in necessity; but if we would be led by her in invention, we should command her in action» [Bacon, 1862. P. 125–126]. «...власть человека сокрыта в области познания... Сейчас мы правим природой на словах, но в силу необходимости являемся ее рабами, но если бы мы были ведомы ею в наших изобретениях, то управляли бы ей на деле»</p>	<p>«Now the empire of man over things depends wholly on the arts and sciences. For we cannot command nature except by obeying her» [Bacon, 1900. Vol. 8. P. 162–163]. «Власть же человека над вещами заключается в одних лишь искусствах и науках, ибо над природой не властвуют, если ей не подчиняются» [Бэкон, 1972. С. 81]</p>

Расхождения в этих текстах неизбежны в силу того, что более ранний написан на английском, а более поздний (изначально) – на латыни. Сходство порой проявляется ярче при сопоставлении английского и латинского текста. Так, в латинском оригинале «Нового Органона» для обозначения компаса применяется калька с использованного в «Похвале знанию» английского «needle» – «acus nauticum»; в переводе на английский этот элемент сходства исчез, вместо него появилось английское «magnet» [Ср.: Bacon, 1900. Vol. 1. P. 336].

Пример заимствования дает сравнение фрагментов, в которых обсуждаются этические предпосылки деятельности ученого.

«Валериус Терминус»	«Новый Органон»
<p>«And if the ordinary ambitions of men lead them to seek the amplification of their own power in their countries, and a better ambition than that hath moved men to seek the amplification of the power of their own countries amongst other nations, better again and more worthy must that aspiring be which seeketh the amplification of the power and kingdom of mankind over the world; the rather because the other two prosecutions are ever culpable of much perturbation and injustice; but this is a work truly divine»... [Bacon, 1900. Vol. 6. P. 36]</p> <p><i>«Обыкновенное честолюбие заставляет людей стремиться к увеличению своей власти собственной стране, более благородное честолюбие заставляет людей искать способы, чтобы возвысить свою страну среди других наций, и наконец, самое лучшее и самое благородное состоит в том, чтобы увеличить могущество человечества и его власть над миром. Этот третий род амбиций лучше двух первых, поскольку они часто ведут к потрясениям и несправедливости, тогда как работа этого рода подлинно божественная...»</i></p>	<p>«Further, it will not be amiss to distinguish the three kinds and as it were grades of ambition in mankind. The first is of those who desire to extend their own power in their native country; which kind is vulgar and degenerate. The second is of those who labour to extend the power of their country and its dominion among men. This certainly has more dignity, though not less covetousness. But if a man endeavour to establish and extend the power and dominion of the human race itself over the universe, his ambition (if ambition it can be called) is without doubt both a more wholesome thing and a more noble than the other two» [Bacon, 1900. Vol. 8. P. 162].</p> <p><i>«Кроме того, уместно различать три вида и как бы три степени человеческих домогательств. Первый род состоит в том, что люди желают распространить свое могущество в своем отечестве. Этот род низмен и подл. Второй род – в том, что стремятся распространить власть и силу родины на все человечество. Этот род заключает в себе, конечно, большие достоинства, но не меньше жадности. Но если кто-либо попытается установить и распространить могущество и власть самого человеческого рода по отношению к совокупности вещей, то это домогательство (если только оно может быть так названо), без сомнения, разумнее и почтеннее остальных [Бэкон, 1972. С. 81]</i></p>

Здесь, как и в предыдущем случае, необходимо учитывать, что «Валериус Терминус» написан на английском.

Выше мы ограничились лишь несколькими примерами заимствований, которые делались при работе над темами, близкими к проблематике «Новой Атлантиды». Использование ранних текстов при работе над «Великим восстановлением наук» происходило в гораздо большем масштабе. Конечно, не следует считать, что более поздние этапы работы сводились к детализации написанного на бо-

лее ранних: многие идеи возникали впервые, а другие, напротив, вовсе исчезали или уходили на второй план. Религиозная проблематика, чрезвычайно широко представленная в ранних сочинениях (например, в «Валериус Терминус»), отразилась в «Новом Органоне» в весьма ограниченном масштабе. Напротив, к теме изобретений в «Новом Органоне» Бэкон обращается чаще, чем в «Валериус Терминус» и, тем более, в «Похвале знанию».

Ранние сочинения Бэкона и «Новая Атлантида»: механизмы заимствования

«Новая Атлантида» относится к числу работ, которые были в высокой степени преемственны по отношению к более ранним. Впечатляющее наблюдение в этой связи было сделано Дж. Дэвисом [Davis, 1983. P. 122–123], указавшим на близкое сходство речи отца Соломонова Дома и «Речей шести советников».

Этот текст⁴ был частью написанного Бэконом и его друзьями сценария рождественских праздников для выпускников Грейс-Инн в 1594 г., так называемого «Gesta Grayorum». Речи должны были произноситься перед лицом маскарадного короля от лица его советников [Карев, 1984]. Речь второго советника, по изучению философии (Second Counsellor, advising the Study of Philosophy) содержала предложение учредить библиотеку, лаборатории, сады, зверинцы и мастерские для нужд науки. Сходство этого текста с речами академика из «Новой Атлантиды» совершенно очевидно [Ср.: Bacon, 1862. P. 334–336; Бэкон, 1984. С. 132–134 и Bacon, 1900. Vol. 6. P. 398–411; Бэкон, 1972. С. 33–41]. Два близких фрагмента присутствуют исключительно в «Новой Атлантиде» и в «Gesta Grayorum» и отсутствуют в сочинениях, написанных во временном промежутке между ними. Соответственно, заимствование могло произойти в единственном случае: Бэкон обратился к своему архиву и в повести об одном фантастическом королевстве использовал часть пьесы о другой, столь же выдуманной, монархии.

Достаточно близки, причем не только в содержательном, но и в текстуальном отношении, те фрагменты «Новой Атлантиды» и «Валериус Терминус», где речь идет о целях научного познания и целях, которые ставит перед собой Соломонов Дом:

«Валериус Терминус»	«Новая Атлантида»
«...the amplification of the power and kingdom of mankind over the world» [Bacon, 1900. Vol. 6. P. 36]. «...усиление могущества и власти человечества над миром».	«...the enlarging of the bounds of Human Empire, to the effecting of all things possible» [Bacon, Vol. 6. 1900. P. 398].

⁴ В одном из недавних отечественных исследований он получил совершенно ошибочную интерпретацию: выступление якобы было адресовано королеве, причем на Елизавету предложения Бэкона «не произвели никакого впечатления» [Дмитриев, 2015. С. 23]. Эта ошибка, вероятно, стала результатом путаницы: примерно в это же время (в 1592) Бэкон по случаю празднеств действительно выступал с речами перед Елизаветой; одна из них («Похвала знанию») цитировалась выше.

«Валериус Терминус»	«Новая Атлантида»
<p>«...a restitution and reinvesting (in great part) of man to the sovereignty and power... discovery of all operations and possibilities of operations from immortality (if it were possible) to the meanest mechanical practice» [Bacon, 1900. Vol. 6. P. 34].</p> <p>«...возврат и восстановление (в возможно большей части) власти и могущества... открытие действий и их возможностей для достижения всех целей от бессмертия (если оно возможно) до самой заурядной механической практики»</p>	<p>«...расширение власти человека, пока все не станет для него возможным» [Бэкон, 1954. С. 36]</p>

Пассаж о достижении бессмертия не был воспроизведен в «Новой Атлантиде». Впрочем, он явственно перекликается с упоминанием о работе ученых Соломонова Дома над продлением – насколько это возможно – человеческой жизни.

В рассказе об обретении жителями Бенсалема Писания прослеживается влияние так называемой «Молитвы ученого». Этот текст первоначально был написан на латыни и предвлял основную часть незаконченного трактата «Temporis partus masculus»; позже Бэкон перевел молитву на английский. Молитва ученого Соломонова Дома из «Новой Атлантиды» является своего рода продолжением «Молитвы ученого» из «Temporis partus masculus». Мудрец из Бенсалема благодарит Бога за те дары, о которых Бэкон просит, приступая к своему трактату 1605 г.:

«Молитва ученого»	«Новая Атлантида»
<p>«This also, we humbly and earnestly beg, that human things may not prejudice such as are divine; neither that from the unlocking from the gates of sense, and the kindling of a greater natural light, any thing of incredulity; or intellectual night, may arise in our minds towards divine mysteries: but rather by our mind thoroughly cleansed and purged from fancy and vanities and yet subject and perfectly given up to the divine oracles, there may be given unto faith, the things that are faith's» [Bacon, 1900. Vol. 14. P. 101].</p>	<p>«Lord God of heaven and earth, thou hast vouchsafed of thy grace to those of our order, to know thy works of creation, and the secrets of them; and to discern (as far as appertaineth to the generations of men) between divine miracles, works of nature, works of art, and impostures and illusions of all sorts» [Bacon, 1900. Vol. 5. P. 371–372].</p> <p>«Боже, владыка неба и земли, милостиво даровавший нашему братству познание твоих творений и тайн их, а также способность различать (насколько это доступно человеку) боже-</p>

«Молитва ученого»	«Новая Атлантида»
<p>«Мы также смиренно и искренне просим, чтобы ни человеческое, ни открывающееся через врата ощущений и усиливающее естественный свет не было принято за божественное, и чтобы никакое недоверие или ночь разума не охватили наши души в отношении божественных тайн, но напротив, чтобы наш дух, совершенно освобожденный и очищенный от тщетных фантазий, подчиненный и доверяющий божественным пророчествам, относил к вере то, что принадлежит к вере»</p>	<p>ственные чудеса, явления природы, произведения искусства и всякого рода обманы и призраки» [Бэкон, 1954. С. 14]</p>

Об идейной связи между «Новой Атлантидой» и «Temporis Partus Masculus» говорит и подзаголовок этой работы, перекликающийся с целью деятельности Соломонова дома: «О великом восстановлении человеческой власти над вселенной».

В качестве своего первого трактата Бэкон в одном из писем 1625 г. называет сочинение с очень похожим названием: «Temporis Partus Maximus» и сообщает, что оно было написано сорок лет назад, т.е. около 1585 г. [Bacon, 1874; Gaukroger, 2001. P. 43.] Трудно сказать, насколько точна эта датировка – возможно, имеется в виду момент начала, а не завершения работы. Впрочем, не вызывает больших сомнений то, что «Temporis Partus Masculus» является более поздней редакцией этого не сохранившегося текста. Свидетельство относится ко времени работы над «Новой Атлантидой» и указывает на то, что Бэкон держал в памяти ранние сочинения и обозначал одно из них в качестве отправной точки своего философского творчества.

О чем Бэкон не успел написать в «Новой Атлантиде»: несколько гипотез

Подход Бэкона к использованию неопубликованных текстов дает основание для ряда гипотез о возможном содержании ненаписанных разделов «Новой Атлантиды». Материал для них мог дать, во-первых, основной текст «Temporis Partus Masculus», посвященный проблеме поиска научного метода для восстановления власти человека над вселенной. Его литературная форма напоминает речь отца Соломонова Дома: это монолог умудренного годами ученого, обращенный к слушателю, которого тот называет сыном. Другой возможный источник Бэкона для работы над ненаписанными главами – выполненные в такой же стилистике речи главного персонажа «Regardutio Philosophiarum», посвященные обязанностям ученого; их концептуальная близость к «Новой Атлантиде» отмечалась еще в XIX в. Р. Л. Эллисом [Ellis, 1900. P. 114].

Трудно допустить, что лекция об успехах науки, прочитанная отцом Соломонова дома, могла быть первой и последней. И напротив, следует предположить, что развитие повести было бы продолжено именно через речи этого или какого-то похожего персонажа. В сущности, согласно законам жанра утопии, в «Новой Атлантиде» имелись две возможности дальнейшего раскрытия ее идей: посредством описания быта бенсалемеров и посредством выступлений тех или иных авторитетных героев. Первой из этих возможностей Бэкон практически полностью пренебрег: большая часть его бытовых зарисовок не слишком содержательна. Зато второй инструмент он задействовал максимально широко: почти все сведения о Бенсалемере читатель получает из монологов управителя дома чужеземцев, еврея Иоабина и отца Дома Соломона. Опыт использования фрагмента из «Gesta Grayorum» вполне мог быть повторен в виде заимствования из речей мудрецов в «Temporis Partus Masculus» и «Regardutio Philosophiarum».

В «Новой Атлантиде» и в «Валериус Терминус» Бэкон анализирует этические основы научного познания, взаимоотношения между наукой и религией, между наукой и государственной властью. Возможности использования этого текста для реконструкции социальных идей «Новой Атлантиды» чрезвычайно широки, и их обсуждение требует отдельного исследования. Здесь уместно ограничиться лишь одним сюжетом, общим для двух работ, а именно вопросом о взаимоотношениях науки и политической системы.

В «Валериус Терминус» она тесно связана с первым наброском теории идолов разума, которые необходимо устранить с пути развития наук. Бэкон пишет о том, что некоторые препятствия на пути познания заключаются в «природе общества и в политике государства» (in the nature of society and the policies of state) [Bacon, 1900. Vol. 6. P. 76]. В связи с этим он делает вывод: «Нет такого устройства государства или общества и нет такого разряда или звания людей, которые не были бы до некоторой степени враждебны истинному знанию. Монархии склоняют умы к поиску выгод и удовольствий, республики – к славе и тщеславию. Университеты склоняют умы к софистике и пристрастию, монастыри – к басням и бесполезным тонкостям, вообще учеба – к поиску разнообразия, и даже трудно сказать, что более обессиливает и стесняет знание – сочетание созерцательной и деятельной жизни, или полный переход к созерцанию». [Ibid.] В другом месте он высказывается еще более решительно: «Природа общественных обычаев и правительств обыкновенно бывает более или менее враждебна по отношению к этим (научным. – В. М.) новшествам, даже к чисто теоретическим (contemplative)» [Ibid. P. 65].

Каким бы ни был политический строй, правительство всегда будет требовать от ученых, чтобы они исполняли его желания, и всегда будет поддерживать те теории, которые по каким-то причинам (всегда ненаучным) ему больше нравятся. Эти тезисы Бэкон формулирует в набросках к недописанным главам «Валериус Терминус». В позднейших работах они не получают развития, напротив, в них Бэкон всячески восхваляет мудрость английской монархии, покровительствующей наукам. Однако же остальные концепции, тесно связанные с его утверждением о неизбежности противоречий между интересами науки и интересами власти, продолжают развиваться в «Опытах», «Великом восстановлении наук» и «Новом Органоне». Причины отказа Бэкона от исследований в этом направле-

нии не вполне ясны; можно предположить, что он стал результатом самоцензуры. Многие труды Бэкон посвящает Якову I, с которым он связывал не только надежды на поддержку дальнейшего развития науки, но и свое личное благополучие. Рассуждения о том, что все правительства, в том числе и власть просвещеннейшего монарха, в той или иной мере препятствуют развитию знаний, выглядели бы в этой ситуации как минимум неуместно. На готовность цензурировать собственные высказывания о государственных делах сам Бэкон намекает довольно прозрачно: «Что касается правительства, это область знания о тайном и скрытом, в обоих смыслах, в которых нечто может быть секретом: некоторые вещи являются тайными, поскольку их трудно узнать, а другие – поскольку о них не подобает говорить» [Bacon, 1900. Vol. 6. P. 388–389].

Зато в книге, которая рассказывала о заведомо вымышленной стране и к тому же должна была выйти лишь после смерти автора, нужды в подобных самоограничениях не было. Некоторые моменты в описании порядков Бенсалема позволяют предположить, что, работая над «Новой Атлантидой», Бэкон возвращается к теме отношений ученых и правительств. Дом Соломона в значительной степени изолирован от общественной жизни: члены ордена лишь изредка совершают визиты в города Бенсалема, проводят свои собрания за закрытыми дверями, избирательно делятся своими достижениями и с гражданами, и с правительством. В повести не говорится о том, кто финансирует Дом Соломона, зато подробно описываются его владения, которым позавидовал бы любой светский или церковный феодал. Не является ли это намеком на то, что в материальном плане ученый орден независим от властей и в силу этого в минимальной степени испытывает негативное воздействие политической системы?

Высказанные только что соображения можно подкрепить и еще одним, едва ли случайным, пересечением между текстами «Валериус Терминус» и «Новой Атлантиды». Это тот пассаж, где Бэкон сравнивает грядущую эпоху научных открытий с эпохой великих географических открытий: «Открытие земель Нового Света прибавило к землям Старого Света не больше, чем будущее открытие новой, до сих пор не известной, Вселенной изобретений и наук расширит старый мир знаний. Жители недавно найденных земель казались варварами в сравнении с людьми Старого Света; напротив, старые науки покажутся варварскими в сравнении с теми новыми, которые еще предстоит открыть» [Bacon, 1900. Vol. 6. P. 36]. К этим словам, которые вполне могли бы завершать рассказ о Бенсалеме, будь он доведен до своего логического завершения, имеются отсылки и в иллюстративном оформлении первого издания «Великого восстановления наук» [Ср.: Serjeantson, 2017. P. 262–268].

В ранних и непредназначенных для печати работах Бэкона обсуждается тот же круг проблем, который анализируется или по крайней мере имплицитно присутствует в «Новой Атлантиде». Сделанные выше наблюдения позволяют утверждать, что утопическая повесть, над которой философ работал в последний период жизни, была призвана подвести итог его размышлений над такими вопросами, как взаимоотношения ученых с властью и обществом, мировоззренческие ориентиры научного творчества, соотношение утилитарных и ценностных аспектов науки. Учет теоретического контекста, который задается ранними трактатами Бэ-

кона, позволяет реконструировать политико-философские идеи «Новой Атлантиды» и расширить представления о ходе мысли автора в процессе его работы над созданием образа социального идеала.

Список литературы

- Бэкон Ф.** Деяния грейитов, или История благородного и могущественного государства Генриха, принца Пурпуля // Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). М.: МГУ, 1984. С. 128–138. (In Russ.)
- Бэкон Ф.** Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. (In Russ.)
- Бэкон Ф.** Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. (In Russ.)
- Гайденок П. П.** «Новая Атлантида» – бэконовский проект академии наук // Культурология. 2013. № 2(65). С. 154–158.
- Дмитриев И. С.** Институализация европейской науки Раннего Нового времени: бэconiанский ракурс // Вестн. РФФИ. Гуманит. и обществ. науки. 2017. № 2(87). С. 89–99.
- Дмитриев И. С.** Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки) // Социология науки и технологий. 2015. № 4. С. 9–33.
- Карев В. М.** Этические воззрения Фрэнсиса Бэкона // Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). М.: МГУ, 1984. С. 104–128.
- Сокулер З. А.** Проблема индукции как проблема религиозного и нравственного возрождения в учении Фр. Бэкона о методе // Вопр. филос. 2022. № 1. С. 89–99.
- Субботин А. Л.** Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974.
- Шибаршина С. В.** Научные утопии и их цели: от Бенсалема до Трансгумании // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всеросс. науч. конф., Нижний Новгород, 26–28 нояб. 2021 г. М.: Межрегион. обществ. организация «Русс. об-во истории и философии науки», 2021. С. 404–407.
- Эрлихсон И. М.** «Новая Атлантида» Ф. Бэкона в английской социально-политической и философско-теологической мысли эпохи реставрации (1660–1689 гг.) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 270–278.
- Bacon F.** Letter to Fulgenzio Micanzio, autumn 1625 // Letters and Life of Francis Bacon, 7 vols. L.: Longman, 1874. Vol. 7.
- Bacon F.** New Atlantis // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** Novum Organum // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 1. URL: <https://archive.org/details/worksoffrancisba001bacoiala/page/336/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** Praise to Knowledge // The works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England, including all his occasional works. L.: Longman, 1862. Vol. 8.1.

- Bacon F.** *Redargutio Philosophiarum* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 6. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** *Speeches of the Six Councillors* // The works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England. including all his occasional works. L.: Longman, 1862. Vol. 8.1.
- Bacon F.** *Student's Prayer* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 14. URL: <https://archive.org/details/worksoffrancisba15bacoiala/page/100/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** *Temporis partus masculus sive instauratio magna imperii humani in universum* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 7. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco07bacoiala/page/14/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** *The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 6. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** *Translation of Novum Organum* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 8. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco08bacoiala> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F.** *Valerius Terminus of the Interpretation of Nature with the Annotations of Hermes Stella* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 6. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.
- Bacon F., Farrington B.** *The Philosophy of Francis Bacon: An Essay on Its Development from 1603–1609, with New Translations of Fundamental Texts.* Liverpool: Liverpool University Press, 1964.
- Davis J. C.** *Utopia and the Ideal Society: a Study of English Utopian writing, 1516–1700.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- DeCook T.** Francis Bacon's "Jewish Dreams": The Specter of the Millennium in New Atlantis // *Studies in Philology.* 2013. Vol. 11. № 1. P. 115–131.
- Ellis R. L.** *General Preface to the Philosophical Works* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 8. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco08bacoiala> Дата обращения: 25.07.2022.
- Gaukroger S.** *Francis Bacon and the Transformation of Early-Modern Philosophy.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Matei O.** *Macaria and the Puritan Ethics of Direct Participation in the Transformation of the World* // *Society and Politics.* 2011. Vol. 5. № 2 (10). P. 51–65.
- Ramiro A. M., Davis J.** *Microcosm, Macrocosm and 'Practical Science' in Andreae's Christianopolis* // Thompson E. (ed) *Utopian Moments: Reading Utopian Texts.* L.: Bloomsbury academic, 2012. P. 27–34.
- Rawley W.** *The Life of the Honourable Author* // The Works of Francis Bacon. Boston: Houghton Mifflin and company, 1900. Vol. 5. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco05bacoiala/page/410/mode/2up> Дата обращения: 25.07.2022.

Serjeantson R. Francis Bacon's Valerius Terminus and the Voyage to the «Great Instauration» // *Journal of the History of Ideas*. 2017. Vol. 78. № 3. P. 341–368.

References

- Bacon, F.** Deyaniya grejitov, ili Istoriya blagorodnogo i mogushchestvennogo gosudarya Genriha, printsa Purpulya [Gesta Grayorum]. In: "Angliya v epohu absolyutizma (stat'i i istochniki)" [England in the Epoch of Absolutism (papers and sources)] Moscow: MGU, 1987. p.128-138. (In Russ.)
- Bacon, F.** Letter to Fulgenzio Micanzio, autumn 1625 // *Letters and Life of Francis Bacon*, 7 vols. London, Longman, Vol. 7. 1874.
- Bacon, F.** New Atlantis // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfranciscabaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F.** Novum Organum // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 1. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksoffrancisba001bacoiala/page/336/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F.** Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie. [New Atlantis. Essays Moral and Political]. Moscow. Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. (In Russ.)
- Bacon, F.** Praise to Knowledge // *The works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England, including all his occasional works*, London, Longman, Vol. 8.1. 1862.
- Bacon, F.** Redargutio Philosophiarum // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfranciscabaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F.** Sochineniya [Essays]. Moscow: Mysl', 1972. Vol. 2 (In Russ.)
- Bacon, F.** Speeches of the Six Councillors // *The works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England. including all his occasional works*, London, Longman, Vol. 8.1. 1862.
- Bacon, F.** Student's Prayer // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.14. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksoffrancisba15bacoiala/page/100/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F.** Temporis partus masculus sive instauratio magna imperii humani in universum // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.7. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfranciscabaco07bacoiala/page/14/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F.** The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfranciscabaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F.** Translation of Novum Organum // *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.8. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfranciscabaco08bacoiala> Accessed: 25.07.2022

- Bacon, F.** Valerius Terminus of the Interpretation of Nature with the Annotations of Hermes Stella // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon, F., Farrington, B.** The Philosophy of Francis Bacon: An Essay on Its Development from 1603-1609, with New Translations of Fundamental Texts. Liverpool, Liverpool University Press, 1964.
- Davis, J. C.** Utopia and the Ideal Society: a Study of English Utopian writing, 1516-1700. Cambridge, England, Cambridge University Press, 1983
- DeCook, T.** 'Francis Bacon's "Jewish Dreams": The Specter of the Millennium in New Atlantis.' *Studies in Philology*, 2013, vol. 11, №1 p. 115–131.
- Dmitriev, I. S.** Institutizaciya evropejskoj nauki Rannego Novogo vremeni: bekonianskij rakurs [Institutionalization of Science in Early Modern Europe: A Baconian Perspective] *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017 no 2(87), p. 89-99. (In Russ.)
- Dmitriev, I. S.** Hromoj, obgonyayushchij beguna (Instauratio Magna Scientiarum F. Bekona kak projekt sozdaniya effektivnoj institutizovannoj nauki) [The Cripple Outstripping the Runner (F. Bacon's Instauratio Magna Scientiarum As the Project of Effective Institutionalized Science)]. *Sociologiya nauki i tekhnologii*, 2015 no 4. p. 9-33. (In Russ.)
- Ehrlichsohn, I. M.** «Novaya Atlantida» F. Bekona v anglijskoj social'no-politicheskoj i filosofsko-teologicheskoy mysli epohi restavracii (1660-1689 gg.) ["New Atlantis" by F. Bacon in English Socio-political, Philosophical and Theological Thought of the Restoration Epoch (1660–1689)] *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, 2008 no66. S. 270-278.
- Ellis, R. L.** General Preface to the Philosophical Works // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, vol.8. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco08bacoiala> Accessed: 25.07.2022
- Gaukroger, S.** Francis Bacon and the Transformation of Early-Modern Philosophy. Cambridge, Cambridge University Press, 2001
- Gaydenko, P. P.** «Novaya Atlantida» – bekonovskij projekt akademii nauk ["New Atlantis" – baconian project of Academia]. *Kul'turologiya*, 2013 no 2(65). p. 154-158. (In Russ.)
- Karev, V. M.** Eticheskie vozzreniya Frensis Bekona [Ethical Views of Francis Bacon] In: "Angliya v epohu absolyutizma (stat'i i istochniki)" [England in the Epoch of Absolutism (papers and sources)] Moscow: MGU, 1987. p.128-138. (In Russ.)
- Matei, O.** Macaria and the Puritan Ethics of Direct Participation in the Transformation of the World. *Society and Politics*, 2011. vol. 5, № 2 (10), p. 51-65.
- Ramiro, A. M., & Davis, J.** Microcosm, Macrocosm and 'Practical Science' in Andreae's Christianopolis. In: Thompson E. (ed) *Utopian Moments: Reading Utopian Texts* London : Bloomsbury academic, 2012, p. 27-34.
- Rawley, W.** The Life of the Honourable Author // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, vol.5. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco05bacoiala/page/410/mode/2up> Accessed: 25.07.2022

- Serjeantson, R.** Francis Bacon's Valerius Terminus and the Voyage to the "Great Instauration". *Journal of the History of Ideas*, 2017, vol.78, № 3, p. 341-368.
- Shibarshina, S.V.** Nauchnye utopii i ih celi: ot bensalema do Transgumanii [Scientific Utopias and their Destinations: from Bensalem to Transhumania] In: *Revolyuciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sociume : trudy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 26–28 noyabrya 2021 goda.* [Revolution and Evolution: Models of Development in the Science, Culture and Society: Materials of 3 All-Russian Scientific Conference. Nizhnij Novgorod, 26-28.11.2021] Moscow: Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizaciya «Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki», 2021. p. 404-407. (In Russ.)
- Sokuler, Z. A.** Problema indukcii kak problema religioznogo i npravstvennogo vozrozhdeniya v uchenii Fr. Bekona o metode [The Problem of Induction as a Problem of Religious and Moral Revival in the Teaching of F. Bacon's Method] *Voprosy filosofii*, 2022 no1. p. 89-99. (In Russ.)
- Subbotin, A. L.** Frensis Bekon. [Francis Bacon] M.: Mysl', 1974. (In Russ.)

Сведения об авторе

Мархинин Василий Васильевич, кандидат философских наук
доцент кафедры политологии, Сургутский государственный университет
(ул. Ленина, 1, Сургут, 628403, Россия)

Information about the Author

Markhinin Vasily Vasil'evitch, Candidate of Sciences (Philosophy)
Docent, Department of Politology, Surgut State University (1, Lenina st., Surgut,
628403, Russia)

*Статья поступила в редколлегия 28.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.
The article was submitted 29.06.2022;
approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.*

Научная статья

УДК 091

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-103-112

Трактат Фрэнсиса Бэкона «Валериус Терминус»

Василий Васильевич Мархинин

Сургутский государственный университет

Сургут, Россия

marhinin.basilio@yandex.ru, ORCID 0000-0001-5024-2452

Аннотация

Работа представляет собой вступительную статью к переводу трактата Ф. Бэкона «Валериус Терминус». В статье излагаются ключевые факты, относящиеся к истории создания трактата, историографии его исследования, связям между трактатом и другими произведениями Ф. Бэкона.

Ключевые слова

история философии, источниковедение, история творчества Ф. Бэкона.

Для цитирования

Мархинин В. В. Трактат Фрэнсиса Бэкона «Валериус Терминус» // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 103–112. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-103-112

Valerius Terminus. Treatise by Francis Bacon

Vasily V. Markhinin

Surgut State University

Surgut, Russian Federation

marhinin.basilio@yandex.ru, ORCID 0000-0001-5024-2452

Abstract

The paper is a preface to F. Bacon's «Valerius Terminus» treatise. The article deals with basic facts of the treatise's history, as well as the history of its study and the links between it and the other philosophical writings by F. Bacon.

Keywords

history of philosophy, source study, history of F. Bacon's thought

For citation

Markhinin V. V. Valerius Terminus. Treatise by Francis Bacon. Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 4. p. 103–112. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-103-112

© Мархинин В. В., 2022

Публикуемый ниже текст является переводом первой главы из трактата, за которым в историко-философской литературе закрепилось условное название «Валериус Терминус». Традиционно это сочинение включается в собрания сочинений под заголовком «Валериус Терминус. Об истолковании природы. С примечаниями Гермеса Стеллы» [Bacon, 1900] и считается наиболее ранним из сохранившихся до наших дней философских трактатов Фрэнсиса Бэкона¹.

История создания трактата известна лишь в самых общих чертах. Единственно признана датировка, относящая время его написания примерно к 1603 г. Валериус Терминус – один из псевдонимов, под которым предполагалось обнародовать текст; другой псевдоним – Гермес Стелла – должен был обозначать автора так и не написанных примечаний (*annotations*). По мере работы над трактатом его название менялось. В одной из двух известных рукописей рукой переписчика указано название «О деятельном знании» («Of Active Knowledge»); рукой Бэкона оно перечеркнуто и заменено на используемое сегодня «Об истолковании природы». При жизни Бэкона текст не публиковался, хотя, по всей видимости, предназначался для распространения – если не в виде печатной книги, то как минимум в форме манускрипта. Автор снабдил его псевдонимами, заказал рукописную копию для дальнейшей работы, начал ее правку. Тем не менее, ни при жизни, ни вскоре после кончины автора трактат не издавался. Впервые «Валериус Терминус» был напечатан лишь в 1743 г. Первая глава трактата была известна некоторым – весьма немногочисленным – современникам Бэкона; ее текст имел хождение в рукописной форме [Serjeantson, 2013].

В среде историков философии «Валериус Терминус» вызывал постоянный интерес, обусловленный тем, что он представляет собой своего рода первый набросок будущего проекта Великого восстановления наук. Этому сочинению посвящена значительная литература; здесь мы укажем лишь на основные вехи в ее развитии. Первое обстоятельное исследование трактата было выполнено Р. Л. Эллисом при подготовке собрания сочинений Бэкона [Ellis, 1900]. Исследованию раннего этапа философского творчества Бэкона посвящена ценная монография Фаррингтона [Bacon, Farrington, 1964]. Специальный раздел, посвященный «Валериусу Термину», в этой работе, к сожалению, отсутствует; тем не менее, это исследование и содержащиеся в приложениях к нему переводы до сих пор остаются незаменимыми для понимания интеллектуального контекста, в котором создавался трактат. Важнейшим этапом в исследовании трактата является также так называемый «Оксфордский Бэкон». В четвертом томе этого собрания опубликовано итоговое сочинение раннего периода бэконовского творчества – «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» [Bacon, 2000]. В комментариях к нему содержится обширный материал, позволяющий проследить

¹ Этот тезис условен. Сам Бэкон называет своим первым сочинением, посвященным выработке научного метода и изучению природы, «Temporis partus maximus» и относит его примерно к 1585 г. Строго говоря, трактат с таким названием не сохранился, однако же известно другое сочинение, озаглавленное «Temporis partus masculus» (1605). Оно, скорее всего, представляет собой редакцию трактата 1585 г. Первая глава «Temporis partus masculus» обозначена в плане «Валериуса Терминуса» как один из его разделов, «написанный на латыни, и по обычаю предназначенный для особого, не публичного распространения» («written in Latin and destined [for] to be [traditionary] separate and not public») [Ellis, 1900. P. 26].

заимствование Бэконом фрагментов «Валериуса Терминуса». Среди современных исследователей трактата необходимо выделить Р. Сержантсона, посвятившего ему две чрезвычайно содержательных статьи [Serjeantson, 2013; Idem, 2017], а также Дж. Дэвиса, указавшего на целый ряд связей между «Валериусом Терминусом» и «Новой Атлантидой» [Davis, 1983. P. 105–138].

По замыслу автора трактат должен был включать более одной книги, причем в первую из них должны были войти как минимум двадцать шесть глав. Полностью написана была лишь первая глава; остальные представляют собой наброски будущих разделов. Несмотря на небольшой объем, эти наброски чрезвычайно богаты содержанием; в частности, в материалах к шестнадцатой главе содержится краткое изложение бэконовской концепции идолов, получившей развитие в «Новом Органоне». Глава должна была получить название «О внутренних и глубинных ошибках и предрассудках в природе разума и о четырех видах идолов, или заблуждений, которые представляются разумению при исследовании и познании» [Bacon, 1900. P. 60]. В ней предполагалось исследовать «четыре идола, или призрака различных видов, каждый из которых имеет свои разновидности: первый вид я называю идолами нации, или племени; второй – идола дворца; третий – идола пещеры, и четвертый – идола театра» [Ibid. P. 61]. В концептуальном плане «Валериусом Терминусом» связан также с другими ранними трактатами – «*Temporis partus masculus*» (1605), «*Regardutio Philosophiarum*» (1608) и «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» (1605); следы его влияния наблюдаются и в «Новой Атлантиде».

Тем не менее, «Валериус Терминус» не следует воспринимать исключительно как одну из ступеней на пути к созданию «Нового Органона», «Великого восстановления наук» и «Новой Атлантиды». Дошедшие до нас фрагменты этого сочинения, особенно наиболее проработанная первая глава – вполне самостоятельное сочинение, оно строится вокруг анализа проблем, которые Бэкон не успел в полной мере разработать в своих главных трудах 1620-х гг. В первую очередь, это вопросы, связанные с ценностными ориентирами научного познания и этическими принципами деятельности ученого, а также проблемы взаимоотношений религии и науки, веры и рациональности.

Публикуемый здесь перевод выполнен по изданию Дж. Спеддинга и Р. Эллиса [Bacon, 1900]. Тракта́т содержит значительное число цитат из Ветхого и Нового Завета; все они даются в Синодальном переводе. Поскольку бэконовский текст в некоторых случаях содержит оттенки смысла, не передаваемые этим переводом, в примечаниях для сравнения приводятся соответствующие фрагменты из оригинального текста «Валериуса Терминуса». В круглых скобках указываются страницы упомянутого выше издания трактата. Во многих случаях Бэкон не цитирует священные тексты, а дает их более или менее вольный пересказ. В этом случае предлагается авторский перевод, а в примечаниях делается ссылка на соответствующие стихи Писания.

Валериус Терминус. Об истолковании природы

Глава 1

О границах и цели познания

В божественной природе равно религия и философия видят превосходное добро, знание (*science*), или провидение всех вещей и абсолютную, или царскую власть. В стремлении к престолу власти ангелы преступили закон и пали; предполагая стать оракулом мудрости, совершил преступление и пал человек; но в желании уподобиться Богу в доброте и любви (они суть одно и то же, поскольку любовь есть не что иное, как добро, пришедшее в движение, или примененное к некоторому предмету) ни один человек, и ни один бесплотный дух никогда не совершал преступления и никогда не совершит преступления.

Ангел перед своим падением сказал в своем сердце: «взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему²», буду не как Бог, но выше Бога. Он не собирался уподобиться Богу в Его доброте, он, будучи ангелом света, не испытывал и жажды познания; он желал лишь из слуги превратиться в господина; поэтому его возвышение, или восхождение обернулось падением, или унижением.

В свою очередь, человек, когда он подвергался искушению перед своим падением, был соблазнен тем, что он будет как Бог не во всем, но в знании добра и зла³. Ведь, будучи творением Бога, он был наделен властью (*sovereignty*) над всеми низшими созданиями и не нуждался во власти, или господстве (*power or dominion*), и напротив, будучи духом, лишь недавно заключенным земное тело, он со всей страстью (*appetite*) желал света и свободы познания; поэтому за приближение и вторжение в божественные тайны он поплатился дальнейшим удалением и отстранением от Бога. Что же касается доброты, нет никакой опасности в соревновании, или борьбе за уподобление Богу, напротив, подражание Его доброте дозволяется и приветствуется. Ведь Его голос (относительно которого и язычество, и другие ложные верования всегда признавали, что он звучит не так как голос человека), призывает нас: «люби своих врагов; будь подобен своему небесному отцу, который проливает свой дождь и на справедливого, и на несправедливого⁴»; этот голос ясно объявляет нам, что в этом мы не можем перейти границы дозволенного, и его же мы слышим в древнем законе, гласящим: «будьте святы, потому что Я свят⁵!»! Что есть святость, если не доброта, не смешанная ни с каким злом, и закрытая для него?

Итак, мы видим, что познание относится к числу тех вещей, которые нельзя брать неосторожно и без рассуждения; оно есть поток, у которого трудно увидеть начало и окончание; и я думаю, что хорошо и необходимо, в первую очередь ввести его в твердое русло, чтобы направлять его и управлять им как струями воды; твердь, которая удержит его состоит в следующем: пусть всякое познание будет ограничено (*limited*) религией, и будет приурочено к употреблению и действию.

² Ис. 14:14. Ср.: «I will ascend and be like unto the Highest» (28)

³ Ср.: Быт. 3:5.

⁴ Ср.: Мф.:5:45.

⁵ 1Пет. 1:16. Ср.: «Be you holy as I am holy» (28)

Ведь если кто-либо будет думать, что через рассмотрение и проникновение в чувственные и материальные вещи он обретет свет познания природы Бога или Его воли, он впадет в опасное злоупотребление. Действительно, созерцание творений Бога имеет своей целью (согласно самой природе его созданий) познание, что же касается природы Бога – здесь нужно не знание, а чудо, в котором созерцание отказывается от самого себя. И более того, как удачно сказал кто-то из платоновской школы, рассудок человека напоминает солнце, которое открывает и освещает землю, но затемняет и скрывает небо; итак, разум открывает естественные вещи, но затемняет и заслоняет божественные. Совершенно очевидно, что нет иного способа получения новых знаний, кроме подражания, Бог же подобен только самому Себе и не имеет ничего общего со Своими творениями, которые есть не более, чем тень и намек на Него. Поэтому будем следовать Его воле, в силу которой Он открывает Себя и дает веру в то, во что следует веровать, ведь более достойно верить, чем думать или знать, и в знании (насколько мы к нему способны) наш дух занимает страдательное положение по отношению к вещам низшей природы, а в вере он занимает такое же положение по отношению к духу более высокому и наделенному большей властью, чем он сам.

Короче говоря, заблуждением было бы считать, что познание божественного и человеческого растет от того, что одно смешивается с другим и одно искушает другое: от этого одно наполняется ересями, а другое умозрительными и суетными фикциями.

Но есть и другая крайность, противоположная той, которая преувеличивает возможности познания; эта крайность, напротив, чрезмерно ограничивает пределы, доступные естественному и законному знанию; она смотрит на всякую ширину и глубину познания как на чрезмерное превознесение человеческого ума, желающего проникнуть в божественные тайны; такое мнение возникает или по причине зависти (она же есть не что иное, как гордая слабость, которой нужно всячески избегать), или по причине обманчивой простоты. Тех, кто думает, что отрицание вторичных причин делает человека более благочестивым приверженцем божественного провидения, поскольку в этом случае всякое событие представляется результатом божественного вмешательства, я хочу спросить подобно тому, как Иов спрашивал своих друзей: «Надлежало ли вам ради Бога говорить неправду и для Него говорить ложь?»⁶. Возможно, люди вкладывают некий зловещий юмор в свои рассуждения о том, что погружение в глубины естественного знания есть вещь беспримерная и не одобряемая Писанием, и бесплодная; пусть же они вспомнят и будут просвещены: в раю, до своего грехопадения человек обладал знанием, которое позволяло ему дать каждому созданию имя, сообразное его природе, но причиной падения стало не это знание, но желание познать добро и зло для того, чтобы оспаривать божественные заповеди и не зависеть от божественного откровения – в этом-то и состояло искушение. И те первые священные писания, которые относятся ко времени до потопа, сохранили не только родословия, но и память об изобретении музыки и обработки металла. Сам Моисей владел всей ученостью египтян, а эта нация стала преуспевать в науках раньше всех прочих. И царь Соломон, который был в особенности

⁶ Иов 13:7. Ср.: «Will you lie for God as man will for man to gratify him ?» (30)

одарен мудростью от Бога говорят, написал естественную историю всех растений от кедра до мха (который есть нечто среднее между гнилью и растением), а также историю всего, что живет и движется. Если перелистать «Книгу Иова», в ней найдется много нападок на естественную философию, и все же, царь Соломон прямо утверждает, что): «Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследовать дело⁷». Бог в своем величии забавляется подобно ребенку, скрывая свои дела, чтобы люди их искали; называя того, кто их исследует, царем, Соломон хочет сказать, что человек, совершающий открытия, превосходит всех великолепием и силой ума, имея в виду, в том числе и самого себя, ведь он поистине есть один из тех ярко горящих светильников, о которых он говорит в другом месте: «Светильник Господень – дух человека, испытывающий все глубины сердца⁸». Природу души Соломон считал драгоценной и несравненной, и в этом он был един с Сократом, который презирал мнимых ученых, извлекавших из своей учености корысть (тогда как Анаксагор и многие другие, напротив, растратили свое состояние, ведя созерцательную жизнь); об этом Соломон сказал: «Купи истину и не продавай мудрости и учения и разума⁹».

Пусть никто не стыдится этой жажды знания, она не есть признак пустоты или изъяна в нашей природе, но скорее, есть склонность нашего духа, данный Богом инстинкт; все тот же автор вполне раскрывает эту мысль, говоря: «Всё соделал Он прекрасным в своё время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца¹⁰»; здесь ясно провозглашается, что Бог создал разум человека подобным стеклу, способному отразить образ всего мира; разум радуется этому отражению как свету, не удовлетворяется созерцанием многообразных вещей и переменчивого времени, но также стремится найти и различить неизменные правила и законы, которым подчиняется все изменчивое. И хотя высшие законы движения и природы Бог скрывает за занавесом тайны, есть и многие другие благородные, хотя и более низкие правила, доступные для познания. Не знаю, могу ли я выразить с полной ясностью ту мысль, что знание представляется мне древом, которое насадил сам Бог, и оно разрастается и цветет, и приносит плоды согласно провидению Бога, и особое пророчество предрекает нам осень мира, которая приносит не угрозу, а покой; так я понимаю то место в пророчестве Даниила, где он говорит о последних временах: «сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают её, и умножится ведение¹¹»; в наши дни весь мир открыт благодаря мореплаванию и коммерции, и наш век есть век открытия все нового и нового знания.

Но кроме авторитета Писания, о котором говорилось выше, есть и два других довода огромной силы и веса, которые также говорят о том, что религия должна всячески оберегать познание природы и заботиться о нем. Первый состоит в том, что это познание ведет к еще большему прославлению Бога; Псалмы и другие

⁷ Притч. 25:2. Ср.: «...glory of God is to conceal a thing, but the glory of the king is to find it out». (31)

⁸ Притч. 20:27. Ср.: «The spirit of man is as the lamp of God, wherewith he searcheth all inwardness». (32)

⁹ Притч. 23:23. Ср.: «Buy the truth, and sell it not; and so of wisdom and knowledge». (31)

¹⁰ Еккл. 3:11. Ср.: «God hath made every thing in beauty according to season; also he hath set the world in man's heart, yet can he not find out the work which God worketh from the beginning to the end». (32)

¹¹ Дан. 12:4. Ср.: «Many shall pass to and fro, and science shall be increased». (32)

Писания часто призывают нас восхищаться величием и красотой творений Бога, но если мы ограничимся лишь созерцанием (*contemplation*) того, что показывают нам органы чувств, мы оскорбим Бога точно также, как оскорбили бы искуснейшего ювелира, если бы судили о его мастерстве только по тем вещам, которые он выставил на прилавке. Другой довод состоит в том, что познание природы есть помощь и защита против неверия и заблуждений; ведь наш Создатель говорит: «заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией»¹². Он положил перед нами две книги, которые мы должны изучать: первая из них, Писание, открывает волю Бога, вторая – Его творение – открывает нам Его могущество; эта вторая книга доказывает нам, что ничего из того, чему учит первая, не является невозможным. Опыт показывает нам, что малое знакомство с естественной философией склоняет разум к атеизму, а ее упорное изучение возвращает разум к религии.

Итак, пусть никто не сомневается в щедрости, с которой Бог одарил людей, ведь Он, как говорят, «вложил мир в сердце их»¹³. Итак, все, что не есть Бог, но есть часть мира, Он сделал доступным для человеческого разума, и человек будет открывать и расширять силу своего разумения насколько сможет.

И все же, следует помнить, что даже самая малая часть знания, дарованная человеку Богом, должна использоваться для тех целей, которые Ему угодны, то есть для поддержки и помощи государству и человеческому обществу (*the state and society of man*); всякий иной способ применения знаний есть зло и змеиное коварство, и такое знание, содержащее качества змеиного жала и злобы, вызывает воспаление человеческого разума; великолепно сказано в Писании: «знание надмевает, а любовь назидает»¹⁴. И тот же автор, как известно, отрекается и от силы, и от знания, в которых нет доброты, или любви, и говорит: (курсивом все, что не в скобках) «Если я имею всю веру, так что могу и горы переставлять (то есть силу активную), и если отдам тело моё на сожжение (то есть имею силу пассивную), и если я говорю языками человеческими и ангельскими (то есть имею знание, ведь язык нужен для передачи знания) – все это ничто»¹⁵.

И поэтому ни удовольствие от удовлетворенной любознательности, ни уверенность в решениях, ни возвышение духа, ни победа проникательности, ни мастерство речи, ни прибыль, ни слава и почет, ни успех в делах не являются подлинными целями познания; некоторые из этих вещей заслуживают большего уважения, некоторые – меньшего, но в конечном итоге все они низки и недостойны. Только восстановление и возобновление владычества и могущества, которое человек имел в своем первоначальном состоянии, является целью познания (ведь, если человек сможет называть создания Бога их подлинными именами он сможет вновь повелевать ими). Это, проще говоря, есть открытие средств и возможностей для достижения любых целей от обретения бессмертия (если оно возможно) до решения самых низких практических задач механики.

И поэтому познание ради удовлетворения желаний подобно придворному, которого держат для развлечения, а не ради какой-то пользы или плодов. И по-

¹² Мф. 22:29. Ср.: «You err, not knowing the Scriptures nor the power of God». (33)

¹³ Еккл. 3:11. Ср.: «...hath set the world in man's heart». (33)

¹⁴ 1 Кор. 8:1. Ср.: «...knowledge bloweth up, but charity buildeth up». (34)

¹⁵ Ср.: 1 Кор. 13:1-3.

знание ради прибыли, или ремесла, или славы есть не что иное, как золотой шар, который бросили перед Аталантой¹⁶, чтобы она остановилась и оставила состязание в беге. И познание ради какой-то частной цели подобно Гармодию, который убил лишь одного тирана, но не похоже на Геркулеса, который обошел весь свет, чтобы истребить тиранов, великанов и чудовищ в каждой его части. Конечно, проклятие первородного греха не может быть снято в двух отношениях: во-первых, человеческие поступки всегда будут суетны, и от суетности они могут быть избавлены лишь на время. Во-вторых, в силу испорченности своей природы человек может осуществлять власть не иначе, как через труд, в том числе, изобретая и воплощая изобретения в жизнь; пусть даже изобретение или путешествие требуют не столько усилий тела, сколько усилий ума, они все равно являются трудом. О том, что путешествие требует работы мозга и рассуждения, прекрасно сказал Соломон: «Труд глупого утомляет его, потому что не знает даже дороги в город¹⁷», это означает, что хороший выбор средства дает больше, чем простое умножение усилий. Действительно, нам больше мешают препятствия потенциальные, а не актуальные: бывает, что помеху создает неподходящее место, или неподходящее время, а не отсутствие средств или материалов, которые требуются для достижения цели. Но хотя такие препятствия и границы существуют, в их преодолении следует полагаться на Время¹⁸ (это не относится к обещаниям пустых и вздорных алхимиков, магов, и им подобных – к легковесным, праздным, невежественным, доверчивым и фантастическим умам и сектам). Открытие земель Нового Света прибавило к землям Старого Света не больше, чем будущее открытие новой, до сих пор не известной, Вселенной изобретений и наук прибавит к старому миру знаний. Жители недавно найденных земель казались варварами в сравнении с людьми Старого Света; напротив, старые науки покажутся варварскими в сравнении с теми новыми, которые еще предстоит открыть¹⁹.

Достоинство этой цели (обеспечения человеческой жизни новыми благами) видна из того, какую оценку ей давали в древности. Основатели государств, законодатели, тираноубийцы, отцы народа, награждались титулами достойнейших людей или полубогов, изобретателей часто включали число богов. Обыкновенное честолюбие заставляет людей стремиться к увеличению своей власти собственной стране, более благородное честолюбие заставляет людей искать способы, чтобы возвысить свою страну среди других наций, и наконец, самое лучшее и самое благородное состоит в том, чтобы увеличить могущество человечества и его власть над миром. Этот третий род амбиций лучше двух первых, поскольку они часто ведут к потрясениям и несправедливости, тогда как работа этого рода подлинно божественная и совершается *in aura leni*²⁰, без лишнего шума и пристрастия.

¹⁶ Бэкон неоднократно делает отсылки к мифу о непревзойденной бегунье Аталанте, прервавшей состязание ради золотого яблока. Ср. напр., с его «Аталанта, или: Выгода».

¹⁷ Еккл. 10:15. Ср.: «The fool putteth to more strength, but the wise man considereth which way». (35)

¹⁸ Возможно, отсылка к трактату «Temporis partus masculus», который Бэкон планировал включить в состав «Валериус Терминус».

¹⁹ Ср. эту метафору с известным изображением корабля, проходящего Геркулесовы столпы, на титульном листе первого издания «Великого восстановления наук».

²⁰ «Дуновением ветерка» – лат.

Путь к этой работе всегда открыт и защищен величием Бога (который никогда не изменяет Себе); в нем счастье, которым Бог благословил смирение разума, работающего, скорее, над тем, чтобы написать и прочесть книгу Его творения, а не над тем, чтобы просить и давать оракулы и призывать человеческий дух к божественному началу. Напротив, гордыня человека, занятого исследованием божественной истины, склоняет его к тому, чтобы забыть оракулы слова Божия и утонуть в мешанине собственных выдумок, а в исследовании природы забыть их ради обманчивых искаженных образов, созданных кривыми зеркалами собственных умов. Более того, приступая к изучению природы, следует безо всяких оговорок объявить: в царство человеческого познания, как и в царствие небесное вы не сможете войти «если не будете как дети»²¹.

Список литературы

- Bacon F.** The Oxford Francis Bacon IV: The Advancement of Learning, ed. by Michael Kiernan. Oxford University Press, 2000.
- Bacon F.** Valerius Terminus of the Interpretation of Nature with the Annotations of Hermes Stella // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. Internet resource. <https://archive.org/details/worksfranciscabaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Bacon F., Farrington, B.** The Philosophy of Francis Bacon: An Essay on Its Development from 1603-1609, with New Translations of Fundamental Texts. Liverpool, Liverpool University Press, 1964.
- Davis, J. C.** Utopia and the Ideal Society: a Study of English Utopian writing, 1516-1700. Cambridge, England, Cambridge University Press, 1983.
- Ellis, R. L.** Preface to Valerius Terminus. // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. Internet resource. <https://archive.org/details/details/worksfranciscabaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Serjeantson, R.** The Philosophy of Francis Bacon in Early Jacobean Oxford, with an Edition of an Unknown Manuscript of the 'Valerius Terminus.' The Historical Journal, 2013, vol. 56 № 4, p. 1087-1106.
- Serjeantson, R.** Francis Bacon's Valerius Terminus and the Voyage to the "Great Instauration". Journal of the History of Ideas, 2017, vol. 78, p. 341-368.

References

- Bacon F.** The Oxford Francis Bacon IV: The Advancement of Learning, ed. by Michael Kiernan. Oxford University Press, 2000.
- Bacon F.** Valerius Terminus of the Interpretation of Nature with the Annotations of Hermes Stella // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. Internet resource. <https://archive.org/details/worksfranciscabaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022

²¹ Мф 18:1-4.

- Bacon F., Farrington, B.** The Philosophy of Francis Bacon: An Essay on Its Development from 1603-1609, with New Translations of Fundamental Texts. Liverpool, Liverpool University Press, 1964.
- Davis, J. C.** Utopia and the Ideal Society: a Study of English Utopian writing, 1516-1700. Cambridge, England, Cambridge University Press, 1983.
- Ellis, R. L.** Preface to Valerius Terminus. // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol.6. 1900. Internet resource. <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> Accessed: 25.07.2022
- Serjeantson, R.** The Philosophy of Francis Bacon in Early Jacobean Oxford, with an Edition of an Unknown Manuscript of the 'Valerius Terminus.' The Historical Journal, 2013, vol.56 №4, p. 1087-1106.
- Serjeantson, R.** Francis Bacon's Valerius Terminus and the Voyage to the "Great Instauration". Journal of the History of Ideas, 2017, vol.78, p. 341-368.

Сведения об авторе

Мархинин Василий Васильевич, кандидат философских наук,
Доцент кафедры политологии, Сургутский государственный университет
(ул. Ленина, 1, Сургут, 628403, Россия)

Information about the Author

Markhinin Vasily Vasil'evitch, Candidate of Sciences (Philosophy),
Docent, Department Politology, Surgut State University (1, Lenina st., Surgut,
628403, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 28.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.*

*The article was submitted 29.06.2022;
approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.*

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-113-126

У. Хьюэлл: индукция и дедукция в *Novum Organon Renovatum*

Алина Сергеевна Омолоева

Алина Евгеньевна Симбирцева

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

a.omoloeva@g.nsu.ru

a.simbirtseva@g.nsu.ru

Аннотация

Цель работы – раскрыть соотношение индукции и дедукции в трактате У. Хьюэлла «*Novum Organon Renovatum*». Со времен Аристотеля индукция и дедукция интерпретируются как независимые и даже «противоположные» выводы (способы связи посылок и заключения), однако в модели У. Хьюэлла эта интуиция нарушается. Опираясь на современную ему практику конкретных естественных наук, У. Хьюэлл достаточно обоснованно приходит к выводу, что «Аристотель упускает из виду шаг, который имеет гораздо большее значение для наших знаний, а именно изобретение второго крайнего термина», и что «индукция движется вверх, а дедукция – вниз по одной и той же лестнице». В конечном итоге, оценивая вклад У. Хьюэлла в закрепление классического образа науки, можно отметить, что его тезис о том, что «дедукция обосновывает индукцию», гораздо больше соответствует инструментализму Э. Маха и А. Пуанкаре, чем индуктивизм Дж. Милля.

Ключевые слова

индукция, дедукция, гипотетико-дедуктивная модель, уточнение понятий, сопоставление фактов, наука XIX века, Ф. Бэкон, Аристотель

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Омолоева А. С., Симбирцева А. Е. У. Хьюэлл: индукция и дедукция в *Novum Organon Renovatum* // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 113–126. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-113-126

© Омолоева А. С., Симбирцева А. Е., 2022

W. Whewell: Induction and Deduction in *Novum Organon Renovatum*

Alina S. Omoloeva

Alina E. Simbirtseva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

a.omoloeva@g.nsu.ru
a.simbirtseva@g.nsu.ru

Abstract

The paper aims to expose the induction – deduction relation within W. Whewell's treatise «*Novum Organon Renovatum*». Since Aristotle's time, induction and deduction have been interpreted as independent and even «opposite» inferences (ways of connecting premises and conclusions), but this intuition is violated in W. Whewell's works. Based on contemporary practice of some specific natural sciences W. Whewell quite reasonably concludes that “Aristotle overlooks a step which is of far more importance to our knowledge, namely, the invention of the second extreme term” and that “induction moves upward, and deduction downwards the same stair”. Ultimately, assessing the contribution of W. Whewell to the development and consolidation of the classical image of science, it can be noted that his thesis that “deduction justifies induction” is much more in line with the instrumentalism of E. Mach and A. Poincaré than J. Mill's inductivism.

Keywords

induction, deduction, hypothetico-deductive model, explication of concepts, colligation of facts, 19th century science, F. Bacon, Aristotle

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Omoloeva A. S., Simbirtseva A. E. W. Whewell: Induction and Deduction in *Novum Organon Renovatum*. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 113–126. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-113-126

У философов существует давняя традиция отдавать дань великим предшественникам в названиях своих работ. Достаточно вспомнить «О Природе» Парменида или «критики» И. Канта, и количество работ, которые были названы в похожей манере. Есть такая традиция и вокруг «Органона» Аристотеля. Фрэнсис Бэкон пишет «*Novum Organum Scientiarum*» (1620), а Уильям Хьюэлл «*Novum Organon Renovatum*» (1858). И если работа Ф. Бэкона широко известна, речь шла о критике Аристотеля и обосновании революционного для своего времени тезиса о том, что индукция является легитимным источником знания о мире, то работа У. Хьюэлла в этом плане, конечно, не такая известная. Можно даже предположить, что другая работа У. Хьюэлла «Философия индуктивных наук» (1840) известна гораздо больше, в первую очередь как объект критики Дж. Милля в «Системе логики» (1843) и О. Конта в «Рассуждении о позитивизме» (1848). Между тем рискнем предположить, что идеи, заложенные в «*Novum Organon Renovatum*», не просто не уступают бэконовским, но и в ряде моментов оказываются гораздо

более жизнеспособными. Выберите случайного ученого и спросите его, как часто на практике он обращается к тому, что мы знаем как «методы Бэкона–Милля»? И, несомненно, по крайней мере те, у кого в университете был курс философии науки, смогут ответить, что смысл деятельности ученого, по Ф. Бэкону, состоит в том, чтобы производить опыты, потом обобщать результаты наблюдений и экспериментов и тем самым выстраивать объясняющие гипотезы. Количество тех, кто сейчас на практике пользуется «методами Бэкона–Милля», вряд ли можно назвать большим¹. Вместе с этим, уже полтора века гипотетико-дедуктивная модель У. Хьюэлла, по сути, является единственной моделью развития и обоснования научного знания². Каждый знает, что теория проверяется по ее следствиям и что новая теория лучше старой не только потому, что решает проблемы, которые старая не решала, но и потому, что открывает возможность исследовать новые пространства проблем, так как она шире по содержанию потенциально дедуцируемых из нее следствий. В этом смысле значение «*Novum Organon Renovatum*» сложно переоценить. И конечно, большую роль в обосновании последующей успешности идей У. Хьюэлла сыграли его собственные интерпретации индукции и дедукции.

Книга отвечает всем каноническим представлениям о классическом трактате. У. Хьюэлл оформляет начало каждой главы в виде списка «афоризмов», содержащих идеи, более подробно раскрываемые в тексте самой главы³. Данный факт можно расценивать как тонкую отсылку на «*Novum Organum*» Ф. Бэкона: «Даже если бы Новый Органон Бэкона обладал той полнотой, которую ему можно было бы придать в то время, в наше время он *нуждался бы в обновлении*. И несмотря на то что такой книги никогда не было написано, было бы весьма ценным установить тот интеллектуальный, социальный и материальный механизм, посредством которого наилучшим образом осуществляется *приращение* человеческого знания. Бэкон *мог лишь предполагать*, каким образом нужно строить науки, мы же, опираясь на их историю, способны проследить, как в *действительности* происходило их формирование» (курсив наш. – А. О., А. С.) (Цит. по: [Хьюэлл, 2018, р. 186]). Полный текст трактата включает четыре книги – книга афоризмов, «О знании», «О методах, используемых при создании науки» и «О языке науки», а также достаточно объемное приложение, озаглавленное как «Дополнительные иллюстрации афоризмов языка науки с точки зрения современного состояния науки», включающее примеры в основном из ботаники и сравнительной анатомии.

¹ Сложно говорить о всей науке, но, возможно, последнее широко известное серьезное исследование в гуманитарных науках, которое было сделано в таком стиле, – это концепция «стесненности» появления государства как института Р. Карнейро.

² При этом в доминирующей «семантической» парадигме позитивизма эта модель критикуется за то, что стала чем-то самоочевидным и фактически препятствует развитию любых других представлений «об эвиденциальном подкреплении теории» (Л. Лаудан). В более общем плане обсуждения моделей развития науки за последние годы можно вспомнить несколько проектов, предлагающих критически пересмотреть основания гипотетико-дедуктивной модели У. Хьюэлла, – например, проект Р. Дэвида по расширению гипотетико-дедуктивной модели за счет включения в нее «иронической науки» (теория струн); проект С. Вольфрама, предусматривающий отказ от гипотетико-дедуктивной модели и всего сопутствующего понимания развития науки ввиду успехов применения теории конечных автоматов.

³ Полный постраничный текст оригинала доступен на сайте «Hathi Trust Digital Library» (<https://www.hathitrust.org/>): <https://catalog.hathitrust.org/Record/010615943> (дата обращения: 12.12.2022).

Вторая книга посвящена ключевым основаниям, на которых строится модель науки У. Хьюэлла – «уточнению понятий» (explication of concepts) и «сопоставлению фактов» (colligation of facts). Третья – наблюдению и конкретным индуктивным методам. Четвертая содержит множество примеров из зоологии, минералогии, химии, кристаллографии и других наук. Наша цель – не выходя за рамки трактата кратко остановиться на основных моментах понимания У. Хьюэллом соотношения индукции и дедукции. Не только потому, что это важно с точки зрения анализа оснований современного понимания науки, но и потому, что сами по себе акценты, например, на том, что «напрасно надеяться, как надеялся Бэкон, найти Органон, который позволит любому человеку конструировать научные истины. Такого Органона не может быть. Практическим результатом философии науки должны быть не наставления и методы для использования в будущем, а, скорее, анализ и классификация того, что уже было сделано» (курсив наш. – А. О., А. С.) (р. v) или что «здесь Аристотель упускает (overlooks) из виду шаг, который имеет гораздо большее значение для наших знаний, а именно *изобретение* (invention) второго крайнего термина» (курсив наш. – А. О., А. С.) (р. 75), – делают эту работу У. Хьюэлла, по крайней мере, интересной с точки зрения реконструкции того, что происходило в условной «философии науки» в середине XIX века⁴.

Ниже мы, в основном на материале второй и третьей книг, определим понятие «индукция» по У. Хьюэллу, обозначим связанные с ним термины («понятие», «идея», «факт» и т. д.), а также приведем соображения У. Хьюэлла по поводу проверки индуктивной гипотезы, обращая особое внимание на роль дедукции в данном процессе. Наша исходная гипотеза заключается в том, что, апеллируя к современной ему практике конкретных естественных наук, У. Хьюэлл достаточно обоснованно приходит к выводу, что дедукция «подтверждает» индукцию. Со времен Аристотеля индукция и дедукция интерпретируются как независимые и даже «противоположные» выводы (способы связи посылок и заключения), однако в модели У. Хьюэлла эта интуиция нарушается. Научное знание имеет двойственную природу: оно объективно, так как опирается на множество эмпирических фактов, но и субъективно, так как ученый рассматривает данные факты, накладывая на них подобранные понятия, которые соответствуют тем или иным «фундаментальным идеям». Этот процесс сбора фактов и соединения их с подходящими понятиями и составляет суть индукции, в ходе которой сам акт мышления создает новый объединяющий элемент. В этом добавлении и заключается различие аристотелевского и уэвеловского понимания индукции. Дедукция же необходима как демонстрация истинности результатов индукции. Научное открытие – индуктивный процесс, обоснование полученной гипотезы – дедуктивный.

Индукция и новые научные истины

Решая задачу об открытии новых научных истин, У. Хьюэлл вводит собственное понимание «индукции первооткрывателей», посредством которого и работает наука. В афоризме XIII У. Хьюэлл приводит такое определение индукции:

⁴ Здесь и далее в круглых скобках будут даваться страницы, на которых приводятся отмеченные цитаты, по тексту «Novum Organon Renovatum» [Whewell, 1858].

«Индукция – термин, применяемый для описания процесса правильного сопоставления фактов посредством точного и уместного понятия (conception)» (р. 70). Индуктивное рассуждение включает в себя два связанных друг с другом процесса: объяснение (или выражение) понятий и сопоставление фактов. Такое соединение идей и фактов гарантирует, что вывод, полученный путем индукции, будет являться, во-первых, знанием, а во-вторых, знанием о явлениях, принадлежащих внешнему миру, «индуктивный вывод не только согласуется с фактами, но и необходим». Однако такая индукция уже не является простым накоплением результатов проведенных экспериментов. В афоризме XIV содержится пояснение, что опыт не может привести нас к универсальным и необходимым истинам: «Ни к универсальным, потому что она [индукция] перепробовала не все случаи. Ни к необходимым, потому что необходимость (necessity) это не то, о чем может свидетельствовать опыт» (р. 7). Поэтому важно добавить в схему индуктивного рассуждения понятие, только оно делает вывод демонстративным, позволяет придать гипотезе эпистемический статус научного знания, а следовательно, как мы увидим далее, возможность быть обоснованной путем согласования ее следствий и результатов с явлениями: «Для того чтобы сделать вывод наглядным, каковым он и является в идеальных примерах индукции, мы должны быть в состоянии заявить, что результаты могут быть четко объяснены и строго сформулированы только с помощью определения и понятия, которые мы принимаем» (Там же). Ниже мы рассмотрим суть каждой из составляющих индуктивного вывода, но перед тем как начать более детальный разговор о процессе уточнения этих понятий, необходимо конкретизировать их существенную роль.

Согласно У. Хьюэллу, получение знаний требует включения как рациональных (идеальных), так и эмпирических элементов, – «Идей» и «Фактов». Эти «Идеи», которые он также называет «Фундаментальными Идеями», предоставляются самим разумом, они не являются выводимыми из наших наблюдений за миром. Обратим внимание на то, что фундаментальные идеи являются не следствием опыта, а результатом особой конституции и активности ума, который по своему происхождению независим от всякого опыта, хотя постоянно взаимодействует с опытом в своей деятельности. Следовательно, *разум активно участвует в наших попытках познания мира, а не просто пассивно получает данные, предоставляемые органами чувств*. Такие идеи, как пространство, время, причина и сходство, обеспечивают структуру или форму для множества ощущений, которые мы испытываем: «Идеи – это форма, а Факты – это материал структуры [знания]» (р. 72). Фундаментальные идеи, по мнению У. Хьюэлла, точно представляют объективные характеристики мира, независимые от мыслительных процессов, и мы можем использовать эти идеи, чтобы вырабатывать знания об этих объективных характеристиках.

У. Хьюэлл считает, что наше наблюдение насыщено идеями, а любой результат этого наблюдения включает в себя «бессознательный вывод» с использованием основных идей. Каждая индуктивная наука имеет свою особую фундаментальную идею, которая необходима для организации фактов, которыми занимается эта наука: «Наблюдаемые Факты соединяются таким образом, чтобы порождать новые истины, путем наложения на них Идеи: и такие истины получаютс

тем Индукции» (р. 6). Но чтобы соединить два разных онтологических объекта и оперировать результатами этого соединения для выведения новых результатов, необходима промежуточная «интеллектуальная модификация» идеи – понятие (conception), которое по своей природе сохраняет истинность, но также может быть соотнесено с фактом. Однако на данном этапе может возникнуть трудность с определением «ясного» (clear) и «уместного» (appropriate) понятия, так как связь идей и понятий не является самоочевидной. Понятия каким-то образом «подходят» к различным наукам, но ученые как авторы теорий могут подобрать набор и не подходящих к фундаментальной идее понятий, и тогда дальнейший процесс индуктивного рассуждения не принесет необходимого результата.

Таким образом, в научном открытии мы имеем, с одной стороны, ссылку на факты, а с другой – на идеи, а более непосредственно – на понятия. Соответственно У. Хьюэлл представляет индукцию как процесс, проходящий три этапа (одновременно подразумевая, что в процессе практики создания научной теории все они будут происходить вместе):

(1) выбор (фундаментальной) идеи, такой как пространство, число, причина, сходство и т. д.;

(2) формирование понятия (крут, единая сила, количество и т. д.), то есть проекции этих идей на единичные факты, а также параллельный процесс разложения (decomposition) фактов; и

(3) сопоставление фактов, определение конкретных величин, значений.

Прежде всего ученый пытается раскрыть виды условий, обстоятельств, которые порождаются его фундаментальными идеями. Затем на ментальном уровне последует выражение понятий. Концепции должны быть тщательно развернуты, чтобы ясно увидеть элементы истины, которыми они отмечены с момента их происхождения от идей. Каким-то образом ученый пытается выразить их ясно и отчетливо. Далее он пытается увидеть, какие идеи и, соответственно, понятия подходят для какой области науки. Параллельно с этим при разложении фактов он должен разложить сложные явления, которые предлагает нам природа, и смешанные и многообразные способы рассмотрения этих явлений, возникающие в наших мыслях, на ограниченные, определенные и ясно понимаемые части, единичные факты. В результате ученому необходимо сопоставить полученные факты воедино с помощью установленного ясного и уместного понятия.

Факты и понятия

В процессе декомпозиции фактов ключевым элементом является ответ на вопрос о том, какие факты следует сделать предметом науки. У. Хьюэлл уточняет, что это должны быть «истинные» факты, в отличие от каких-либо простых умозаключений или наших собственных мнений. Однако он утверждает, что не существует такой вещи, как факт, в который идеи не входят в качестве существенного элемента: «Мы не можем получить надежную основу Фактов, отвергая все наши собственные выводы и суждения, ибо умозаключения и суждения составляют неизбежный элемент всех фактов. Мы не можем исключить наши идеи из наших восприятий, ибо наши восприятия включают в себя наши идеи» (р. 53). Следо-

вательно, решение этой трудности следует искать не в стремлении исключить идеи из фактов, а скорее в попытке «различить с совершенной отчетливостью Идеи, которые мы включаем» (р. 54). Факты «должны наблюдаться, насколько это возможно, в отношении места, фигуры, числа, движения и подобных понятий; которые, в зависимости от Идеи Пространства и Времени, являются наиболее универсальными, точными и простыми из наших понятий» (Там же). Более того, мы не должны ограничиваться ими, необходимо рассматривать явления в отношении также и к другим понятиям. Этот процесс исключения эмоциональных элементов и включения только определенных идейных (относящихся к идеям) отношений времени, пространства, причины в зарегистрированные нами наблюдения фактов и есть то, что У. Хьюэлл подразумевает под разложением сложных фактов опыта в элементарные. И хотя обладания такими элементарными фактами, «ясно понятыми и достоверно установленными», недостаточно для открытия законов природы, тем не менее этот шаг необходимо должен предшествовать любому открытию. Разложение сложных фактов на простые обычно приводит к введению технических терминов, которыми описываются простые факты.

Смысл уточнения понятий заключается в их конкретизации, специфической «модификации» фундаментальных идей с целью объединения разрозненных фактов в одно целое понятие, позволяющее сразу увидеть объединяющий эти факты закон, такой шаг необходим по причине того, что фундаментальные идеи обеспечиваются нашим разумом, но не могут быть использованы в своей внутренней форме. Ученый в процессе научной мысли «разворачивает» их, делает четкими и понятными. Подобрал подходящее понятие, ученые объясняют его в своем сознании, пробуют применить его к уже исследованным фактам, выявить степень соотнесенности этого обобщающего факты понятия с законом. Завершенным и успешным этот процесс можно назвать, если образовано понятие, в наибольшей мере подходящее для выявления объединяющей рассматриваемые факты закономерности. Однако уточнение понятий не ограничивается только изобретением этого нового, объединяющего факты понятия, в данном процессе также происходит и прояснение как самой фундаментальной идеи, так и конкретных форм ее выражения, включающих в себя понятия, – принципов, определений и аксиом. Говоря о значимости уточнения понятий, У. Хьюэлл ссылается и на то, что этот процесс как часть индуктивного рассуждения исключает случайные открытия, полученные из чистого и независимого от разума и теории наблюдения: «Каким бы образом факты ни были представлены вниманию исследователя, они никогда не смогут стать материалом для точного знания, если только его разум не будет снабжен точными и подходящими понятиями, с помощью которых они могут быть проанализированы и связаны» (р. 46)

Сопоставление фактов, согласно У. Хьюэллу, – это термин, который может быть применен «к каждому случаю, в котором актом интеллекта мы устанавливаем точную связь между явлениями, представляемыми нашим чувствам» (р. 60). Это процесс обобщения, или связывания элементарных фактов с помощью полученных и объясненных в процессе уточнения понятий. Здесь необходимо сделать важное замечание, что такое обобщение не представляет собой простое сложение двух фактов, ключевая роль данного процесса – это фиксация нового понятия:

«Отдельные факты не просто сводятся воедино, но к этому соединению добавляется новый элемент самым актом мысли, посредством которого они объединяются. Существует введенное в общую пропозицию понятие, которого не существовало ни в одном из наблюдаемых фактов» (р. 72). Далее У. Хьюэлл уточняет суть этого нового понятия следующим образом: «В каждый вывод, сделанный путем индукции, вводится некоторая общая концепция, которая дается не явлениями, а умом. Вывод не содержится в предпосылках, но включает их путем введения новой общности (New Generality). Чтобы сделать наш вывод, мы выходим за рамки рассматриваемых нами случаев; мы рассматриваем их просто как примеры некоего идеального случая, в котором отношения являются полными и понятными. Мы берем стандарт и измеряем по нему факты; но этот стандарт сконструирован нами, а не предложен природой» (р. 73). Отмечается еще один важный момент: происхождение этого нового понятия уже отвлечено от явления, новое понятие, ранее недоступное в известных данных (evidence), теперь объединяет эти данные, выходя за их пределы как в общности, так и в абстрактности.

Индукция

Индукция совершает открытие, обеспечивает скачок познания. Наряду с понятиями, которые мы уже использовали для того, чтобы сопоставить именно выбранные факты, появляется новое, которое после успешного обоснования (ход которого мы рассмотрим в следующем параграфе) будет восприниматься как часть факта и станет одной из посылок для следующей цепочки индуктивного рассуждения. Заключение не содержится в посылках, но обеспечивается именно указанным наличием нового понятия. Отсюда проводится тонкое, но значимое различие в понимании индукции между Аристотелем и У. Хьюэллом. «Следовательно, в каждом выводе с помощью индукции есть некоторая концепция, наложенная на факты, и мы можем отныне понимать, что это является особым значением термина “индукция”. Меня не следует понимать как утверждающего, что этот термин первоначально или в древности использовался с таким понятием его значения; ибо особенность, только что указанная в Индукции, обычно упускалась из виду. Аристотель полностью обращает свое внимание на доказательства вывода; и упускает из виду шаг, который имеет гораздо большее значение для наших знаний, а именно изобретение второго крайнего термина» (р. 74).

Разберем пример, который приводит У. Хьюэлл. Рассмотрим силлогизм:

«Меркурий, Венера, Марс описывают эллипсы вокруг Солнца;

Все Планеты совершают то же, что и Меркурий, Венера, Марс;

Таким образом, все Планеты описывают эллипсы вокруг Солнца» (Там же).

У. Хьюэлл отмечает, что для Аристотеля «индукция – это когда с помощью одного крайнего термина мы выводим, что другой крайний термин верен для среднего термина. Таким образом, зная, что Меркурий, Венера, Марс описывают эллипсы вокруг Солнца, мы делаем вывод, что все Планеты описывают эллипс вокруг Солнца. Делая этот вывод силлогистически, мы предполагаем, что очевидное утверждение “Меркурий, Венера, Марс совершают то, что совершают все Пlane-

ты” может быть употреблено наоборот “Все Планеты совершают то же, что Меркурий, Венера, Марс”» (р. 75).

Аристотель действительно определял таким образом один из видов индукции – полную. Индуктивное умозаключение доказывает, что больший термин приписывается среднему через меньший, то есть среднему термину (который в силлогизме меньший) в качестве предиката приписывается больший только при условии того, что больший присущ каждому объекту из объема среднего. То есть в аристотелевском понимании индукции ключевым является включенность объема среднего термина в объем большего, в то время как хьюэлловское понимание индукции подчеркивает важность «открытия второго крайнего термина». В приведенном примере этот второй крайний термин – эллиптическое движение: «Мы знаем, как долго Кеплер трудился, прежде чем наткнулся на этот термин, Эллиптическое Движение, он отверг, как мы знаем, многие другие “вторые крайние термины”, например, различные комбинации эпициклических конструкций, потому что они не представляли с достаточной точностью особые факты наблюдения» (р. 75). Можно предположить, что причиной этому послужил тот факт, что при смысловой замене эллипса другим понятием форма силлогизма все равно сохранилась бы, а значит Аристотель бы все еще назвал это индукцией. Однако согласно концепции У. Хьюэлла, *индуктивным данное рассуждение может являться только при условии использования точного и подходящего понятия*, то есть именно понятия «эллипс», его замена приведет к невозможности построения следующей цепочки индукций, а значит, такая замена будет ошибочной.

Следует отметить, что рассмотренный пример У. Хьюэлла подвергся критике: «На это можно было бы возразить, что первоначальный вклад Кеплера состоял ни в малейшей степени не в изобретении концепции эллипса, которая была сформулирована гораздо раньше, а в осмыслении ее в связи с попыткой сформулировать общую теорию описания движения Марса; и поэтому то, что Хьюэлл назвал сущностью индуктивного шага “изобретением концепции”, является неудачным» [Ducasse, 1951, p. 219]. Однако, на наш взгляд, такое критическое замечание относится лишь к содержанию приведенного У. Хьюэллом примера, но *не опровергает* проведенного различия в понимании индукции. Понятие и утверждение (которое содержит в себе понятие), не только достаточны для выражения всех фактов, но и необходимы. Табличное расположение индуцированных пропозиций в порядке возрастания общности Хьюэлл считает настолько ценным, что он называет такие таблицы критерием истинности для теории, которую они составляют. С помощью этих таблиц, утверждает У. Хьюэлл, выявляется свидетельство в пользу нашей индукции, оно приобретает более ярко выраженный характер, когда она позволяет нам объяснять случаи вида, отличного от тех, которые были рассмотрены в формировании гипотезы. То есть результаты индукции, полученные при обобщении одного класса явлений, оказываются неожиданно приложимыми к другому их классу, то есть совпадающими. У. Хьюэлл называет это «согласованием индукций». Согласование индукций фактически является результатом двух или более индукций, приводящих к одному общему утверждению. Как отмечает в Афоризме XIV: «Соответствие индукций (consilience of inductions) имеет место, когда индукция, полученная из одного класса фактов, совпадает с индукцией,

полученной из другого, отличного класса. Это соответствие есть проверка теории, в которой оно имеет место» (р. 70–71).

Такое согласование индукций у У. Хьюэлла в сочетании с согласием гипотезы с фактами является теоретическим критерием ее проверки. Теория, строящаяся на основе согласования индукций, отличается от соперничающих с ней относительной простотой и меньшим количеством допущений, объясняющих определенный набор фактов. Результат совпадения индукций – индукция более высокого уровня, связывающая индуктивные обобщения фактов, она будет выражена в изобретении нового закона или новой научной теории. Отметим также, что согласование индукций не является единственным критерием подтверждения истинности гипотезы. Такие критерии характеризуются У. Хьюэллом как, во-первых, то, что «наши гипотезы должны предсказывать явления, которые еще не наблюдались» (р. 86); во-вторых, гипотезы должны «объяснять и определять случаи иного рода, чем те, которые рассматривались при формировании» этих гипотез (р. 88); и в-третьих, истинные гипотезы имеют тенденцию со временем «становиться более последовательными» (р. 91).

Таким образом, «метод открытия» для У. Хьюэлла – это все еще индукция, она включает в себя два процесса: уточнение понятий (поиск наиболее подходящего понятия для связи фактов с идеями) и сопоставление фактов (соединение фактов с помощью выбранного понятия). Но это уже не аристотелевская индукция, это мыслительный акт, в ходе которого не только объединяются факты, но и рождается новое понятие. Это понятие в дальнейшем становится одной из посылок к другим индукциям, результаты которых могут совпадать. Такое явление названо «согласованием индукций» и выполняет роль критерия адекватности гипотез данным наблюдения.

Дедукция и проверка научной теории

Учитывая центральное положение индукции в концепции У. Хьюэлла, можно ли каким-то образом объяснить то, почему ее называют «гипотетико-дедуктивной»? Модель У. Хьюэлла носит название «гипотетико-дедуктивной», так как она предполагает четкое схематическое соотнесение «гипотезы», «индукции» и «дедукции».

В рамках этой модели научное исследование начинается с индуктивного процесса формулирования гипотезы, которая представляет собой предварительное объяснение наблюдаемых фактов или явлений. Далее, с использованием дедуктивного рассуждения, из этой гипотезы выводятся логические следствия и предположения, которые могут быть подвергнуты проверке: «Геометрическая дедукция (как и дедукция вообще) называется Синтезом, потому что на последовательных этапах вводятся результаты новых принципов» (р. 11–12). Однако У. Хьюэлл не ограничивает роль дедукции простым выводом результатов из полученных гипотез. Индуктивное и дедуктивное рассуждение тесно связаны, более того, не могут быть изолированы друг от друга. Основным пунктом определения этой связи станет утверждение, согласно которому *не бывает истинных индукций без соответствующих дедукций*.

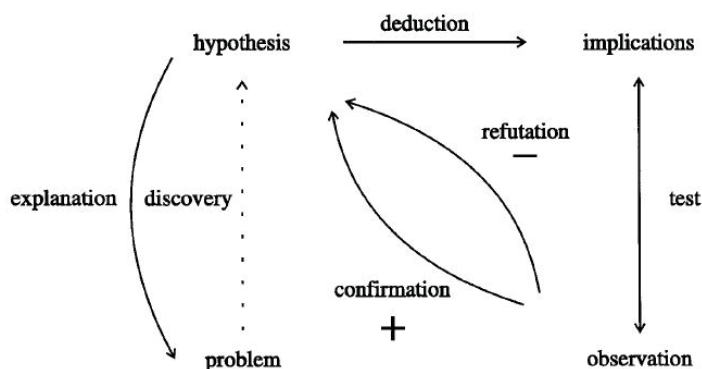

Рис. 1. Гипотетико-дедуктивная модель развития науки [Niiniluoto, 1999, p. 175]

Pic. 1. The hypothetico-deductive model of science [Niiniluoto, 1999, p. 175]

Дедуктивное рассуждение акцентирует внимание на логическом выводе и использовании общепринятых принципов в научных исследованиях. Индукция обеспечивает скачок сознания, во многом зависящий от «проницательности» ученого, подобравшего подходящее понятие к имеющимся эмпирическим фактам: «Мы можем принять в качестве нашей формулы для объединения фактов путем индукции следующее: несколько фактов точно выражаются как один факт, если и только если мы принимаем понятие и утверждение» (р. 113). И далее: «Я уже говорил, что ум должен быть должным образом дисциплинирован, чтобы он мог видеть необходимую связь между фактами и общим положением, в которое они включены. И восприятие этой связи, хотя и рассматривается как один шаг в нашем индуктивном умозаключении, может подразумевать множество шагов демонстративного доказательства» (там же). Частный случай включен в общий, то есть может быть выведен из него, однако этот вывод может включать множество цепочек рассуждения. Индукция включает в себя множество этапов дедукции. То есть совершая индуктивное открытие, мы одновременно можем и должны «вернуться» от полученного в результате факта (частью которого уже является понятие, соотнесенное с ним) к фактам, являющимся предпосылками для индукции. У. Хьюэлл также отмечает, что для возможности повторения такого движения индукция (дедукция по определению) должна обладать некоторой степенью очевидности вывода: «Логика индукции состоит в изложении фактов и умозаключений таким образом, чтобы очевидность вывода была явным признаком (manifest); точно так же логика дедукции состоит в изложении посылок и заключения таким образом, чтобы очевидность заключения была явным признаком» (р. 97).

Дедукция выступает в роли демонстрации, и что более важно – в роли обоснования индукции. Один проницательный индуктивный шаг подтверждается цепочкой выверенных дедуктивных рассуждений. У. Хьюэлл сравнивает такую проверку с процессом бухгалтерского учета из-за тщательности и скрупулезности необходимых для дедуктивной демонстрации промежуточных вычислений, не явно усматриваемых в процессе индукции: «В таких случаях, хотя индуктив-

ный шаг, изобретение понятия, действительно является наиболее важным, все же, поскольку, будучи однажды осуществленным, он занимает привычное место в умах людей; и поскольку дедуктивная демонстрация имеет значительную длину и требует интеллектуальных усилий, чтобы следовать каждому ее шагу; люди часто восхищаются дедуктивной частью предложения, геометрическим или алгебраическим доказательством гораздо больше, чем той частью, в которой действительно заключена философская ценность» (р. 113). В дедуктивных рассуждениях предполагаются общие принципы, а главное затруднение заключается в их применении и сочетании в конкретных случаях, прием, который, в таком случае, позволяет нам судить о том, являются ли наши рассуждения окончательными, – это силлогизм, именно эта форма, наряду с относящимися к ней правилами, фактически снабжает нас критерием дедуктивного или демонстративного рассуждения. «Дедуктивное рассуждение – это, по сути, набор силлогизмов, как уже было сказано; и в таких рассуждениях общие принципы, определения и аксиомы обязательно находятся в начале демонстрации. При индуктивном умозаключении определения и принципы являются конечным результатом рассуждения и доказательства» (р. 114). Когда индуктивная пропозиция должна быть установлена путем доказательства, включающего несколько этапов демонстрации, формулировка этой пропозиции будет содержать принципы, на которых дедуктивное рассуждение основывается как на аксиомах, но которые все еще являются выводами индукции. Факты, лежащие в основе индукции, являются завершением цепочки дедуктивных шагов: *«Дедукция устанавливает индукцию. Принцип, который мы выводим из фактов, верен, потому что факты могут быть выведены из него путем строгой демонстрации»* (курсив наш. – А. О., А. С.) (Там же). Выше, рассуждая об индукции, У. Хьюэлл приводит пример с движением планет. В данном случае основанием индукции является наблюдение, что все планеты движутся одинаково, а заключением – по эллиптическим орбитам. И У. Хьюэлл утверждает, что в каком-то смысле «из заключения индукции должны следовать основания индукции» (из движения всех планет по эллипсу следует, что каждая движется по эллипсу) – между заключением индукции и посылками есть дедуктивная связь: «Гипотеза дедуктивного рассуждения является выводом индуктивного процесса. Отдельные факты, которые являются основанием индуктивного вывода, [также] являются заключениями дедукции. *Заключение, которое мы выводим из фактов, является истинным, потому что факты могут быть выведены из него путем строгой (rigorous) демонстрации. Индукция движется вверх, а дедукция – вниз по одной и той же лестнице»* (курсив наш. – А. О., А. С.) (р. 114)⁵.

Очевидно, У. Хьюэлл действительно зашел так далеко, чтобы сказать, что «без соответствующих дедукций у нас нет настоящих индукций». Эти два процесса являются разными сторонами одной медали. «Дедукция – необходимая часть индукции. Дедукция с помощью расчета оправдывает то, о чем счастливо догадалась индукция. Каждый шаг индукции должен быть подтвержден строгим дедуктивным рассуждением, сопровождаемым такими подробностями, какие требуются с учетом природы и сложности соотношений» (р. 115). Для У. Хьюэлла деятельность

⁵ И естественно, ключевым здесь уже является то, что «основное дело было в том, чтобы изобрести (invent) и проверить (verify) пропозиции, касающиеся эллиптического движения [планет]» (р. 75).

ученого – это соединение индуктивного открытия и дедуктивного обоснования. Примечательно то, что такой взгляд, скорее всего, и мог послужить основанием того, что впоследствии, уже в конце XIX века, будет закреплено в инструментализме Э. Маха и А. Пуанкаре (см., например: [Psillos, 1999]). Сопоставление Идей и Фактов есть «акт мысли», умственная операция, состоящая в соединении ряда эмпирических фактов путем «сверхиндукции» к ним понятия, объединяющего факты и делающего их способными быть выраженными в общих законах: «Возникающие предположения и понятия должны постоянно проверяться с помощью наблюдений и опыта. В обоих случаях мы должны, насколько это возможно, разработать гипотезы, которые, когда мы проверяем их таким образом, демонстрируют те признаки истинности, о которых мы уже говорили, – согласие с фактами, которые выдержат самое трепетное и строгое исследование; обеспечение достоверного предсказания результатов непроверенных случаев; прогрессивную тенденцию схемы к *простоте и единству*» (р. 43). Представления о том, что «наука – это экономия мышления», о том, что цель науки – это «анализ и классификация», в том смысле, что «простота и единство» (унификация описания явлений на одном основании) – это главное условие, которому должна удовлетворять хорошая теория, которая в идеале и будет «естественной классификацией явлений», – все они уже есть в рассуждениях У. Хьюэлла. На наш взгляд, тот образ науки, который был закреплен к концу XIX века и который сейчас считается классическим, гораздо проще содержательно укоренить в работах У. Хьюэлла, чем в работах Дж. Милля или Ф. Бэкона.

Список литературы

- Хьюэлл У.** Novum Organon Renovatum: Предисловие, Книга I. Афоризмы, касающиеся идей / Пер. с англ. А.Л. Никифорова // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 186–211.
- Ducasse C.** Whewell's Philosophy of Scientific Discovery // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No. 2. P. 213–234.
- Niiniluoto I.** Critical Scientific Realism. Oxford University Press, 1999.
- Psillos S.** Scientific Realism: How Science Tracks Truth. Routledge, 1999.
- Whewell W.** Novum Organon Renovatum. London: John W. Parker and son, 1858.

References

- Ducasse C.** Whewell's Philosophy of Scientific Discovery // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No. 2. P. 213–234.
- Niiniluoto I.** Critical Scientific Realism. Oxford University Press, 1999.
- Psillos S.** Scientific Realism: How Science Tracks Truth. Routledge, 1999.
- Whewell W.** Novum Organon Renovatum. L.: John W. Parker and son, 1858.
- Whewell W.** Novum Organon Renovatum: Preface, Book I. Aphorisms Concerning Ideas // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Vol. 55. No. 2. P. 186–211 (in Russian).

Информация об авторах**Омолоева Алина Сергеевна,**

Магистрант, Новосибирский государственный университет

Симбирцева Алина Евгеньевна,

Аспирант, Новосибирский государственный университет

Information about the Authors**Omoloeva Alina**

Graduate Student, Novosibirsk State University

Simbirtseva Alina,

PhD-student, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 15.12.2022;
одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 26.01.2023*

*The article was submitted 15.12.2022;
approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 26.01.2023*

Рецензия на монографию

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-127-140

**Естественная историческая установка:
объективность вместо истинности**

Рецензия на книгу:

Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Никита Владимирович Головкин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Дерек Тернер полагает, что надлежащая интерпретация концепции естественной онтологической установки А. Файна может помочь раскрыть природу различия между «историческими» (геология, археология, криминалистика) и «эмпирическими» (физика, химия) науками. С его точки зрения, очевидная асимметрия между этими науками является следствием разного понимания возможностей «манипулировать» объектами исследования и ролью, которую играют вспомогательные теории. На наш взгляд, концепция Д. Тернера – это хороший пример того, как грамотно и оригинально может выглядеть инструменталистская концепция науки. Во-первых, она «рефлексивна» в том смысле, что ставит на место других инструменталистов (конструктивный эмпиризм Б. Фраассена не принимается). И, во-вторых, она «конструктивна» – акцент на том, что «сила аргументов за или против научного реализма может меняться в зависимости от научного контекста» достаточно неожиданно приводит и к тому, что «деление идеографическое / номотетическое не является полезным», и к тому, что «эпистемическая ущербность, но одинаковый эпистемический статус». Размышления о книге: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Ключевые слова

исторические науки, эмпирические науки, знание о прошлом, обоснование, объективность, Д. Тернер, К. Клилэнд, А. Файн

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

© Головкин Н. В., 2022

Для цитирования

Головко Н. В. Естественная историческая установка: объективность вместо истинности. Рец. на кн.: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 127–140. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-127-140

Natural Historical Attitude: Objectivity Before Truth

Book Review:

Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Nikita. V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

Derek Turner believes that a proper interpretation of Arthur Fine's natural ontological attitude can help to reveal the nature of the difference between «historical» (geology, archeology, forensics) and «empirical» (physics, chemistry) sciences. From his point of view, the apparent asymmetry between these sciences is a consequence of different understanding of the possibilities to «manipulate» the objects of study and the role played by background theories. In our opinion, Turner's concept is a good example of how profound and inviting the instrumentalistic concept of science could be. First, it is «reflexive» in the sense that it constrained other instrumentalist theories (B. Fraassen's constructive empiricism deeply flawed). And secondly, it is «constructive» – the emphasis that «the strength of arguments for or against scientific realism can vary depending on the scientific context» quite unexpectedly leads to the fact that «ideographic / nomothetic division is not very helpful», and to the fact that «epistemic disadvantage, but the same epistemic status». Reflections on the book: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge University Press, 2007.

Keywords

historical sciences, empirical sciences, knowledge of the past, justification, objectivity, D. Turner, C. Cleland, A. Fine

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Golovko N. V. Natural Historical Attitude: Objectivity Before Truth. Book Review: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge University Press, 2007 *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 127–140. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-127-140

Первое, на что наверняка обратит внимание отечественный читатель, открыв книгу Дерека Тернера, – это то, что термин «исторические науки» относит-

ся не только к истории, как к гуманитарной науке «о фактах и закономерностях исторического развития, об эволюции общества и отношений внутри него, обусловленных человеческой деятельностью на протяжении многих поколений»¹. Большую часть книги автор не будет говорить об истории вообще. «Исторические науки», – это в первую очередь: доисторическая археология, геология, эволюционная биология, палеонтология, отчасти медицина (особенно в той ее части, где мы говорим о патологии) и, например, криминалистика. Это сознательный выбор автора. И говоря здесь о научном реализме, мы не будем говорить о Геродоте, Э. Гиббоне, А. Тойнби и Ф. Броделе, об историографии, методологии, объяснении в гуманитарных науках, рабочем платонизме историков и конструировании социальной реальности. В первую очередь мы будем говорить о разнице в понимании природы объектов, которые изучает физика и близкие ей по духу дисциплины (электрон, ковалентная связь и т. д.), и понимании природы таких объектов, как цвет перьев динозавров, движение тектонических плит и эволюция австралопитеков, которые, как правило, являются предметом исследования дисциплин, которые в лучшем случае мы можем охарактеризовать как «науки без дедуктивной систематизации данных». Как отмечает сам автор: «сила аргументов за или против [научного] реализма может *меняться в зависимости от научного контекста*. К сожалению, исторические науки, такие как палеобиология и геология, практически полностью исключены из обсуждения [проблем научного реализма], даже несмотря на то что мы не можем увидеть, почувствовать или наткнуться на живого динозавра в том же самом смысле, как и на рентгеновский фотон» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 2). Это большая проблема. И это именно то, что делает книгу Д. Тернера важной и даже необходимой к прочтению для тех, кто интересуется проблемами научного реализма.

Философия науки – это далеко не всегда рефлексия по поводу развития физики². После того как вы откажетесь от позитивистского представления о том, что науку наукой делает метод, что ее успешность является следствием того, что ученые следуют определенному рациональному «научному методу», и перейдете к тому, что науку нужно рассматривать через призму множества институциональных фильтров, закрепленных в организационной структуре научного сообщества, исследующего самые разные области реальности, вы уже не сможете абсолютизировать какое-то одно представление о том, что такое наука и как она работает. То же самое справедливо и для аргументации в пользу научного реализма. Универсальное представление (о методе, теории, обосновании и т. д.) работает до тех пор, пока вы не обратите внимание на различия в объектах исследования. И как только вы согласитесь с тем, что у двух «теоретических объектов» – электрона и динозавра – можно обнаружить разный смысл «теоретического», то вы автоматически должны будете различать аргументацию в пользу реального существования электрона и реального цвета перьев динозавра³. Естественно, ука-

¹ См.: История (ред. 17 ноября 2022). *Википедия. Свободная энциклопедия*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/История> (дата обращения: 01.12.2022).

² Не так давно мы разбирали учебник Дэвида Кли, который начинается с примера обсуждения онтологического статуса теоретических объектов в иммунологии (см.: [Головко, 2020]).

³ Более понятной эту идею делает указание на реально существующие в современной науке деление на «хорошие» научные теории и области знания и «менее хорошие» науки. Одно дело, когда вы

знание здесь на разницу в понимании объектов, на различия в характере эвиденциального подкрепления, на разный тип систематизации данных и т. д. не делает нас релятивистами. В любом случае мы будем иметь дело с аргументом «Чудеса не принимаются». Однако то, насколько далеко мы сможем позволить себе отойти от идеала номологического объяснения, от представления о том, что эвиденциальное подкрепление теории в конечном итоге – это проверка ее следствий, и от других, считающихся сегодня каноническими, представлений и при этом остаться реалистом, – само по себе является хорошим, на наш взгляд, не скучным вопросом. В том числе претендующим на то, чтобы сыграть определенную роль в переходе к новым парадигмам в области философии науки.

Аргумент Д. Тернера начинается с указания на, казалось бы, очевидные различия – асимметрию между «историческими» и «эмпирическими» науками (есть разница в том, как мы манипулируем объектами, и в том, какую роль играют вспомогательные теории), и заканчивается, как это ни прискорбно, выбором радикально антиметафизической позиции, более известной как «естественная онтологическая установка» А. Файна, которая в данном случае принимает вид «естественной исторической установки»: «Я не научный реалист... Естественная историческая установка – это агностицизм по отношению к прошлому: может быть мы сконструировали его, а может быть и нет. Но если мы серьезно посмотрим на лучшие теории о прошлом, то мы обнаружим, что у нас никогда не будет [достаточно] исторических данных, которые помогли бы решить в пользу (adjudicate) метафизического реализма, либо в пользу социального конструктивизма. А значит, мы должны воздержаться от суждения» (с. 4). На первый взгляд, это обычный инструменталистский тезис, – наука не про истинность знания, а про операционально значимые результаты, а значит, нам вообще не нужно задумываться о ее метафизической трактовке. «Научный реализм» в названии книги – это всего лишь дань времени. Однако при ближайшем рассмотрении книга Д. Тернера оказывается гораздо глубже. Указание на различия между «историческими» и «эмпирическими» науками нужно для того, чтобы обосновать весьма нетривиальный тезис о том, что «эпистемические различия [между историческими и эмпирическими науками] не имеют решающего значения в вопросе о статусе исторических тео-

работает с теориями, условно, «допускающими дедуктивную систематизацию данных», т. е. имеете возможность (при прочих равных и с учетом оговорок при определении «теоретического» и «эмпирического», а также понимании «реального» и «идеального» представления знания) апеллировать к законам, к гемпелевской модели (и производным от нее моделям) объяснения и, конечно, к гипотетико-дедуктивной модели обоснования знания, – как к основной и чуть ли не единственной методологической схеме, закрепляющей связь теории и данных. Здесь вы имеете полное право рассматривать каноническую интерпретацию вывода к лучшему объяснению и предложить аргумент «Чудеса не принимаются». Другое дело, когда перед вами, условно, «нарратив», который может быть весьма далек от идеала, в роли которого выступает физическая теория. Теории в области биологии, геологии, археологии и медицины никогда не будут, никогда не смогут быть такими же строгими, как теории в физике и химии, но от этого они и не являются менее обоснованными, менее «научными». Сам факт того, что в этих областях знания связь теории и данных не является следствием «априорно принятой логической схемы взаимосвязи теории и данных» (Л. Лаудан), – просто потому, например, что под «законом» здесь может пониматься любой достаточно устойчивый паттерн аргументации, в лучшем случае хорошее (по Дж. Миллю) индуктивное обобщение, – не означает, что у нас не может быть своего, адаптированного именно под данное «нарративное объяснение» вывода к лучшему объяснению. В этом смысле аргументация в пользу научного реализма действительно может зависеть от контекста.

рий»: «вместо того, чтобы отрицать эпистемическую ущербность (disadvantage) исторической науки, мы можем подчеркнуть высокий [эпистемический] статус естественной истории... Вместо слогана *Различные Методы, Эпистемическое Единобразие*, подчеркивающего, что исторические науки используют другие методы исследования, другие типы объяснения и ориентированы на другие объекты... я предлагаю слоган *Эпистемическая Ущербность, Одинаковый Эпистемический Статус*» (курсив автора. – Н. Г.) (с. 6)⁴. А выбор «естественной онтологической установки» в качестве базовой метафизической (если так можно выразиться) концепции нужен для того, чтобы «опровергнуть» конструктивный эмпиризм Б. Фраассена: «Естественная онтологическая установка Артура Файна и конструктивный эмпиризм Баса Фраассена – это радикальные точки зрения, согласно которым все наше знание, по сути, ограничено тем, что является наблюдаемым. Фраассен, так же как и Файн, в основном ограничивает свое внимание физикой, и обе

⁴ Это один из ключевых (в смысле оснований аргументации) моментов книги. «Исторические» и «эмпирические» науки различаются тем, как в их рамках мы манипулируем объектами, и тем, какую роль играют вспомогательные теории. Следуя Д. Тернеру, основные аргументы в пользу научного реализма (основанием которых является рефлексия над «эмпирическими» науками) не будут работать для «исторических» наук именно в силу указанной асимметрии. Мы можем манипулировать объектами микромира и в этом смысле, например, следуя Я. Хакингу, считать их реальными (см.: [Хакин, 1998 (1983)]). Но мы не можем «манипулировать в том же самом смысле» прошлым, – тут работает другая модальность: «Мы не можем генерировать новые “исторические” данные, вмешиваясь в протекающий причинный процесс в ходе контролируемого эксперимента». На наш взгляд, аргумент «от манипулирования» Я. Хакинга всегда был немного «странноватым». Апелляция к «реальной» научной практике делает рассуждения Я. Хакинга интуитивно понятными, но при этом (в той же самой книге!), он выступает как «яростный антиреалист», критикуя основной аргумент в пользу научного реализма, – не желая совмещать представление о «манипулятивности» и абдуктивный вывод. Это странно. Аргументация «за» или «против» реализма не должна зависеть от конкретного вида вывода, и поэтому критика абдуктивного вывода (Н. Картрайт, Я. Хакин, А. Файн, Б. Фраассен) не может считаться аргументом против научного реализма (см.: [Головкин, 2008]). Тем не менее, сложно не согласиться с тем, что в отношении способности «манипулирования» объектами «исторические» науки действительно отличаются от «эмпирических». Что касается «роли вспомогательных теорий». Следуя Д. Тернеру, вспомогательные теории в «эмпирических» науках являются источником новых данных, но в «исторических» науках они «говорят нам о том, как исторический процесс уничтожает (destroy) данные со временем, точно так же как преступник убирает потенциальные улики с места преступления» (с. 3). В «эмпирических» науках «манипулирование» и вспомогательные теории идут «рука об руку» (тут можно вспомнить пример Я. Хакинга с микроскопом: концепция прохождения света через сплошную среду (линзу) – это в данном случае вспомогательная теория). Здесь вспомогательные теории объясняют то, как именно мы можем «манипулировать» объектом, они расширяют наши эпистемические возможности. В то время как в «исторических» науках они объясняют то, почему столь необходимые данные о событиях в прошлом были безвозвратно потеряны, они «сдерживают (check) наши эпистемические амбиции» (с. 58). И также как с рассуждениями Я. Хакинга, здесь рассуждения Д. Тернера, возможно, отталкиваются «не от того места». Мы согласны с тем, что эти рассуждения о различиях «исторических» и «эмпирических» наук важны, однако остается впечатление, что Д. Тернер осознанно (или нет) смешивает, условно, «прагматические» и «концептуальные» основания. Одно дело подчеркивать практическую сложность получения данных о прошлом, но другое – рассуждать о том, что данные о прошлом принципиально другие и их всегда будет меньше. В этом смысле недовольство позицией Я. Хакинга, которое, например, выражает М. Девитт, обвиняя его в непоследовательности (см.: [Devitt, 1997]), скорее всего, будет справедливо и в данном случае. И естественно, этот наш комментарий является следствием того, что мы считаем позицию М. Девитта абсолютно непререкаемой во всех вопросах, касающихся понимания предмета и аргументации «за» или «против» научного реализма. Тезис Д. Тернера «эпистемическая ущербность, одинаковый эпистемический статус», скорее всего, выступает «внешним ориентиром» по отношению к приводимым им аргументам. И в этом смысле репрезентирует скорее желаемую цель, чем часть ядра концепции.

эти версии не-реализма выглядят как альтернативы [научному реализму], только когда мы обращаемся к микромиру. Однако когда мы обращаемся к истории, конструктивный эмпиризм Фраассена обретает крайне противоречивые (repugnant) следствия, что сразу же прекращает спор. Конструктивный эмпиризм Фраассена выглядит как жизнеспособная (viable) философская теория науки *только* до тех пор, пока мы игнорируем геологию и палеобиологию» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 4)⁵. А вот это уже серьезная «заявка на победу». Эта книга действительно о том, о чем мы всегда подозревали, но боялись подумать.

⁵ На наш взгляд, любой разговор о «естественной онтологической установке» А. Файна (равно как о квазиреализме С. Блэкберна, на который также есть отсылки у Д. Тернера) в контексте обсуждаемой проблематики научного реализма, – это разговор о независимости истины (см.: [Головкин, 2012]). Это пример концепции, демонстрирующий то, что тезис М. Девитта о независимости семантики (истинность) и онтологии (существование) не является исключением. В период или в ситуации, когда аналитическая традиция понимается как нечто данное свыше и само собой разумеющееся, серьезный подход к метафизике не может ограничиваться рассуждениями в рамках одной (и далеко не самой лучшей) парадигмы. Как отмечает А. Файн: «*Антиреализм не является победителем спора, в котором реализм проиграл*» (курсив наш. – Н. Г.) [Fine, 1986. P. 149]. Предлагается выбрать «третий путь» – принять результаты научного познания точно так же, как мы принимаем данные органов чувств, т. е., рассуждая об истинности и обоснованности научного знания, принципиально не выходить за рамки истории и практики науки. Основанием «третьего пути» является представление о том, что и реалистов, и антиреалистов на самом деле объединяет нечто общее – общая часть всех их концепций, которую А. Файн обозначает как «базовая установка» (core position), касающаяся исключительно понимания истины и истинности научного знания и, в частности, никак не связанная с традиционным дискурсом относительно онтологического статуса теоретических объектов. «Базовая установка» закрепляет представление о том, что результаты научных исследований принимаются как истинные в том же самом смысле, как «обыденные истины» (homely truths) [Ibid. P. 164]. «Основная идея, – пишет А. Файн, – состоит в том, чтобы принять такое представление об истинности, которое отвечает обыденному, некритическому (already in use) представлению об истинности научного знания. При этом не следует обосновывать обыденное представление об истинности научного знания различными представлениями о природе истины или другими, более фундаментальными ее свойствами. Естественная онтологическая установка не предполагает, что истинность является субстанциональной или объясняющей концепцией, т. е. не предполагает, что существуют некоторые более общие вещи, которые делают истину истинной. [Более того] понятие истины рассматривается в локальном, специфическом контексте ее употребления (относительно некритически воспринимаемого научного знания. – Н. Г.) и не зависит от более общих теорий интерпретации или метаязыка, которые уже давно [ошибочно] составляют предмет философии науки» [Ibid. P. 175]. Следуя А. Файну, собственно реалисты добавляют к «базовой установке» представление о том, что истина является производной относительно объективной реальности, а антиреалисты, – что истина является производной относительно различных эпистемических, семантических и т. д. условий (см., например: [Fine, 1986. P. 128–129]). При этом «естественная онтологическая установка предполагает, что любые легитимные дополнения базовой установки уже содержатся в том допущении, что обыденные и научные истины имеют один и тот же статус. *Ничего больше не требуется*» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid. P. 133]. Очевидно, в своих рассуждениях о «естественной исторической установке» Д. Тернер должен повторять эти рассуждения А. Файна уже потому, что он также отталкивается от натуралистического тезиса «наука вперед философии» и хочет занимать «нейтральную» позицию. Однако, учитывая то, что научный реализм для Д. Тернера (в тексте), – это по преимуществу эпистемический тезис, то он не может в данном случае просто развести семантику и эпистемологию. Для Д. Тернера указанный «третий путь» вместе с приоритетом «научных рассуждений перед философскими» трансформирует представление об истинности описания в представление о его объективности. Главным является не построить хорошую, работающую теорию о событиях в прошлом, а обнаружить ту часть описания прошлого, которая может претендовать на то, что именно она раскрывает то, «как все было на самом деле». Только в этом смысле Д. Тернер может считать себя реалистом, принимающим естественную историческую установку (если вообще такое сочетание позиций может быть осмысленным).

Первая глава посвящена обсуждению, ставшего уже классическим, тезиса о том, что мы гораздо больше можем узнать о микромире, чем о прошлом. И заключение выглядит по крайней мере интригующим: «Предположим, что у нас есть объекты двух типов, и они [типы] не релевантны в эпистемическом смысле, что приводит к тому, что в отношении одних мы испытываем гораздо больший оптимизм... Проблема в том, что философы [обсуждая эти виды] придерживаются *слишком высокого уровня общности*. Вся дискуссия отклоняется (skewed) [от предмета обсуждения] в том смысле, что [условно] она идет на уровне родов (genus), а не на уровне видов (species). Сам по себе вопрос “Могут ли млекопитающие питаться мясом?” не является плохим вопросом. Но он не учитывает разнообразия видов [млекопитающих], алиментарные и психологические различия внутри класса млекопитающих, а значит, может быть нерелевантным вопросом [для анализа каждого отдельного случая]. То же происходит с философами, задающими общие вопросы о знании относительно ненаблюдаемого. Если они никогда не обратятся к [эпистемической] разнице между видами [в смысле объектов микромира и объектов в прошлом], они упустят нечто важное» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 35–36). Вот это требование, – «определиться с уровнем общности» (или необходимость как-то к нему отнестись) и будет ключевым моментом, который заставит Д. Тернера пересмотреть содержание естественной онтологической установки А. Файна. На протяжении следующих четырех глав Д. Тернер будет рассматривать асимметрию «исторических» и «эмпирических» наук с целью предложить аргументы против «глобального» универсального представления о науке в пользу «локального» контекстно-зависимого представления, подчеркивающего значимость (для разных областей научного знания) различий по эпистемическим основаниям.

Большая часть второй и третьей глав продолжает обсуждение асимметрии между знанием о прошлом и знанием о микромире. Очевидно, это наиболее широко известная часть позиции Д. Тернера, здесь раскрывается «интеллектуальный конфликт» с точкой зрения Кэрол Клилэнд⁶. С точки зрения К. Клилэнд, и тут она совсем не одинока, никакой принципиальной разницы между «историческими» и «эмпирическими» науками нет⁷. И Д. Тернер не согласен с ней бук-

⁶ Вторая глава почти полностью была опубликована ранее как статья «Local Underdetermination in Historical Science» (Philosophy of Science. 2005. Vol. 72. P. 209–230), а третья представляет собой переработанную версию статьи «The Past vs. The Tiny: Historical Science and the Abductive Arguments for Realism» (Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2004. Vol. 35. P. 1–17).

⁷ Предполагается, что в новейшей философии науки именно статья К. Клилэнд (Historical Science, Experimental Science, and the Scientific Method // Geology. 2001. Vol. 29. № 11. P. 987–990) выступает в качестве триггера (как отмечает рецензент, асимметрия «исторических» и «эмпирических» наук – это довольно старая тема, о которой ранее писали еще неокантианцы, представители таких направлений как герменевтика и нарратология, а также такие известные авторы как Р. В. Ван Беммелен, С. Шумм и Р. Фродеман, которые, в частности, пытались обосновать несводимость геологического знания к «экспериментальным» идеалам научности в силу его «историчности»). Известно, что, например, Р. Фродеман в конце 1990-х учился в университете Колорадо в Болдере, где в то время уже работала К. Клилэнд), вызвавшего повышенный интерес к проблеме асимметрии «исторических» и «эмпирических» наук. Тезис К. Клилэнд выглядит достаточно привлекательно. «Историки» используют переопределенность (overdetermination) событий в прошлом событиями в настоящем для того, чтобы описывать события в прошлом, в то время как в «эмпирических» науках данные (результаты экспериментов) недоопределены (underdetermination). Настоящее переопределяет прошлое, но недоопре-

вально по каждому пункту. Здесь «научный реализм» – это эпистемический тезис о том, что мы можем схватить объективное «положение дел», даже несмотря на то что все наши «эпистемические средства» субъективны. И акцент на разнице между «историческими» и «эмпирическими» науками – это не призыв к построению концепции, «общей для всех случаев», а указание на многообразие форм реализма: «Я не хочу сказать, что любая историческая теория, такая как теория эволюции Дарвина, менее подтверждена (confirmed), чем любая теория микромира... Я показал, что существуют пределы знания о прошлом, которые не ограничивают знание о микромире. Это заключение скептика, но это пример *согласительного* (mitigated) скептицизма» (курсив автора. – Н. Г.) (с. 60)⁸. Так за-

деляет будущее. И К. Клилэнд хочет показать, что в *эпистемическом* плане никакой разницы между результатами, к которым потенциально могут привести методы «исторических» и «эмпирических» наук, нет. «Исторические» науки изучают переопределенность прошлого настоящим для того, чтобы отсеять конкурирующие гипотезы, и то же самое позволяют делать методы «эмпирических» наук, апеллирующие к недоопределенности настоящего будущим. В ответ на это Д. Тернер задает вопрос: «является ли указанная переопределенность / недоопределенность эпистемически значимой?» С точки зрения Д. Тернера, следует различать метафизическую переопределенность / недоопределенность и эпистемическую переопределенность / недоопределенность. Метафизическая переопределенность, например, не является эпистемической и не мешает говорить о знании о прошлом. Проблема в том, что само понятие эксперимента в «исторических» науках в каком-то смысле «метафизически» иное. По Д. Тернеру, вспомогательные теории в «исторических» науках нацелены на другое (они подсказывают, как данные исчезают со временем), а значит, к ним нельзя апеллировать при выборе между разными гипотезами. То, о чем говорит К. Клилэнд, не будет работать в «исторических» науках в том виде, как их понимает Д. Тернер.

⁸ Примечательно то, что этот «скептицизм» по-разному интерпретируется К. Клилэнд и Д. Тернером. В одной из, условно, «ранних» работ Д. Тернер говорит о том, что «нам никогда не узнать, какого именно цвета были динозавры» (см.: Local Underdetermination in Historical Science // Philosophy of Science. 2005. Vol. 72. P. 209–230). И К. Клилэнд успешно его критикует, тем более что появились научные результаты, достаточно четко (в некоторых случаях) определяющие цвет перьев динозавров (см.: Prediction and Explanation in Historical Natural Science // British Journal for Philosophy of Science. 2011. Vol. 62. № 3. P. 1–32). В частности, она ссылается на статью: Zhang F. et al. Fossilized Melanosomes and the Colour of Cretaceous Dinosaurs and Birds // Nature. 2010. № 463. P. 1075–1078. С точки зрения общей логики рассуждений, К. Клилэнд стоит на позиции, что с помощью принципа «общей причины», то есть поиска ключевых событий, оказавших значительное и масштабное влияние на ход событий, мы можем познать, казалось бы, совсем недоступное прошлое. И может показаться, что победа в споре о цвете динозавров стала триумфом «оптимизма Клилэнда». Однако в ответ на это Д. Тернер, признав свое поражение в споре о цвете динозавров, выдвигает другой тезис, что ученые исследуют только то, что им интересно. При этом «интерес» рождается только тогда, когда становится возможным вероятность позитивных результатов исследования. Отсюда можно также сделать вывод, что «оптимист» (в духе К. Клилэнда) будет искать только там, где исследование может оказаться результативным, и не будет искать там, где исследование «обречено на провал». Поэтому, как пишет Д. Тернер, для современных ученых «нет смысла тратить время или ресурсы на попытки определить точный размер популяции тираннозавров непосредственно перед ее исчезновением» (A Second Look at the Colors of the Dinosaurs // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2016. Vol. 55. P. 65), так как это тривиально и неинтересно. В данном случае «интересность» или «неинтересность» зависит от наших познавательных возможностей: «Интересность может быть частично связана с эпистемическими ресурсами. Сегодня часть того, что делает цвет динозавров интересным, заключается в том, что ученые уже разработали инструменты, дающие нам эпистемический доступ. Если бы у нас был какой-то способ установить размер популяции тираннозавров в момент удара астероида, то этот вопрос *мог бы* показаться более интересным» (курсив наш. – Н. Г.) (Там же). В этом смысле «согласительный скептицизм» (несмотря на то что книга была написана до отмеченного фиаско Д. Тернера), очевидно, имеет под собой гораздо больше оснований, чем может показаться на первый взгляд. Мы можем дополнять его различными содержательными элементами, не нарушая исходного понимания асимметрии и не скатываясь в агно-

крепляется контекст «нового» тезиса «эпистемическая ущербность, одинаковый эпистемический статус». Четвертая глава также уже публиковалась и носит следы рефлексии по поводу поступившей критики⁹. В центре внимания проблема пессимистической мета-индукции и противопоставление попыток ее решения в «исторических» и в «эмпирических» науках. И вывод точно так же не поддерживает ни ту, ни другую сторону: «Пессимистическая индукция имеет столько же убедительности (force) против исторического реализма, что и против экспериментального реализма. Асимметрия манипулирования и [роли, в которых выступают] вспомогательных теорий не оказывает влияние на [решение проблемы] пессимистическую индукцию» (с. 100). Пятая глава обсуждает проблему «новых предсказаний». Наиболее интересный вывод, на наш взгляд, который можно сделать из анализа содержания главы, заключается в том, что «признание эпистемической ущербности исторических наук – это ключ к пониманию того, что происходит в палеобиологии и геологии, в частности, вместе с использованием компьютерных симуляций и проведением численных экспериментов. Численное моделирование – это та стратегия, которая дает возможность избавиться от асимметрии манипулирования» (с. 7). Умеренный скептицизм, признание важности проблемы пессимистической мета-индукции для каждого из типов науки, обоснование того, что в «исторических» науках возможны «новые» предсказания (особенно если мы рассматриваем эти науки через призму «вычислительной математики», т. е. в форме, далекой от «полевой» практики), – все это позитивные черты той условной (мы не можем считать естественную онтологическую установку А. Файна реализмом) концепции «мягкого (milder than mild, по выражению Д. Деннета) реализма», к которой склоняется Д. Тернер. При этом основной отличительной чертой такой формы реализма, именно как эпистемического тезиса, будет контекстно-зависимый характер, который определяется *ролью, которую играют вспомогательные теории*. На этом в широком смысле обсуждение реализма в науках о прошлом заканчивается, и Д. Тернер переходит к обсуждению тезиса о «конструировании прошлого».

Шестая глава начинается с посвящения Дж. Беркли, И. Канту, Т. Куну и Б. Латуру, содержит достаточно интересный анализ точек зрения М. Девицка, М. Даммита и А. Кукла относительно верификационизма (еще одна из ключевых тем научного реализма, обретающая особую популярность после книги Дж. Лэдимена, которая выходит в том же 2007 году, см.: [Ladyman et al., 2007]), и приводит читателя к А. Файну: «Минимализм в понимании истины – это просто описание того, как употребляется предикат “истинно”, и в этом смысле реалисты и антиреалисты участвуют в бессмысленной метафизической дискуссии. Обе точки зрения начинают с базовой установки (core position) и идут гораздо дальше, обсуждая метафизические тезисы о природе и сути истины. Сторонник естественной онтологической установки будет стремиться как можно меньше рассуждать об этом» (с. 160). Мы должны оставаться агностиками в отношении ответа на вопрос

стицизм. Мы благодарны Василию Анатольевичу Миронову за обсуждение и поступившие комментарии.

⁹ По большей части, это статья «Misleading Observable Analogues in Paleontology» (Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2005. Vol. 36. P. 175–183).

о том, сконструировано прошлое или нет. И здесь, по-видимому, нужно отметить, что это заключение выглядит не совсем однозначно. В первой части книги Д. Тернер откровенно симпатизировал реализму, в частности, он не отрицает, что выбор между двумя альтернативными гипотезами в «исторических» науках возможен. Проблема в том, что если прошлое «социально сконструировано», то у нас нет оснований предполагать, что его описание не полно (оно полно ровно в той степени, до которой это позволяет «конструирование»), у нас нет оснований ожидать, что одна гипотеза *должна быть* лучше, чем другая. И не случайно, что здесь Д. Тернер акцентирует наше внимание на понимании «объективности» знания. Перед ним стоит две задачи: (а) он не должен принимать конструктивизм, (б) он не должен принимать реализм. «Реализм обладает одной добродетелью, которой нет у конструктивизма... каждый раз, когда мы [как реалисты] делаем эмпирическое утверждение, мы присоединяем (conjoin) к нему требование независимости от деятельности сознания. Если я скажу: “Вчера шел снег”, то большинство людей подумают, что это происходило независимо от деятельности моего сознания. Эта независимость есть основание, которое придает необходимую *объяснительную силу* гипотезе... Философы, такие как Девитт, любят обвинять конструктивистов в том, что они допускают простейшую ошибку, – путают (confusing) репрезентацию с объектом» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 148–149). Апелляция к М. Девицку тут не случайна, это явно реалистский ход рассуждений (см.: [Devitt, 1997]). Но что будет, если к эмпирической гипотезе присоединить разные (несовместные) метафизические интерпретации? «Все, что мы знаем об исторических явлениях и процессах, дает основание предполагать, что информация относительно того, произошло ли данное событие независимым или же зависимым от сознания образом, никогда не будет сохранена в исторических данных. Информация относительно того, произошло ли событие независимо от нас или нет, никогда не сохранится в следах, оставленных животным, которое прошло по снегу. Вспомогательные теории предполагают (imply), что метафизическая информация – информация об истинности или ложности контрфактических утверждений относительно зависимости – всегда уничтожается и никогда не сохраняется. Исторические данные сохраняют информацию только о том, что существовало и произошло, и ничего не говорят о том, происходили ли события в прошлом независимо от деятельности сознания» (с. 156). Эта апелляция к тому, что метафизические утверждения недоопределены практикой, и в данном случае все это звучит как канонический тезис инструментализма.

Седьмая глава продолжает анализ позиции А. Файна и заканчивается «опровержением» позиции Б. Фраассена: «Конструктивный эмпиризм Фраассена не обобщается на исторические науки. Принятие конструктивного эмпиризма будет означать радикальный скептицизм относительно прошлого, – он никогда не предполагался как серьезное философское основание исторической науки. Ранее (в третьей главе) я говорил, что вся дискуссия о реализме отклоняется от предмета рассуждения, поскольку во внимание не принимаются примеры из исторической науки, поскольку традиционные абдуктивные аргументы в пользу реализма заметно менее применимы в историческом, чем в экспериментальном контекстах. А теперь мы видим, что дискуссия отклоняется не только поэтому:

одна из лидирующих не-реалистских концепций одинаково хорошо работает и для исторических, и для эмпирических наук, а другая – нет... Файн упорно противостоит попыткам предложить глобальную философскую интерпретацию науки... *наука – это не тот проект, который можно организовать вокруг одной единственной цели*. Рассуждения о целях предполагают, что наука имеет какую-то определенную природу, – это еще один тезис, который отрицает Файн. Он пишет: “Естественная онтологическая установка нацелена на то, что сместить [основной] фокус философского исследования с глобального на локальное, в сторону от общего (или универсального) к частному”, он хочет, чтобы философы “соотносили (scale) вещи в том контексте, в котором философское исследование может принести плоды (thrive)”. Но, к несчастью, он также недостаточно четко (vague) указывает на то, *как такая локализованная философия науки могла бы выглядеть»* (курсив наш. – Н. Г.) (с. 178–179). Очевидно, тезис о необходимости «локального» контекстно-зависимого представления о науке был почерпнут у А. Файна. И именно в этом смысле понимается «одинаковый эпистемический статус» для теорий «исторических» и «эмпирических» наук.

Заключительная (восьмая) глава называется «[модель] Земля – снежный ком в равновесии». Она посвящена проблеме «согласованности» (consilience) знания о прошлом и обосновывает еще один нетривиальный вывод, который делает Д. Тернер: «Согласованность или уровень общности объяснения (explanatory unification) дает основание одобрить, а не просто принять (ассерт) гипотезу» (с. 197). Вот как это объясняется: «Вспомогательные теории в исторических науках описывают процессы, посредством которых информация о прошлом уничтожается. Но также они могут много рассказать о том, как информация сохраняется в останках и геологических летописях... Если ученые достигают успеха в объединении следов (traces), привязав их к одному событию, то они в определенном смысле уверены в том, что они на правильном пути, поскольку могут сказать, какого рода нарратив им нужен. Согласованность имеет определенный эвиденциальный вес, но апелляцию к согласованности лучше всего интерпретировать в терминах эмпирической проверки вспомогательных допущений. Если согласованность дает нам основания принять гипотезу, то это *только* потому, что соответствующие вспомогательные допущения хорошо подкреплены эмпирически» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 196). На наш взгляд, это очень элегантный ответ на затруднение, связанное с неизбежностью когерентистской трактовки и вытекающих проблем обоснования знания для любой достаточно масштабной теории в «исторических» науках.

И это еще не все. Один из наиболее значимых (если не самый значимый!), на наш взгляд, результатов Д. Тернера заключается в том, что у нас появляется возможность преодолеть дихотомию идеографическое / номотетическое, которая неизбежно сопровождает любую интерпретацию «исторической» науки. «Я нацелен показать, что мы можем получить гораздо более достоверную картину исторической науки, если освободимся от деления науки на идеографическую и номотетическую, и сосредоточимся на эпистемической разнице между разными типами ненаблюдаемых объектов, которые изучает наука... Слишком долго обсуждение исторической науки было ограничено традиционными рамками идеографиче-

ской и номотетической науки. Мы обязаны этой терминологией неокантианцам Виндельбанду и Риккерт, которые думали, что такое деление поможет понять разницу между естественными и гуманитарными науками. Номотетическая наука связана с законами, идеографическая, наоборот, с индивидуальными явлениями. Кеплер и Ньютон занимались номотетической наукой, а геологи девятнадцатого века, обнаружившие, что северное полушарие однажды было покрыто льдом, занимались идеографической. Я не нахожу такое деление полезным» (с. 7–8). То, что Д. Тернер хочет здесь сказать, сложно переоценить. Как быстро бежал динозавр, когда оставил именно такие следы? Ответ на этот вопрос будет апеллировать к законам биомеханики. Каждая компьютерная симуляция движения тектонических плит, которую проводит геолог, фиксирует серию «индивидуальных явлений», однако таких симуляций можно провести много. Означает ли это, что у геологии есть шанс считаться номотетической наукой? Естественно, речь не идет о том, что после Д. Тернера мы должны перестать делить сообщество на тех, кто «поклоняется К. Гемпелю» и тех, кто «поклоняется У. Дрею» (в конце концов, нам все еще нужно как-то различать философов из Новосибирска от философов из Томска). Однако сама идея, что, приняв в качестве метафизического тезиса одну из интерпретаций естественной онтологической установки, мы можем покуситься на дихотомию идеографическое/номотетическое, представляется как минимум интересной и достойной внимания.

С точки зрения философа, который вслед за Дж. Лэдименом предполагает, что «метафизика должна быть научной», научный реализм является единственным кандидатом на роль метафизической концепции. Однако, судя по всему, значительная часть реально работающих ученых, несмотря на психологическую обусловленность «рабочего платонизма», все же, при ближайшем рассмотрении, выберут инструментализм. Любой достаточно значимый научный результат претендует на то, чтобы изменить парадигму. Понимание того, что курица – это динозавр, пришло в результате длительного «эволюционного» процесса смены парадигм в систематике. Было бы странным ожидать, что обычный ученый, наверняка разделяющий (явно и неявно отталкивающий от) в общем-то картезианские представления в онтологии, которые в данном случае выступают скорее идеологическим препятствием, не будет со скептицизмом смотреть на философа, который будет убеждать его в том, что реализм – это «единственная игра в городе». Вся аргументация философа будет выглядеть (и выглядит) как *ad hoc*, который позволяет не говорить прямо «я не знаю», а сосредоточиться на том, что «раз других хороших объяснений нет, то мы будем считать реализм единственно возможной платформой». И в этом смысле пример Д. Тернера с попыткой «перестроить под себя» концепцию естественной онтологической установки А. Файна, – это хороший пример того, как грамотно и оригинально может выглядеть инструменталистская концепция. И также, в лучших традициях У. Уэвелла и К. Гемпеля, мы можем подчеркнуть достоинства концепции Д. Тернера. Во-первых, она «рефлексивна» в том смысле, что ставит на место других инструменталистов. И, во-вторых, она в меру (конструктивно, не разрушая канон) «оригинальна» – акцент на том, что «сила аргументов за или против научного реализма может меняться в зависимости от научного контекста» достаточно неожиданно приводит

и к тому, что «деление идеографическое / номотетическое не является полезным», и к тому, что «эпистемическая ущербность, но одинаковый эпистемический статус». Книга Д. Тернера гарантированно Вас не разочарует.

Список литературы

- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III: Абдуктивный вывод // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6. № 1. С. 9–15.
- Головко Н. В.** Квазиреализм, естественная онтологическая точка зрения и независимость истины // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 2. С. 17–22.
- Головко Н. В.** От позитивизма к научному реализму и социальному конструктивизму: каким должен быть учебник по философии науки. Рец. на кн.: Klee R. *Introduction to the Philosophy of Science: Cutting Nature at Its Seams*. Oxford University Press, 1997 // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 4. С. 145–152.
- Хакинг Я.** Представление и вмешательство. М.: Логос, 1998.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Fine A.** *The Shaky Game*. University of Chicago Press, 1986.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.

References

- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Fine A.** *The Shaky Game*. University of Chicago Press, 1986.
- Golovko N. V.** Naturalization of Philosophy and Basic Arguments Against Scientific Realism. III: Abductive Inference. *The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 17–22 (in Russian)
- Golovko N. V.** Quasi-Realism, Natural Ontological Attitude and Independence of Truth. *The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 17–22 (in Russian)
- Golovko N. V.** From Positivism to Scientific Realism and Social Constructivism: What a Textbook on the Philosophy of Science Should Be. Book Review: Klee R. *Introduction to the Philosophy of Science: Cutting Nature at Its Seams*. Oxford University Press, 1997. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 145–152. (in Russian)
- Hacking I.** *Representing and Intervening*. Moscow: Logos, 1998. (in Russian)
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author**Nikita Golovko**, Doctor of Sciences (Philosophy)¹Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;²Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 19.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.01.2023*

*The article was submitted 19.12.2022;
approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.01.2023*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

5.4 – Социология.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу

электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также неоригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже. Оформление списков литературы должно отвечать настоящим правилам.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; ORCID; аннотация на русском

языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире только одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

5. Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются только в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), причем кроме URL обязательно указывается дата обращения к ресурсу и дата опубликования (если есть).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображе-

ния 120 × 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании) [Horton et al., 2006, p. 427–428]. При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Ролз, 1995]).

Подстрочные сноски нумеруются по порядку, начиная с цифры 1, например¹. При оформлении ссылки на документы из сети Интернет обязательно указывается: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора².

ВВ! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года прекращена практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Для русскоязычных источников указывается (in Russian).

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

¹ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

² См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетеия, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

Aristid. Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.

Tselishchev V. V. Rationalist Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент,
научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

